

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА

Материалы федеральной
научной конференции

Екатеринбург – 2004

Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 212 с.

Представлены материалы федеральной научной конференции «Лингвистика XXI века», проводимой в сентябре 2004 г., посвященной 10-летию Диссертационных советов по лингвистике и методике ее преподавания в УрГПУ. Адресовано специалистам по общей и политической лингвистике, политологии, журналистике.

РЕД. КОЛЛЕГИЯ:

Профессор, д.ф.н. Чудинов А.П. (отв. ред)

Профессор, д.ф.н. Руженцева Н.Б.

Профессор, д.ф.н. Гридина Т.А.

Доцент, к.ф.н. Коновалова Н.И.

Ассистент Шинкаренкова М.Б.

Подписано в печать _____ Формат 60х84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. ____ Тираж 120 экз. Заказ 1084
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620219 Екатеринбург, ГСП – 135, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@diapup.uk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Аболин Б.И. Екатеринбург	Когнитивная семантика глагола «терпеть» как ключ к ядру поля «толерантность»	9
2.	Аликина Е.В. Пермь	Полифункциональность переводческой записи в учебном процессе	10
3.	Алферова Ю.В. Екатеринбург	Метафорическое моделирование конкуренции в российском и британо-американском экономическом дискурсе	16
4.	Афанасьева Н.Н. Кондюрина И.М. Екатеринбург	Лингвистические особенности слоганов	18
5.	Багичева Н.В. Екатеринбург	Ментальность как ключевое понятие когнитивной лингвистики	20
6.	Бадрызлова Ю.Г. Екатеринбург	Этимология и исторический контекст заимствования в английский язык слов <i>bigot</i> , <i>fanatic</i> , <i>zealot</i> , <i>assassin</i> , <i>thug</i> .	22
7.	Белеева И.Д. Екатеринбург	К вопросу о «криптоязыке», или почему французы уверены в том, что им никогда не овладеть «настоящим» русским разговорным языком	25
8.	Биньковская М.В. Челябинск	Функционирование отглагольных предлогов в деловых документах второй половины XVIII века	27
9.	Бирюкова Н.С. Екатеринбург	Психолингвистическое исследование интертекстуальности в политическом тексте	30
10.	Бирюкова Н.С. Екатеринбург	Прецедентные феномены в политическом тексте	33
11.	Богуславская Е.Л. Екатеринбург	Особенности подчинения определительных придаточных предложений в афроамериканском английском	36
12.	Будаев Э. В. Нижний-Тагил	О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры	38

13.	Будаев Э.В. Нижний Тагил	Монархическая метафора как средство концептуализации политической действительности в британской прессе (на примере России, Грузии и Латвии)	41
14.	Вейнгарт О.С. Челябинск	О реальном и фиктивном склонении предложений (на материале современного французского языка)	43
15.	Возмилова И.В. Екатеринбург	Проблемы перевода с немецкого языка на русский текстов официально-делового стиля	45
16.	Гиниатуллин И.А. Екатеринбург	Объекты практико-языкового самобразования	49
17.	Гоголина Т.В. Екатеринбург	Пересечение функционально-семантических полей в пространстве модальности достоверности	50
18.	Головенкина Н. В. Челябинск	Идиостиль М.А. Булгакова как предмет лингвистического исследования	53
19.	Дементьева О.Г. Екатеринбург	Проблема номинации такого лингвистического явления, как транспозиция	55
20.	Дударева З.М. Стерлитамак	Антропоцентрический подход как основа выделения языковых моделей времени	57
21.	Дьячкова Н.А. Екатеринбург	Полиситуативность в простых предложениях асимметричной структуры	58
22.	Елизарова Г.С. Стерлитамак	Концепт «война» в индивидуальной языковой картине мира Л.Н. Толстого (по материалам романа «Война и мир»)	60
23.	Злыденная Т.А. Екатеринбург	Концепт «Труд» как константа культуры	61
24.	Илюшкина М.Ю. Екатеринбург	Своеобразие использования прецедентных феноменов в печатной туристической рекламе	62
25.	Кабаченко Е.Г. Екатеринбург	Возведение здания образования: domestическая метафора в идиостиле К. Д. Ушинского	63

26.	Каслова А.А. Екатеринбург	Лингвокультурная специфика метафорических моделей с исходными понятийными сферами «механизм» и «строительство»	68
27.	Качесова И.Ю. Барнаул	Аргументативная личность и манипулятивная картина мира: способы взаимодействия	71
28.	Коваленко Ю.Д. Омск	Интерпретация концепта дом в художественном пространстве текста (на материале романа М. Булгакова «Белая гвардия»)	73
29.	Колясникова О.С. Екатеринбург	Мотивационная рефлексия как форма рефлексивного языкового мышления ребенка	76
30.	Кондратьева О.Н. Кемерово	Концептуальная метафора 'болезнь души' в древнерусских текстах	78
31.	Коурова О.И. Щадринск	Традиционно-поэтическая лексика и фразеология в аспекте лингвокультурологии	81
32.	Красильникова Н. А. Екатеринбург	Метафорическое представление «своих» и «чужих» в дискурсе политических движений «зеленых» в Англии, России и США	83
33.	Кудрявцева Н.Ю. Екатеринбург	Современная популярная песня как объект лингвистического исследования	85
34.	Кузлякин С.В. Екатеринбург	Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях	86
35.	Кушнерук С.Л. Челябинск	Прецедентные имена как элементы реализации стратегий коммуникативного воздействия в российской и американской рекламе	89
36.	Кушнина Л.В. Пермь	Взаимодействие субъектов в переводческом пространстве	91
37.	Малов В.И. Сургут	Проблема субъектно-объектной квалификации имён в лингвистическом эксперименте	95

38.	Малова Е.Г. Сургут	Композиты-«перевёртыши» в экспериментальном словообразовании	97
39.	Миронова П.О. Омск	Синтез традиционных журналистских жанров и жанров р-текста на материале современной политической коммуникации	99
40.	Моисеев А.А. Екатеринбург	Егор Летов и поэзия XX века (к проблеме интертекстуальных связей)	102
41.	Мощанская Е.Ю. Пермь	К вопросу о формировании умений невербального общения в процессе подготовки переводчиков	106
42.	Мухин Н.Ю. Екатеринбург	О соотношении понятий термины, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы	109
43.	Мышкина Н.Л. Пермь	Синергетический аспект изучения языка	111
44.	Назин А.С. Сургут	Восприятие английских мифонимов русскоязычными информантами	113
45.	Нахимова Е.А. Екатеринбург	Уникально развитая многозначность в русской лексике	115
46.	Нестерова Н.М. Пермь	О новом статусе науки о переводе на рубеже столетий	117
47.	Нефёдова Л.А. Челябинск	Лингвокультурные и семантические особенности заголовка художественного текста	120
48.	Носовец С.Г. Омск	Когнитивно-прагматический анализ художественного текста как механизм реконструкции и описания цветовой картины мира автора	122
49.	Олешков М. Ю. Нижний Тагил	Структура информирующего дискурса в дидактической коммуникации	126
50.	Панченко Н.В. Барнаул	Функциональные особенности PR-текста	129
51.	Парилова Н.А. Екатеринбург	Проблема вариантности языковых единиц в аспекте процесса	132

	семантического отталкивания (на материале зауральских говоров)	
52. Перескокова А.Ю. Челябинск	Свой среди чужих...	134
53. Попова Т.В. Екатеринбург	Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале окказио- нальных новообразований)	136
54. Попова Э.Ю. Екатеринбург	Обучение эффективному слу- шанию на занятиях по риторике и культуре речи	138
55. Санталова И.Ц. Екатеринбург	Роль межличностной коммуни- кации в изучении иностранного языка	140
56. Сегова Т.Д. Нижний-Тагил	Типы слушателей	142
57. Сергеева Н.М. Кемерово	Концепт мозга в русской языко- вой картине мира	145
58. Серова Т.С. Пермь	Фрагментарный письменный пе- ревод в межкультурной коммуни- кации	149
59. Солопова О. А. Челябинск	Использование прецедентных феноменов в сильной позиции текста в дискурсе Федеральных выборов	153
60. Стрельников А.М. Нижний Тагил	Категория оценки в дискурсе Фе- деральных выборов	155
61. Сурина А.В. Нижний-Тагил	Метафорическое моделирова- ние на материале мемуаров Б.Н. Ельцина	158
62. Твердохлеб О.Г. Оренбург	Принцип дополнительности как методологический постулат и явление статики и динамики в синхронической лингвистике	161
63. Телешева И.В. Челябинск	Морбиальная метафора в поли- тическом дискурсе США и Рос- сии	164
64. Толкач С.В. Нижневартовск	Развитие навыков речевого эти- кета в условиях поликультурно- го образовательного процесса	167

65.	Толстова Ю.А. Екатеринбург	Коммуникативные стратегии СМИ при трансляции теракта	169
66.	Устуньер И. Стамбул	«Птичья» метафора в русском и турецком языках	171
67.	Урумашвили Е.В. Екатеринбург	Функциональные варианты форм настоящего времени глагола в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	177
68.	Фаткулин Б.Г. Челябинск	Методика автоматизации контент-анализа текстов в os Unix.	179
69.	Филиппова Л.В. Стерлитамак	Контекст иноязычной культуры в обучении речевому этикету	181
70.	Хабибрахманова Ю.Р. Екатеринбург	Реализация модального значения уверенности/неуверенности в жанре очерка (на материале политических очерков)	183
71.	Хаматова А. Р. Екатеринбург	Функциональная омонимия в иронической поэзии И. Иртеньева	185
72.	Хвостова Е.В. Екатеринбург	Традиционные речевые игры как средство приобщения детей к народной культуре	187
73.	Чувакин А.А. Барнаул	К проблеме методов риторического исследования	192
74.	Чудакова Н. М. Нижний Тагил	Особенности метафорических противопоставлений в дискурсе средств массовой информации	195
75.	Чудинова И.С. Екатеринбург	Реформа советской школы и модернизация российского образования	196
76.	Шабалина Н. Челябинск	Аудиальная структура информационных радиопередач	200
77.	Шарафутдинов Д.Р. Екатеринбург	Логическая основа продуктивной грамматики современного русского языка	201
78.	Шехтман Н.Г. Екатеринбург	Игры, в которые играют политики	203
79.	Шинкаренкова М.Б. Екатеринбург	«Сон был свойственным этому веку»: метафора сна в русской рок-поэзии	206

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА «ТЕРПЕТЬ»
КАК КЛЮЧ К ЯДРУ ПОЛЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Ядро лексико-семантического поля «Толерантность» в русском языке составляют слова, объединенные общим значением «терпимости», «выдержки». От слова «терпимость» идет цепочка к глаголу «терпеть», когнитивная семантика которого позволит увидеть языковую картину ситуации толерантности.

Из лексических значений глагола «терпеть» (1. Безропотно переносить что-нибудь 2. Мириться с наличием чего-либо, допускать что-либо. 3. Испытывать что-то неприятное. 4. Такой, что можно отложить, подождать) выделяются две ключевые семы - а) выдержки, выжидания, перенесения и б) наличие чего-либо недолжного, неприятного, с чем приходится мириться.

Система значений формирует следующую ситуацию: человек, испытывая что-то неприятное, или находясь под воздействием со стороны кого-нибудь, кажущегося ему неприятным, терпит, переносит, выжидает. Отсюда - прототипическая ситуация «выдержки»: перенесение боли, трудностей, которые предполагают дальнейшие последствия – обострение боли, влияние на физическое и психическое состояние человека; моральная победа в словесной дуэли и т.д.

Структура пропозиции: предикат трехместный, реляционный; актанты – протоголист, пациентив, адресат; сирконстант–кондитив (во внеязыковой деятельности – условия, в которых человек проявляет терпимость, сдерживает себя).

Общая ситуация для всех значений – моральная борьба с чьим-либо вызывающим поведением, либо переживание боли, физических потребностей, которые не удается удовлетворить до поры до времени.

Пример: человек переносит боль, либо физиологические потребности организма в ситуации, когда невозможно их удовлетворить. Либо – испытывает давление, агрессию со стороны кого-либо, выражающуюся в непристойных высказываниях в свой адрес, а иногда – физическом насилии, но или игнорирует это, или старается не проявлять излишней эмоциональности и отпора, исходя из окружающей обстановки (людского окружения; места, где происходят события и т.д.).

Важными семантическими признаками являются: 1) нечто

недолжное, вынуждающее человека к терпению, испытанию; 2) выживание и 3) последствия, влияющие на здоровье человека и принятие его обществом в результате проявления терпения, выдержки.

Когнитивная семантика рассматривается в двух аспектах: биологическом (терпение как свойство организма) и социальном, когда человек проявляет терпение в ситуации общения, в зависимости от положения в обществе и особенностей характера себя и своего собеседника.

Аликина Е.В.

Пермь

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЗАПИСИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Если обратиться к современным трактовкам устного последовательного перевода (УПП), приводимым как отечественными [2; 4; 5; 6; 7], так и зарубежными [9; 10; 11] исследователями, мы увидим, что все они так или иначе связывают осуществление данного вида переводческой деятельности с применением специальной записи. Столкнувшись с разнообразием наименований данной записи (сокращенная запись, краткая запись, переводческая запись, система записи, скоропись, универсальная переводческая скоропись, переводческая нотация и др.), мы посчитали наиболее объемным термин «переводческая запись» (ПЗ), под которым понимаем:

а) вид профессиональной фиксации информации, используемый устными переводчиками в процессе восприятия сколь угодно длительного отрезка речи с целью снятия нагрузки на оперативную память и создания программы порождения текста перевода;

б) аналитико-синтетический процесс ментальной обработки и фиксации информации в процессе УПП.

Исходя из определения, можно сделать вывод о полифункциональности ПЗ. При этом весь спектр функций мы подразделяем на две группы: собственно переводческие функции, осуществляемые в момент перевода, и сопутствующие или потенциальные функции, проявляющиеся вне переводческого процесса, но учет, которых позволяет оптимизировать процесс обучения будущих переводчиков.

К собственно переводческим функциям мы относим, прежде всего, *мнемическую* функцию. Благодаря ПЗ переводчик как «по узелкам на память» [11] может вспомнить все то, о чем шла речь

в исходном сообщении. *Концентрирующая* функция заключается в том, что записи позволяют сосредоточить восприятие и внимание переводчика на всех деталях сообщения в момент его анализа. Д. Жиль [9], автор когнитивной модели перевода, рассматривающий процесс перевода с точки зрения затраченных усилий на каждом из его этапах, ведет речь об *энергосберегающей* функции ПЗ, поскольку она помогает лучше понять речь в процессе ее восприятия, что сокращает потребление энергетических ресурсов внимания на стадии восприятия и анализа.

Рассматривая ПЗ как программу порождения текста перевода, мы, вслед за Н.А. Краевской [3], выделяем программирующую функцию. Для наиболее полной реализации данной функции нами была разработана «коммуникативная система записи» [1]. В отличие от «синтаксической записи» [4; 7; 8], основанной на выделении позиций, закрепленных за членами предложения, и «семантической записи» [5], отражающей логический трехчлен «деятель – действие – объект», она предполагает фиксацию инварианта исходного текста, передача которого и является конечной целью перевода. Поскольку инвариант выражен тематическим членением, мы ориентируем ПЗ на фиксацию темы и ремы как коммуникативных компонентов текста.

Следует отметить, что ПЗ имеет и ряд сопутствующих функций, проявляющихся вне рамок переводческой деятельности. Среди данных функций мы выделяем чрезвычайно важную, на наш взгляд, *валеологическую* функцию. Ее реализацию мы видим в том, что материализованные на бумаге мысли не остаются в голове переводчика, что, в свою очередь, снижает когнитивную нагрузку в условиях постоянной стрессовой деятельности и способствует обеспечению лучшего психического здоровья на протяжении всей профессиональной карьеры переводчика.

Немаловажной является *исследовательская* функция ПЗ. По словам Е.Н. Сладковской, ПЗ «позволяет приоткрыть завесу над одним из важнейших этапов переводческого процесса, обычно скрытого от наблюдения – процесса анализа исходного текста» [5]. ПЗ также дает уникальную возможность определить, какие элементы содержания сохраняются во внутренней программе и как выбирается один из возможных путей реализации такой программы в тексте перевода. Многогранность потенциала ПЗ как методологического инструмента анализа является предметом дипломных исследований студентов кафедры ИЯ-ЛиМК ПермГТУ. В качестве примера можно привести такие темы

как «Переводческая запись как отражение ассоциативного поля переводчика», «Выделение опорных пунктов памяти и их фиксация в переводческой записи», «Функционирование основных психологических механизмов в процессе переводческой записи» и др.

Наконец, мы наделяем ПЗ *учебной* функцией. Е.В. Цыганкова [6] показала возможность использования ПЗ как опоры при формировании умений формирования и формулирования связного монологического высказывания.

Мы склонны рассматривать потенциальное значение ПЗ в учебном процессе в более широком контексте. Так, анализ продуктов фиксации в виде ПЗ может служить основой для оценки степени сформированности профессиональных навыков и умений. Помимо этого, обучение составлению внешней программы переводчика в виде ПЗ позволяет перенести приобретенный опыт и в другие виды переводческой деятельности, для которых характерно наличие лишь внутренней программы.

Согласно предлагаемой нами методики интегративного формирования навыков и умений ПЗ на протяжении всех этапов подготовки переводчиков, мы рассматриваем ПЗ средство обучения текстовосприятию и текстопорождению, в чем видим основную учебную функцию ПЗ.

Как известно, УПП предполагает не только слуховое, но, при условии применения ПЗ, и зрительное восприятие в момент прочтения текста записи при порождении перевода. Однако в учебной ситуации представляется крайне сложным обучение текстовому анализу исключительно на основе звучащей речи так, как это свойственно УПП. На начальном этапе необходимо сочетание действий одного порядка, в частности письменной фиксации и зрительного восприятия письменного текста, т.е. ПЗ и чтения, причем чтение по отношению к записи должно быть первичным, заменяющим прослушивание этапом.

О возможности замены аудирования чтением при обучении ПЗ писал еще Ж. Эрбер [10]. Для усовершенствования системы ПЗ он предлагал вести запись одновременно с прочтением вслух нескольких страниц текста. Чтение вслух, на наш взгляд, наиболее близко к ситуации УПП по характеру трудностей, сопровождающих данный вид речевой деятельности.

Ж. Эрбер предлагал использовать следующие упражнения: восстановить текст на языке оригинала исключительно с помощью записей, сравнить два текста, выявить несовершенства за-

писи, повлекшие ошибки и опущения, и привнести в свою систему записи новые элементы, необходимость в которых стала очевидной. Мы полагаем, что фиксация с помощью ПЗ информации, выделяемой в письменном тексте, может служить не только для совершенствования ее системы, но и для формирования более глубинных навыков и умений текстового анализа, характеризующих процесс понимания при чтении.

С этой целью мы используем ПЗ как средство составления плана, а затем – конспекта письменного текста. В соответствии с принципами коммуникативной системы ПЗ мы ориентируем обучающихся при составлении плана и конспекта на поиск и запись тема-рематической прогрессии.

Последовательность предъявления данных упражнений такова, сначала структура будущего текста-конспекта в виде тема-рематической цепочки задается преподавателем и обучающимся необходимо ее наращивать, а затем они сами составляют подобные логико-тематические структуры в соответствии с содержанием текста. Таким образом, при обучении конспектированию средствами ПЗ мы формируем профессионально значимые навыки и умения воспринимать, анализировать, компрессировать исходный текст. Именно точное и глубокое понимание в дальнейшем станет необходимым условием успешного перевода. Безусловно, что конспектированием не может ограничиться работа с текстом. Далее следует порождение вторичного текста на основе зафиксированной средствами ПЗ. Как показывает практика, при восстановлении текстов по ПЗ, как правило, не бывает абсолютно совпадающих по форме выражения вариантов. Каждый создает свой текст, сохраняя в нем с помощью коммуникативной системы записи исходный инвариант. Это наглядным образом позволяет приблизить будущих переводчиков к пониманию сути переводческой деятельности в целом.

После работы с письменными текстами мы переходим к слуховому текстовосприятию, в ходе которого осуществляется анализ логико-тематической структуры исходного текста для дальнейшего ее отражения в тексте ПЗ. В качестве форм учебных заданий по обучению ПЗ при устном восприятии текста мы используем диктант и конспект.

Диктант с выделением опорных пунктов предполагает, что в процессе аудирования преподаватель интонационно выделяет опорные слова, которые должны быть записаны посредством ПЗ. Постепенно интонационное выделение опорных пунктов

нейтрализуется.

Для целенаправленного обучения выделению темы и ремы при слуховом однократном предъявлении текста практикуются задания в форме диктанта с подстановками. Он заключается в том, что при прослушивании текста необходимо записать по правилам ПЗ все ремы (темы) текста, тогда как темы (ремы) изначально заданы. Архитектоника тема-рематических цепочек может иметь разнообразный вид и усложняться с увеличением объема текста.

Представляется также возможным использование в ходе обучения ПЗ диктанта с трансформациями. Упражнения в трансформации могут быть направлены на изменение порядка слов, замену залога, наконец, компрессию текста, предъявляемого на слух. В момент предъявления текста возможно сначала предложить студентам вариант ПЗ, выполненный без каких-либо трансформаций, но с маркировкой тех мест, где они могут быть произведены. Далее пометки должны сниматься, а зрительная опора исключаться.

Следующий этап посвящен обучению устному текстопорождению на основе ПЗ. Как и на предыдущих этапах, перевод исключается, все задания выполняются исключительно в рамках одного языка (родного или иностранного). При этом использование ПЗ осуществляется в двух формах: в виде плана и тезисов будущего монологического высказывания. Так, всем студентам задается план выступления в виде набора тем, записанных по правилам ПЗ. Задача заключается в пошаговой рематизации при развертывании устного текста.

В случае с тезисами, тема высказывания является «сквозной», а заданными элементами, зафиксированными с помощью ПЗ, являются ремы. Развертывание высказывания на основе тезисов предполагает раскрытие одной и той же темы разными доводами, аргументами, иллюстрациями и т.д.

Следует заметить, что ПЗ может служить основой порождения не только собственного монологического высказывания, но и опорой для пересказа (т.е. вторичного порождения) на исходном языке текста, воспринимаемого визуально либо на слух. На данном этапе суть упражнений может быть сведена к следующему: преподаватель задает зафиксированные с помощью ПЗ темы (для плана) либо ремы (для тезисов), на основании которых обучающиеся составляют монологическое высказывание с учетом основного закона текстопорождения – каждое последующее

предложение текста включает в себя содержательно все предыдущие. Далее учащиеся самостоятельно составляют и оформляют согласно правилам ПЗ план или тезисы своего выступления (монолога, пересказа) и представляют развернутое высказывание в рамках заданной ситуации. Тем самым, ПЗ становится эффективным инструментом организации информации в процессе устного текстопорождения.

В дальнейшем применение ПЗ осуществляется в ситуации перевода. При этом сначала исходный текст предъявляется в письменном виде, а на продвинутых этапах – на слух.

Таким образом, мы видим, что учебная функция ПЗ при подготовке будущих переводчиков чрезвычайно важна, поскольку интегративное использование ПЗ в качестве средства учения, начиная с первых, «допереводческих» этапов профессиональной подготовки, обеспечивает ориентацию всего цикла обучения на два глобальных процесса, описывающих путь от аналитического текстовосприятия к синтетическому текстопорождению, что, в конечном счете, и обеспечивает успешность переводческой деятельности.

В заключение необходимо отметить, что представление о полифункциональности ПЗ должно стать неотъемлемым элементом концептуальной составляющей профессиональной компетенции будущего переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1.Аликина Е.В. Переводческая семантография: Учебное пособие. – Пермь, 2004.

2.Бурлай С.А. Переводческая запись: Учебное пособие (для студентов IV курса переводческого факультета). – М., 2001.

3.Краевская Н.А. Семантический компонент внутренней программы речевого высказывания: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1981.

4.Миньяр-Белоручев Р.К. Пособие по устному переводу (записи в последовательном переводе) для институтов и факультетов иностранных языков. – М., 1969.

5.Сладковская Е.Н. Основные смысловые компоненты высказывания, переводческая трансформация и запись при последовательном переводе // Смысл текста как объект перевода: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им М. Тореца. – Вып. 278. – М., 1986. – С. 67-76.

6.Цыганкова Е.В. Использование переводческой скорописи при обучении монологической речи (яз. вуз, фр.яз.): Дис. ... канд. пед. наук. – М., 1989.

7. Чужакин А.П. Устный перевод XXI: теория + практика, переводческая скоропись: Учебник для студентов курса переводческих факультетов (including English – American and English – Australian glossaries). – М., 2001.

8. Чужакин А.П. Общая теория перевода и переводческой скорописи: Курс лекций. – М., 2002.

9. Gile D. Basic concepts and models for interpreter and translator training. – Amsterdam: John Benjamins translation library, 1995.

10. Herbert J. Manuel de l'interprète. – Genève, 1952.

11. Seleskovitch D. Langage, langue et mémoire. Etude de la prise de notes en interprétation consécutive. – P.: Minard, 1975.

**Алферова Ю.В.
Екатеринбург**

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ И БРИТАНО-АМЕРИКАНСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Язык повседневной прессы повышенно метафоричен. В соответствии с когнитивной теорией, метафора – это не только прием изображения, это способ мышления, способ восприятия мира. Метафора социальна, она свидетельствует, как мир отражается в общественном сознании и как выглядит языковая картина мира. В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно анализ метафорических образов – это изучение ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания на основе изучения метафорических моделей, понимаемых как особого рода схемы, по которым человек думает и чувствует [А.П. Чудинов].

Экономическая сфера является одной из основополагающих форм организации жизни современного общества. Сложно представить экономический мир без борьбы, соперничества, войны за разделения сфер влияния, т.е. без конкуренции, которая является неотъемлемой частью деятельности компаний, фирм, холдингов. Конкуренция предстает перед нами в различных метафорических образах. Их присутствие мы можем обнаружить и в российских, и в англо-американских экономических текстах.

Современный экономический дискурс характеризуется большим разнообразием метафорических моделей: в нем ак-

тивно используется милитарная, криминальная, спортивная, зооморфная и другие виды метафоры.

При исследовании метафорического представления конкуренции мы рассмотрели следующую модель «Конкуренция – это Спортивное Состязание». Например, в статье «Диверсия в тылу» (А. Хазбиев / Эксперт №27, 19-27.07.04) показано, что отечественные авиакомпании участвуют в одном состязании с американскими.

Госпредприятия исчерпали советский задел к концу 90х. Уже сейчас очевидно, что в том же военном авиапроме гонку с США мы практически проиграли. Зато догнать Америку вполне по силам нашим частным оборонным компаниям. И пример «Иркут», победившего в малайзийском тендере – Boeing, - лишнее тому подтверждение.

Данную метафорическую модель мы находим и в англо-американских изданиях. В статье «A Serious Contest» («Серьезное состязание»), The Economist, 08.09.04 заголовок уже метафоричен, и он наталкивает нас на мысль, что в тексте последует дальнейшее развертывание данной метафорической модели. Так оно и оказывается:

Next week, the industry's biggest trade show, which takes place in Los Angeles, will provide the first glimpses of the next round. It's expected to be a brutal two-way fight. After a difficult start Microsoft has now established itself as Sony's main rival. Most important, it has won the crucial support of games publishers, says Nick Gibson of Games Investor, a consultancy. That means Microsoft will "pretty much be neck and neck with Sony" in the next round.

(На следующей неделе самое крупное торгово-промышленное шоу, которое проводится в Лос-Анджелесе, прольет свет на первые очертания следующего раунда. Ожидается, что это будут жестокая двусторонняя борьба. После трудного старта компания Microsoft утвердила себя как главного соперника Sony. И самое главное Microsoft выиграла надежную поддержку со стороны производителей игр, – говорит Ник Гибсон, консультант из Геймс Инвестор. Это означает, что Microsoft будет идти достаточно близко с Sony голова в голову в следующем раунде).

Таким образом, из приведенных выше примеров мы видим, что метафорическая модель «Конкуренция – это Спортивное Состязание» присутствует как и в российских, так и англо-американских текстах. Эта модель отражает национальную

культуру двух стран, и в данных примерах мы обнаруживаем сходство образов в метафорических переносах. Что еще раз подчеркивает, что метафора рождается не столько в языке, сколько в ментальной сфере конкретного человека, который стремится познать и объяснить окружающий мир, выразить свое отношение к нему и воздействовать на окружающих. Вместе с тем когнитивная метафора носит социальный характер, она отражает как особенности национального восприятия действительности, так и общие свойства человеческого мышления.

**Афанасьева Н.Н.,
Кондюрина И.М.
Екатеринбург**

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОГАНОВ

Появление средств массовой информации способствовало распространению особого, развивающегося в XX веке литературного жанра, - рекламы, продукта сознательной, целенаправленной деятельности людей, в которой используются различные средства и способы общения, в том числе языковые. Основную идею рекламной компании в яркой образной форме придает краткая запоминающаяся фраза – слоган (девиз фирмы). Назначение слогана в рекламном материале – привлечь внимание и побудить к действию.

Говоря на языке профессионалов, “слоган в краткой форме коммуницирует основную суть брэнда” [Лутц И., 1990, №4 с. 34]. При этом важно, чтобы слоган был заметным, интересным, даже неожиданным и легко запоминался. Хороший слоган – это максимальная информативность сообщения при минимальном количестве слов.

Исходя из этого, актуальным представляется описать лингвистическую природу слогана, изучить морфологические особенности слоганов и определить (предположить) приемы перевода слоганов.

Чтобы рекламный слоган выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода. Эта интеграция осуществляется обычно уже на базе выполненного вчерне перевода – и тогда реклама пересоздается заново. Эта задача первого этапа – перевод вчерне – бывает трудноосуществимой, т.к. в тексте рекламы можно увидеть избыточность функционально значимых средств, нацеленных на одно – побудить потребителя приобрести продукт и при этом предельно расширить круг своих реципи-

ентов.

Эквивалентность передачи особых лексических и синтаксических средств целиком зависит от переводчика. Так, в рекламе для пожилых людей варианты соответствия надо подбирать в учетом встречающихся в ней устаревших слов и оборотов; еще входящих в общенациональный фонд языка, но уже малоупотребительных. В молодежной рекламе слова из молодежного жаргона следует передавать вариантами соответствия с использованием молодежного жаргона. Например: Snickers. Yet snickers snack without rubbish. – Сникерс. Сникерсни без шелухи.

Чаще всего в рекламном слогане для характеристики продукта используются эмоционально-оценочные средства. Абсолютно преобладает положительная оценка, причем она часто гиперболизирована. Для этого служат такие грамматические средства, как превосходная степень прилагательных и наречий, а также лексические: наречия и частицы с функцией усиления качества (hyper-, over-, super-, ultra-), лексика, близкая к высокому стилю (“wonderful”, “gentle”), а также из устного разговорного обихода количественные гиперболы (“one hundred times better”).

Сильным средством передачи эмоциональной информации в рекламе является и синтаксис. В слоганах наряду с предложениями с нейтральным порядком слов часто используется эмоциональная инверсия, риторические вопросы и восклицания, незаконченные предложения, парцелляция, синтаксический повтор (параллелизм). Повтор для рекламы характерен на любом уровне – фонемный, морфемный, лексический, синтаксический.

Самым большим разнообразием средств отличается оформление эстетической информации. Наряду с вышеперечисленными рекламный слоган “украшают” и привлекают внимание аллитерация и ассонанс, авторские парные словосочетания, игра слов, построенная на многозначности или стилистическом контрасте, рифма, ритм прозы, метафора, сравнение и др.

Все это разнообразие средств языка рекламы следует учитывать при эквивалентной передаче ее содержания.

Багичева Н.В.
Екатеринбург

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Формирование категориально-понятийного аппарата любой науки – задача первостепенной важности. Терминологическая система когнитивной лингвистики комплектуется не только но-

выми терминами, активно используются термины, заимствованные из других наук.

Менталитет как научный термин пришел в лингвистику из работ историков, философов, психологов.

Интерес к менталитету «вспыхнул» в общественном сознании в связи с перестроечными процессами в обществе. Хотя, надо признать, о специфичности загадочной «русской души», «русского национального характера» любили говорить всегда.

Категория «менталитет» ведет свое происхождение от прилагательного *mentalis*, появившегося в 14 веке и обозначающего в средневековой схоластике принадлежность разуму, рассудку, уму. Заслуга введения этой категории в научный обиход принадлежит французским ученым М. Блоку и Л. Февру [см.: Кусов В.Г.].

Особая заслуга в определении категории ментальности принадлежит исторической антропологии – направлению в международной историографии, возникшему в 60-70-е годы XX века. Под ментальностью изначально понимали «коллективную душу», коллективную «психею», включающую в себя ценностные установки, культурные формы, символы и мифы (Альфонс Дюпрон).

В трудах выдающихся французских исследователей, таких, как Ж. Ле Гофф, эта категория находит свое развитие. Ментальность, по Ле Гоффу, - сфера воображаемого. Воображаемое не сводится к интеллектуальному представлению, к осмысленному восприятию какой-либо внешней реальности. Воображение не воспроизводит, а пересоздает реальность, претворяет ее в образы, рожденные фантазией, вдохновением, поэтическим чувством. Наиболее предпочтительные источники о мире воображаемого – произведения литературы и изобразительного искусства. Изучить мир воображаемого – значит проникнуть вглубь коллективного сознания общества.

К сфере эмоций относит ментальность А.Буро - французский медиевист. Эмоции рассматриваются им как проявление коллективного начала, а идеи – как проявление начала индивидуального. Многие историки, отмечает Буро, в целях анализа коллективных эмоций «большинства» идут на некоторую подтасовку источников: выбирают источники, ориентированные на объединяющие людей моменты, обозначая их как коллективную ментальность. Эта мысль А.Буро удивительным образом переплетается с высказыванием Н.М.Карамзина, создателя «Истории

государства Российского»: «И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина» [Карамзин Н.М. Предания веков].

Однако, на наш взгляд, самым замечательным «открытием» для лингвистики является мысль М.Фуко о том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит и соответствующие ментальные конструкции.

Ментальность, таким образом, превращается в своего рода «грамматику согласия».

Об этом же, на наш взгляд, говорит и немецкий историограф Герд Телленбах: «Ментальность – это естественное, само собой разумеющееся, часто даже импульсивное поведение и реагирование; произвольный, мало подверженный воздействию сознания образ мышления. Это хорошо проявляется в идиомах, передаваемых из уст в уста, пословицах, топосах, когда об их происхождении и точном значении не задумываются, и когда они естественно, почти произвольно, всплывают в подсознании» [см. об этом: Русакова О.Ф., 2000: 264].

Из отечественных исследователей хотелось бы упомянуть А.Я.Гуревича, основателя историко-антропологического направления, который определяет ментальность как «невольные послания» эпохи, «в них эпоха как бы помимо собственной воли «проговаривается» о самой себе, о своих секретах».

На социокультурном и социально-психологическом уровнях ментальность, по Гуревичу, можно рассматривать как «видение мира», «картину мира» или «модель мира», складывающуюся в сознании людей различных эпох. Отмечая многообразие аспектов, изучая которые, можно воссоздать картину мира, Гуревич выделяет, в частности, образ природы и ее познание, понимание места человека в общей структуре мироздания, оценку возрастов жизни, в частности, детства и старости, восприятие смерти, болезней, отношение к женщине, роль брака и семьи, сексуальную мораль и практику и пр. [Гуревич А.Я.].

Определение менталитета как особой категории важно для целого ряда наук. В перечисленных нами определениях явно прослеживаются психологический, историографический, антропологический, философский, социологический аспекты. Каким будет специфически лингвистический взгляд на эту категорию,

появится ли бесспорное определение языкового менталитета, покажет ближайшее будущее.

Бадрызлова Ю.Г.

Екатеринбург

ЭТИМОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК СЛОВ *BIGOT*, *FANATIC*, *ZEALOT*, *ASSASSIN*, *THUG*.

Работая с материалами СМИ, относящимися к тематике терроризма, мы замечаем, что часто террористов называют словами *bigot*, *fanatic*, *zealot*, *assassin*, *thug*. В современном английском языке эти слова означают «фанатик» (*bigot*, *fanatic*, *zealot*) и «жестокий убийца» (*assassin*, *thug*). Любопытно, что четыре из этих пяти слов произошли от названий древних религиозных культов, с пятым же (*bigot*) связан интересный случай народной этимологизации. Начнем с последнего.

Bigot – в совр. англ.яз. – слепой приверженец, фанатик, изувер. В 16 в. слово означало «лицемерный или суеверный религиозный проповедник». В 17 в. слово стало означать «упрямый приверженец каких-либо убеждений или взглядов». Пришло в английский язык в 15 в. из французского (*bigot*).

Происхождение этого слова не ясно. По одной из версий, оно произошло от названия арийского племени вестготов (*Visigothi*), населявших в 12 веке юг Францию. В эпическом произведении Васа Джерсийского (*Wace of Jersey*) (англо-романский поэт, прибол. 1100-1174г.г.) «Роман о Ру» (*Roman du Rou*) (1160-1174) данное слово используется как оскорбление по отношению к норманнам, а позднее закрепилось как норманнское родовое имя. В промежутке времени между этим наиболее ранним упоминанием и позднейшими употреблениями история слова не ясна.

Существовала версия, что слово произошло, когда Ролло Нормандский отказался целовать ноги Карлу III со словами *Nese bi god* – ‘No, by God’ (Боже мой, да ни за что!). (Ролло Нормандский был скандинавским морским разбойником, основавшим Нормандское герцогство. Он вел войну за территорию с Карлом III (король Франции в 893-922 г.г.)). Но эта версия ничем не подтверждена.

Fanatic – в совр. англ.яз. – фанатик, изувер. Фиксируется в английском языке в 16 в. в значении «охваченный божественной или демонической одержимостью» (*frenzied, as through divine or*

demonic possession), в 17 в. – в значении «чересчур воодушевленный, увлеченный», маньяк.

Пришло в английский язык через французский из латинского, где *fānāticus* - относящийся к храму, воодушевленный божеством (этим словом называли священников, служивших в храмах древнеримской богини Кибелы).

Кибела – Великая Мать Всех Богов (*Mater Deum Magna Idaea*) – древневосточное, древнегреческое и древнеримское божество. Ее культ зародился в Малой Азии, откуда распространился на Древнюю Грецию и Древний Рим. Кибела – мать не только всех богов, но и всех людей, животных и природы.

Культ Кибелы имел оргастический характер. Служившие богине жрецы кастрировали себя, следуя мифу о том, что бог плодородия Аттис оскотил себя под деревом сосны, где и умер, истекая кровью. Каждый год 15-27 марта на празднике, посвященном Кибеле, в храм, посвященный ей, приносили свежесрубленное сосновое дерево, где его превозносили как божество и украшали фиалками, которые, по поверью, выросли из капель крови бога Аттиса. 24 марта, в День Крови, главный жрец вскрывал себе вены и под музыку цимбал, барабанов и флейт приносил свою кровь в жертву Кибеле, в то время как остальные жрецы иступленно кружились на месте и бичевали себя, дабы окропить своей кровью алтарь Кибелы и священную сосну.

Zealot – в совр. англ.яз. – фанатичный приверженец, фанатик, изувер. В этом значении слово впервые зарегистрировано в английском языке в 16 в. В 17 в. оно уже обозначает рьяного, ревностного человека (*zealous person*). В английский язык слово пришло из латинского, где имело вид *zēlōtēs*, в латинский язык слово было заимствовано из греческого (*zēlōtēs*), а в него – из арамейского (*qamania, qana* – ревновать)

Изначальное значение слова – член древнееврейской секты ревнителей, выступавших против владычества Рима в Иудее. В 66 г.н.э. они организовали национально-освободительное восстание против римлян; противниками этого восстания выступали члены Синедриона иудейских первосвященников. Иудея оказалась в состоянии гражданской войны. Зелоты захватили Иерусалим и устроили там жуткую резню. С тех пор название секты – «зелоты» стало именем нарицательным.

Assassin – в совр. англ. яз. – наемный убийца, или убийца политического или общественного деятеля. В 17в. фиксируется в значении «человек, совершающий предательское убийство».

Французское слово *assassin* пришло в английский из средневекового латинского, куда, в свою очередь, попало из арабского, где слово *hashshāshīn* – мн.ч. от *hashshāsh* – человек, употребляющий гашиш.

Assassins – одна из сект внутри мусульманства, секретный мусульманский орден, основанный в конце 11в. в Персии Хасаном ибн-аль-Саббахом. Сектанты опьяняли себя гашишем и в таком состоянии совершали убийства христиан во имя веры. Слово было принесено в Европу крестоносцами, воевавшими с мусульманами, и в том числе с ассасинами, в 12в.

Любопытно отметить, что, называя современных террористов *assassins*, борцов с террористами СМИ называют *crusaders* – крестоносцы. Таким образом, спустя 900 лет, огонь конфликта разгорелся с новой силой.

Thug – в совр. англ. яз. – головорез, гангстер, бандит. Слово пришло в английский язык из хинди, где *ṭhag* означает «мошенник, жулик, самозванец». По другим источникам, слово происходит из санскрита, где *sthag* – «скрывать, утаивать».

Изначально, *thugs* – члены индийской криминальной религиозной группировки, первые упоминания о которой встречаются в источниках 12в., но, очевидно, существовавшей и ранее. В состав группировки входили как индуисты, так и мусульмане. Их объединяло общее божество – богиня *Bhavānī*, или *Kālī*. Ее последователи выбирали своих жертв посредством божественного прорицания, снисходившего на них в результате ритуального убийства животного. Жертву грабили, душили, расчленили и закапывали труп. При этом предсмертную агонию жертвы намеренно продляли, чтобы богиня могла подольше ей насладиться. После того, как труп был закопан, устраивалось праздничное застолье.

Подобная жестокость объяснялась следующим мифом: огромный демон *Rukt Bij-dana* поедал первых людей сразу после того, как они были созданы. Богиня *Kālī* убила демона, но из каждой капли его крови появился новый демон. Устав бороться, *Kālī* создала двух человек, которым поручила борьбу с демонами, набросив на них свой платок *gumal* (объяснение символического мотива удушения). Когда последний демон был убит, *Kālī* забрала у людей платок и поручила им впредь убивать всех чужаков кроме жрецов, святых, поэтов, женщин, калек и водоносов.

ИСТОЧНИКИ

1. Новый большой англо-русский словарь

2. Encyclopedia Americana
3. Encyclopaedia Britannica
4. Newsweek, 2001-2003
5. The Oxford Dictionary of English Etymology

**Белеева И.Д.
Екатеринбург**

**К ВОПРОСУ О «КРИПТОЯЗЫКЕ»,
ИЛИ ПОЧЕМУ ФРАНЦУЗЫ УВЕРЕНЫ В ТОМ,
ЧТО ИМ НИКОГДА НЕ ОВЛАДЕТЬ «НАСТОЯЩИМ»
РУССКИМ РАЗГОВОРНЫМ ЯЗЫКОМ**

Не секрет, что изучение русского языка представляет определённую сложность для иностранцев. Как это ни парадоксально, но быстрее всего французы осваивают «нелогичную» русскую грамматику, которая, думается, и должна бы стать камнем преткновения для студентов, чей родной язык является аналитическим. Но практика показывает, что основную сложность вызывает у французов как раз лексика и стилистика современного русского языка.

Учебные пособия, изданные во Франции в последние годы, составленные, как правило, русскими специалистами, эмигрировавшими в 80-90 годы, очень доступно и грамотно излагают лексико-грамматическую систему языка (например, *Le russe à votre rythme. Cour pratique pour francophones* par S.Khavronina et L.Bron-Tchitchagova. Paris, Institut d'Etudes Slaves, 2000 и др.). По таким учебникам упорному и мотивированному студенту «пассивно» овладеть языком возможно даже самостоятельно.

Коммуникативная направленность обучения, давно принятая во Франции как первостепенная составляющая в методике преподавания русского как иностранного, строится, обычно, на материале современного литературного языка. Для мотивированных студентов организуются стажировки в стране изучаемого языка, что, как известно, является лучшим фактором, способствующим освоению иностранного языка. Погружение в языковую среду способствует прочному формированию ассоциативных связей, избавляет от «искусственных» громоздких синтаксических конструкций, даёт «багаж» современной разговорной лексикой, повышает семантическую реактивность и т.д. Но даже после таких стажировок французы часто высказывают неудовлетворённость «своим» разговорным языком. В чём же причина? Основную сложность, по их мнению, представляет процесс естественного «живого» бытового общения.

Информанты считают, что ни учебники, ни рекомендуемая преподавателем современная литература, ни сам преподаватель, общаясь со студентами на занятиях, не дают тот «магический вокабуляр», позволяющий осознать себя «знатоком» языка, понимать речь незнакомца, а главное, смочь «адекватно» отреагировать.

«Существует некий пласт «закрытой» лексики, который не зафиксирован ни в одном учебном пособии, он не поддаётся освоению не носителями языка», - утверждает N.Britsch (факультет Paris XII), - В данном случае речь идёт не о профессионализмах, жаргонизмах или арготизмах, присутствующих в любом языке. Речь идёт об «исконно народном языке, свободно оперировать которым могут только его носители. Попытки освоить и применить его часто приводят не только к проблемам практического характера, но и ставят говорящего в смешное положение» - продолжает N.Britsch.

В самом деле, в повседневной жизни - на улицах, в транспорте, в частных беседах наша речь часто изобилует словами или предложениями, которые пассивно могут быть поняты иностранцем, но никогда (!) не смогут быть воспроизведены им в новой речевой ситуации, что называется «к месту».

Я попыталась проследить, что же представляет собой лексика этого «закрытого» языка? По моим наблюдениям, примерно 40 % «исконно народного языка» составляет ненормативная, вульгарная лексика. Как ни печально это констатировать, французы, изучающие русский язык, стремятся овладеть матом, гордясь, что «прикоснулись», в какой – то степени, к народному языку и культуре. «Этот язык нигде не прописан, его не преподают ни в школе, ни в вузе. Зато он понятен всем, а в России он помогает выпутаться из любой житейской ситуации. Я могу привести вам массу примеров, когда знание «вашего народного языка» помогло мне в России решить многие проблемы. Вы, наверное, думаете, что я общаюсь с бомжами или преступниками? Нет, я говорю о людях своей среды» (G.Chalet, студент Paris XII).

Продолжая наблюдения, я пришла к выводу, что остальные примерно 60 % «закрытой» лексики составляют образные, метафорические и метонимические высказывания с высокой степенью экспрессии, употребляемые чаще всего для выражения внутренней агрессии или открытого оскорбления. Думается, что в последнее время в русском языке они приобрели определённую степень pejоративности, особый налёт национальной экс-

прессии, который понятен только её носителям.

Очень жаль, что сегодня практичные иностранцы, некогда гордившиеся тем, что владеют языком Л.Толстого и Ф.Достоевского, считавшие честью иметь у себя дома томик М.Цветаевой или Р.Рождественского требуют преподавания «настоящего» русского языка, помогающего им «с лёгкостью решать в России возникшие проблемы».

По истине, тютчевское «умом Россию не понять...» очень чётко отражает современную русскую языковую ментальность, ведь любой язык – отражение самосознания и ментальности нации.

**Биньковская М.В.
Челябинск**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Материал нашего исследования – тексты скорописных южноуральских деловых документов второй половины XVIII века, хранящиеся в Государственном архиве Челябинской области, а также ряд хронологически параллельных текстов центральных канцелярий, изданных в «Полном собрании законов Российской империи».

Отглагольные лексические предлоги *исключая (кого, что)*, *выключая (кого, что)*, *включая (кого, что)*, возникшие в первой половине XVIII века, представлены в основном в столичных документах. Среди данных синтаксис наиболее продуктивной является синтаксема *исключая + В.п.*, употребляющаяся при указании на объект, который не учитывается, исключается из состава кого-, чего-либо:

...полагая до 20летняго времени *исключая* в прошедшия *семь* то есть по 789... (И-1-1-23-23); Должно перемѣнять пищу и давать преимущество простымъ кушаньямъ, *изключая* *начинающихъ* *выздоровливать* отъ болѣзни [ПСЗ, т. XVII: 1057].

Производный предлог *выключая (кого, что)*, имеющий значение исключения кого-, чего-либо, представлен в нашем материале в единичных случаях:

Подобныя качества рѣдко въ одномъ человѣкѣ случаются, *выключая* *нѣкоторыхъ* достигшихъ до совершенныхъ лѣтъ [ПСЗ, т. XVII: 976].

Е.Т. Черкасова отмечает, что употребительность предлога *выключая (кого, что)* шла на убыль уже со второй половины XVIII века. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» данный пред-

лог не отмечен.

Производный предлог *включая (кого, что)*, указывающий на объект, который является обязательной частью кого-, чего-либо, и активно функционирующий в современном русском языке, в нашем материале также представлен в редких случаях:

При московских наших дворцах иметь истопниковъ 20 и полотеров 10, *включая* в то число и ныне находящихся *служителей* [ПСЗ, т. XXVI: 192].

Следует отметить, что, вероятно, и в XIX веке частотность этих предлогов не была высокой. Так, в “Словаре языка А.С. Пушкина” предлог *включая (кого, что)* отмечен в 6 употреблении [т. 1: 293], предлог *выключая (кого, что)* отмечен в 1 употреблении [т. 1: 428], предлог *исключая (кого, что)* – в 9 употреблении [т. 2: 237].

Трехчленные отглагольные фразеологические предлоги *не смотря на + В.п.*, *не взирая на + В.п.* представлены в равной мере в документах царских канцелярий, а также в местных документах (переписка заводчика Демидова с приказчиками уральских заводов). В нашем материале фразеологические предлоги *не смотря на (что)*, *не взирая на (кого, что)* являются трехкомпонентными и употребляются, как и в современном русском языке, для выражения уступительных отношений в значении “препятствующей” причины. Сочетаются уступительные синтаксемы *не смотря на + В.п.*, *не взирая на + В.п.* с глаголами и краткими причастиями разнообразной семантики (движения, сохранения, осуществления события, передачи объекта). Управляемые слова при фразеологических предлогах *не смотря на (что)*, *не взирая на (кого, что)*, как правило, отвлеченные имена существительные, указывающие на наименование документа, а также отглагольные имена существительные:

...многія разнаго званія обоего пола люди, *не взирая на* публикованное *приказаніе приезжаютъ и приходятъ* къ пожару... [ПСЗ, т. XIX: 274]; Их Величество, *не взирая на* военныя *обстоятельства*, непременно другъ къ другу *сохраняли* взаимную дружбу и почтеніе [ПСЗ, т. XIX: 988];...*не смотря на* починку и на употребленное къ спасенію ихъ стараніе, *спущено* изъ оныхъ чрезъ всѣ пороги только три барки [ПСЗ, т. XVIII: 175].

Оба генетические деепричастия утратили сему зрения, которая была в исходных глаголах. Полагаем, что во фразеологическом предлоге *не смотря на (кого, что)* знаменательный компонент привносит релятивную сему своего лексического значе-

ния - “замечать, обращать внимание, уделять внимание”, которое зафиксировано в “Словаре русского языка XI-XVII вв.” как шестое [т. 25: 211].

У слова *взирати* в “Словаре русского языка XI-XVI вв.” выделено 2 значения:

1) смотреть, глядеть, созерцать; 2) обращаться к кому-либо, чему-либо [т. 2: 152].

Полагаем, что во фразеологическом предлоге *не взирая на (кого, что)* актуализировалась сема “обращение к кому-либо, чему-либо”.

Данный графический облик трехкомпонентных фразеологических предлогов *не смотря на (что)*, *не взирая на (кого, что)* является свидетельством того, что многие предлоги в то время еще находились на стадии формирования.

Фразеологический предлог *смотря по (чему)* в составе коррелятивной синтаксемы *смотря по + Д.п.* со значением соответствия (“в зависимости от чего-либо, применительно к чему-либо, в соответствии с чем-либо”), по наблюдениям исследователей, известен с конца XVI века. Первоначально сферой функционирования данного предлога была деловая письменность (XVI-XVIII века), позднее (середина XIX века) данный предлог функционирует и в языке художественной литературы.

Употребляется этот фразеологический предлог главным образом при глаголах поступка и поведения, использования, приобретения, влияния, а также синтаксема *смотря по + Д.п.* сочетается с устойчивыми глагольными сочетаниями. Управляемые слова при предлоге – отвлеченные имена существительные:

...какую онъ *смотря по* ее признанію эпитемию наложить заблагоразсудить (И-33-1-2-10); ...учинить росписку *смотря по* числу казаков... (И-63-1-350);...*смотря по* важности и подъ карауль отдавать [ПСЗ, т. XVIII: 83]; ...или *смотря по* винѣ стыдить нѣсколько времени [ПСЗ, т. XVII: 1056]; ...за сіе виноватыхъ *штрафовать* пониженіемъ чиновъ, или отнятіемъ всѣхъ на время *смотря по* обстоятельству вины [ПСЗ, т. XVII: 1011].

Как показал наш материал, в деловом языке XVIII века, как правило, все отглагольные предлоги находятся на стадии формирования. В XVIII веке преобладающим было употребление составных отглагольных предлогов со значением уступки и соответствия. Вышел из употребления и стал архаизмом такой отглагольный лексический предлог, как *выключая (кого, что)*.

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

В современной лингвистике продолжается нарастание интереса к исследованию интертекстуальности в различных видах текста, в том числе в политическом тексте (Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, С.И. Сметанина, А.П. Чудинов и др.). При изучении названного феномена активно используются методы различных лингвистических направлений (когнитивистика, теория текста, сопоставительное языкознание, социолингвистика). Не менее интересные результаты способны дать применение к исследованию интертекстуальности методик, созданных в рамках психолингвистики.

Задачей нашего исследования было экспериментальное определение того, насколько читатели (в данном случае – студенты, изучающие филологию и политический менеджмент) способны понять информацию, которые несут прецедентные феномены в политическом тексте. Конечно, материалы, полученные при наблюдениях над ограниченным контингентом студентов (по 50 студентов каждой из двух названных специальностей), не дают полного представления обо всех читателях, но даже эти данные достаточно интересны. Результаты эксперимента позволяют составить хотя бы приблизительные представления о характере восприятия читателями соответствующих феноменов в политических текстах и о степени эффективности использования интертекстуальности в целях прагматического воздействия.

В процессе эксперимента информантам предлагались карточки с фрагментами политических текстов. Студенты должны были определить источники прецедентности и охарактеризовать актуальный смысл выделенных ими прецедентных феноменов.

Приведем в качестве образца один из вариантов карточки, с которыми работали информанты, выполняя данное задание.

Вопросы и задания

1. Выделите в данных отрывках из газетных статей аллюзии (намекы) на какое-либо художественное произведение.
2. Кто автор этого художественного произведения?
3. Как называется это произведение?
4. Что может быть общего между соответствующим произведением и политическими событиями, о которых рассказывает газета?

5. С какой целью журналисты в своих статьях используют косвенные ссылки на художественные тексты?

Газетные материалы

1) Каждый раз, когда власть пытается выжать деньги из олигархов на решение социальных проблем, начинается вопль про то, что «мальчишки отняли копеечку» (статья о повышении налогов на нефтяные компании)

2) Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит в глаза, принялась обличать и требовать долива после отстоя пены (статья об причинах неудачи правых партий на президентских выборах).

3) Теперь она (попрыгунья-стрекоза) – лицо русской демократии и, как бывший член Государственной думы Киса Воробьянинов, просит подаяния (там же).

4) На стоянке в «Домодедово» было розлито масло... все рейсы задержали на один час, сочинский – тоже (статья о взорванных самолетах, которые вылетели из аэропорта «Домодедово»).

5) Появление Путина на политической авансцене вызвало тогда недоумение у передовой общественности. Сразу встал вопрос: кто такой? Ответ на него имел психологический подтекст: он такой, как все, – не самый высокий, не самый красноречивый... И никакой у него харизмы. И политическая биография у него совсем коротенькая. И чего в нем нашла Софья Фамусова? (статья об итогах выборов).

6) Собрались политические аутсайдеры... плачутся на жизнь и поминают лучшие времена, всякий свои. То выглянет из кого-нибудь брезгливый Барон, гнушающийся босаяцким (в политическом смысле) обществом (например, из той же Хакамады), а то буйный Васька Пепел – из Малышкина или Лука, на которого отчасти смахивает бомжующий странник Иван Рыбкин, отчасти – бесконфликтный Сергей Миронов (там же).

7) Россия в ее сегодняшней ипостаси не субъект мировой политики. А вот международный терроризм – субъект, пусть даже ложный, наподобие «поручика Кижее» (статья о терроризме).

8) Конечно, и дым отечества нам сладок и приятен, но этот дым порой губительно сказывается на здоровье горожан (статья об экологии).

9) Сегодня на вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?» можно уверенно ответить: «Чиновникам!» И зарплаты им повышают не как простым смертным, а сразу в 5-10 раз (статья о государст-

венных доходах и расходах).

10) Когда периодически в России случается приступ глобальной справедливости в стиле «все отнять и поделить», бедные почему-то не становятся богаче. Капитал в нашей стране, как правило, пребывает в состоянии каменной глыбы. Хозяина он может поменять, а служить массовой общественной пользе – дудки (статья о распределении налогов).

Опыт показал, что десять контекстов – это оптимальное количество материала для психолингвистического эксперимента. Если предлагать больше контекстов, то некоторые испытуемые устают, теряют интерес к выполнению заданий, что сказывается на качестве выполнения. С другой стороны, чтобы быстрее набрать запланированное количество реакций, было нецелесообразно помещать на карточку меньше контекстов.

Время на выполнение рассматриваемых заданий не ограничивалось, но опыт показал, что для этого обычно требуется не более 30 минут.

Обработка результатов. Приведем некоторые итоги анкетирования 55 студентов-филологов младших курсов.

Сначала указан номер текста, потом – количество правильно выделенных прецедентных феноменов, далее – количество правильных указаний на автора и количество правильных указаний на название произведения. Если встречались ошибочные или неточные ответы, то они приведены строке, следующей после цифр.

1. – 17 – 5 – 5

2. – 53 – 53 – 53

Неточные ответы: «Стрекоза» (1), «Муравей и стрекоза» (1)

3. – 40 – 40 – 39

Ошибочный ответ: «Золотой теленок» (1)

4. – 25 – 25 – 25

Ошибочный ответ: «Курочка Ряба» (1)

5. – 51 – 51 – 51

6. – 40 – 40 – 39

Ошибочные ответы: «А.Блок, «Двенадцать» (3)

7. – 8 – 0 – 0

Ошибочные ответы: «Поручик Ржевский» (1), «Достоевский «Преступление и наказание» (1), Л.Толстой «Война и мир» (1), «А.Гайдар, «Тимур и его команда» (1)

8. – 20 – 16 – 16

Ошибочные ответы: Л.Толстой «Война и мир» (1), «Пушкин

«Сказка о рыбаке и рыбке» (1), Лермонтов «Родина», «Сказка о рыбаке и рыбке» (1), «Гоголь. «Мертвые души» (1)

9. – 43 – 43 – 38

10. – 17 – 3 – 4

Ошибочные ответы: «Буратино» (1), Шолохов «Поднятая целина» (6), Шолохов «Тихий Дон» (1), «Ленин» (1).

Показательно, что некоторые студенты не просто давали ответы на вопросы, но достаточно подробно объясняли свою позицию. Ср.:

– Не знаю, из какого произведения, но гораздо важнее смысл этой фразы, а не название произведения.

Результаты анкетирования показывают, что значительная часть прецедентных феноменов, используемых в политических текстах, оказывается совершенно непонятной для читателей, что снижает общую эффективность воздействия. При подведении итогов анкетирования очень важно проанализировать характер и причины ошибок, допускаемых студентами при определении источников прецедентных феноменов. Например, по видимому, студенты далеко не случайно считают, что наиболее склонны к тому, чтобы «все отнять и поделить, герои «Поднятой целины» и «Тихого Дона», а также Ленин и Буратино.

Бирюкова Н.С.

Екатеринбург

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Обращение к ресурсам интертекстуальности – важная черта современной политической коммуникации, отражающая ее более общее свойство – активное использование методов и приемов, характерных для постмодернизма [см. В. Емелин, 2003; С.И. Сметанина, 2002; А.П. Чудинов, 2003; И.Ф. Ухванова-Шмыгова, 2000 и др.]. Интертекстуальность в политическом дискурсе – это «присутствие в тексте элементов других текстов, его восприятие как частицы общего политического дискурса и – шире – как элемент национальной культуры» [А.П. Чудинов, 2003: 48]. Показательно, что интертекстуальность часто оказывается не отдельной деталью, способной привлечь внимание читателя, а ведущим средством организации статьи в современных средствах массовой коммуникации, эстетической и сюжетной доминантой текста и вместе с тем своего рода «опознавательным знаком», показателем политических взглядов автора и его ориентации на определенный круг читателей-единомышленников. По характеру интертекстуальности нередко можно определить и

то, для какой аудитории (политическая элита, политические активисты, широкие слои интеллигенции, малообразованные любители желтой прессы и др.) создавался текст.

Конкретным проявлением интертекстуальности текста является присутствие в нем прецедентных феноменов, среди которых различаются прецедентные имена, события, выражения и тексты [Д.Б. Гудков И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.Б. Багаева 1997].

Прецедентные феномены представляют собой особого рода систему, которая включает общеизвестных «героев» и «злодеев», стандартные высказывания, типовые ситуации, оценки и фабулы [Д.Б. Гудков, 2003; В.В. Красных, 2002]. Как подчеркивают В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, «прецедентный текст, храня определенный изначальный смысл, обладает способностью, попадая в поле человеческого восприятия, обновлять и приумножать этот смысл» [В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, 1996: 298]. Совокупность прецедентных феноменов, характерных для определенного этапа развития общества, с одной стороны, отражает ценностные ориентации социума, а с другой – формирует и определяет их, предлагает своеобразные схемы социального поведения членов этого сообщества.

Включение в текст прецедентных феноменов способствует его «сгущению» за счет дополнительной смысловой нагрузки, возникающей в результате актуализации определенных фоновых знаний и ассоциативных связей, которые обусловлены общеизвестностью указанных феноменов. Как отмечает С.И. Сметанина, использование в тексте прецедентных феноменов «интеллектуализирует изложение, формируют новые смыслы, вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [С.И. Сметанина, 2002: 123].

С другой стороны, указанные феномены «позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку» [А.П. Чудинов, 2003: 141]. Удачное использование приемов интертекстуальности позволяет активно воздействовать на сознание и подсознание избирателей: изменить оценку каких-то событий, вызвать к ним интерес, значительно трансформировать имидж политического лидера.

Нередко прецедентные феномены становятся смысловой, структурной и эстетической доминантой политического текста,

привлекая особое внимание читателя как в количественном отношении, так и в качественном, в том числе за счет сильного аллюзивного потенциала, реализации в наиболее сильных позициях (заголовок, зачин, концовка и др.), удачной смысловой или структурной трансформации, графического выделения или использования видеоряда, а также удачного сочетания интертекстуальности с другими выразительными средствами.

В поисках источников интертекстуальности создатели политических текстов обращаются к самым различным сферам деятельности, в том числе к военной, спортивной, музыкальной, литературной, экономической, медицинской. Особенно часто источниками интертекстуальности становятся сферы литературы и театра.

Повышенная роль литературно-театральных источников прецедентности, видимо, связана с традиционным для России восприятием литературы и театра как своего рода «учебников жизни», определяющих наши политические симпатии и антипатии, акцентирующих значимость моральных критериев при решении проблем социальной жизни.

Прецедентные феномены могут играть различную роль в организации политических текстов: в одних случаях интертекстуальность занимает доминирующее положение в смысловой, структурной и эстетической организации текста, а в других указанные феномены играют в политическом тексте и более скромную роль или даже полностью отсутствуют.

Однако необходимо признать, что интертекстуальность (вместе с другими приемами постмодернизма) все активнее используется в современной политической коммуникации, одновременно все более разнообразными становятся приемы использования интертекстуальности и способы ее акцентирования в средствах массовой информации.

Богуславская Е.Л.
Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ПОДЧИНЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АФРО-АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ

Предложения с определительной придаточной частью афро-американского английского (AAE) были рассмотрены в сопос-

тавлении с литературным английским языком и территориальными диалектами Великобритании.

Различия в системах средств подчинения определительных придаточных в сравниваемых языковых образованиях можно поделить на три категории: 1. Инвентарные различия; 2. Различия в употребительности или частотности единиц системы; 3. Различия, касающиеся реализаций единиц системы (структурные различия).

1. Совокупность элементов системы средств подчинения определительных придаточных ААЕ полностью не совпадает ни с литературным английским языком, ни с рассмотренными диалектами. К тождественным элементам системы ААЕ и литературного английского языка следует отнести относительное местоимение *that*, наречия *where* и *why*, а так же нулевую форму. Использование относительного местоимения *what*, отсутствующего в системе средств подчинения ОПП современного литературного английского языка, роднит ААЕ с диалектами Великобритании, где данная форма не имеет ярко выраженной локальной окраски, а распространена по всей территории.

2. Сопоставительный анализ употребления средств подчинения ОПП в ААЕ и литературном английском языке свидетельствует о том, что соотношение частотности тождественных элементов в них различно. Линейный показатель связи между главным предложением и определительной придаточной частью опускается в ААЕ значительно чаще, чем в литературном английском языке. Самым частотным элементом системы средств подчинения ОПП в устной форме литературного английского языка является относительное местоимение *that*, в то время как в ААЕ *that* занимает по употребительности второе место после нулевой формы.

От диалектов Великобритании ААЕ отличает тот факт, что удельный вес *wh*-форм, *what* и *which* в особенности, в них значительно выше, чем в ААЕ. Вместе с тем, редкое употребление относительного местоимения *who* и более высокий процент нулевых форм по сравнению с *that* сближает ААЕ с диалектами Великобритании.

3. Расхождение в употребительности конструкций с опущенным союзным словом в ААЕ и литературном английском языке сопровождается функциональным различием. В функциональном плане опущенное союзное слово могло бы играть в придаточном предложении роль подлежащего, дополнения или

обстоятельства. Согласно действующему в современном литературном английском языке правилу, введение объектного относительного местоимения факультативно, а субъектного обязательно. Исключением являются предложения с *there is* и *it is*. В ААЕ, в отличие от литературного английского языка, правило обязательного введения субъектного относительного местоимения действует менее регулярно, поскольку диапазон конструкций, допускающих опущение субъектного относительного местоимения, в ААЕ шире, чем в литературном английском языке. В отношении правила обязательного/факультативного введения субъектного относительного местоимения ААЕ стоит гораздо ближе к диалектам Великобритании, где опущение субъектного относительного местоимения также допустимо.

Другим существенным отличием ААЕ от литературного английского языка является наличие в ААЕ конструкций, в которых средством подчинения определительного придаточного служит сочетание относительного и личного местоимений. Например: (1) I had a lot of antique stuff **that** you know they stole so much of **it**; (2) They'd get to the church an' then they had some big ol' long planks **that** they call 'em, tables.

Некоторые лингвисты склонны рассматривать такие предложения как смешение гипотаксиса с паратаксисом. Подобные конструкции были широко распространены в древнеанглийский период. К началу новоанглийского периода они выходят из употребления в литературном английском языке, однако еще встречаются в ряде современных британских территориальных диалектов.

В литературном английском языке, как и в диалектах Великобритании предлог может либо предшествовать относительно-му местоимению, либо появляться в конце определительного предложения. В ААЕ правило о вовлечении ("Pied-Piping" rule), то есть вынесение в начало придаточного относительного местоимения вместе с предлогом, практически не применяется. Это связано с лексически обусловленными ограничениями использования данного правила: в ААЕ, как и других вариантах английского языка, местоимению *that* предлог предшествовать не может. Поскольку в ААЕ отсутствует форма *whom* и почти не употребляется *which*, то и предложения типа (3) и (4) являются скорее исключением, чем правилом:

(3) Uh, well we didn' own any cows but then uh, the farm **on which** we were living, they would kill cows in those days twice a

week to carry 'em to market.

(4) The man's farm **on which** we lived he had a gin in Bryan.

В исследованном материале ААЕ обращает на себя внимание частое использование сегментированных конструкций, в которых комплекс с определительным придаточным выносится в начало предложения (*left dislocation*), при этом далее в предложении используется личное местоимение 3-го лица, соответствующее по значению вынесенной в начало конструкции и функционально замещающее ее в составе предложения:

(5) Then the guys Ø I had rented it to las' year **they** say, "I ain' killed but two little ol' deers now."

Данная модель широко распространена в разговорном английском языке (*informal spoken standard English*) и не связана с каким-то определенным территориальным диалектом.

Будаев Э.В.
Нижний Тагил

МОНАРХИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ (на примере России, Грузии и Латвии)

Анализ политической метафоры в британской прессе (2000-2004 гг.) позволил выявить, что концептуальная метафора с исходной понятийной областью «Монархия» занимает важное место в британском политическом дискурсе.

Монархическая метафорическая модель наиболее структурирована при концептуализации российской политики. В метафорической модели «РОССИЯ – ЭТО МОНАРХИЯ» актуализируются концепты *tsar/czar* (царь), *strongman* (властитель), *king* (король), *crowned ruler* (коронованный правитель), *regally* (по-царски), *tsar-like* (подобный царю). Жизнь президента представляется как агиография, жизнь святого (*hagiography*), у которого нужно просить благословения (*blessing*) на какие-либо политические действия, поддержка политических оппонентов президента представляется грехом (*sin*), а население России проявляет раболепство (*fawning*), низкопоклонство (*sycophancy*), «падает к стопам царя Владимира» (*falls at the feet of Tsar Vladimir*). Выборы президента метафорически представляются как коронация (*coronation*); передача власти (*transfer of power*) выбранному преемнику (*chosen successor*), наследнику (*inheritor*). «Монарха» окружает двор (*court*), свита (*entourage*), верноподданные (*loyalists*), кланы (*clans*), которые плетут дворцовые интриги

(*internal palace intrigues*). Местные бароны (*baron*), моголы (*mogul*), сегуны (*tycoon*), феодалы-разбойники (*robber baron*) обладают своими поместьями (*estate*), империями (*empire*), ведут междоусобные войны (*feud*) и пр.

Несмотря на наличие в английском языке слов *oligarch* (олигарх) и *magnate* (магнат) их актуализация в британской прессе незначительна. Журналисты предпочитают концепты, соотносимые с азиатскими историческими реалиями, что в немалой степени связано с памятью об эпохе колониальной Британской империи. *Mogul* и *tycoon* являются стертыми метафорами и, теряя внутреннюю форму, переводятся на русский язык как «олигарх», «магнат». Также обусловлена культурной памятью британского народа высокочастотная метафора *robber baron* (барон-разбойник, феодал-грабитель). В английской средневековой истории *robber baron* - номинация для феодалов, разбойничавших на дорогах, грабивших проезжающих через их владения, бравших заложников и т.п.

Монархическая метафора разворачивается в аналогичных фреймах при концептуализации грузинской политической действительности. Отмечается вербализация концептов, репрезентирующих типизированную ситуацию «Свержение или отречение монарха» (*ousting, overthrow* - свержение, *demise* - отречение от престола), что не выявлено для сферы-мишени «Российская политика». Следует отметить, что после «свержения» грузинских «монархов» (А.Абашидзе, Э.Шеварднадзе), грузинский президент не концептуализируется в британской прессе посредством монархической метафоры. М. Саакашвили представляется как «законовед, *натренированный* США» (*US-trained lawyer*), «победитель» (*victor*) или «человек, *оркестрировавший* падение Абашидзе» (*who orchestrated Mr Abashidze's fall*), хотя потенциально смену власти можно было представить как смену одного монарха другим, как это эксплицировано в британской прессе относительно российской действительности.

Иначе обстоит дело с концептуализацией постсоветской латвийской действительности. Если «удельный вес» монархической метафоры от общего числа метафорических контекстов составляет 7.2 % для России и 5.5 % для Грузии, то в метафорическом представлении Латвии в британской прессе не выявлено ни одной монархической метафоры.

Монархия как форма правления является неоднородным феноменом и традиционное различие ее конституционной и

абсолютной разновидностей имеет эксплицирующее значение для наших целей. В сознании британцев конституционная монархия гармонично сочетается с демократическими институтами, а, как показывает анализ материала, сферой-источником метафорической экспансии, является именно НЕОГРАНИЧЕННАЯ МОНАРХИЯ, ФЕОДАЛИЗМ. Очевидно, что прагматический смысл феодальных метафор в том, что государства с *феодальным строем*, в которых правят *короли, придворные, феодалы-разбойники*, и в которых народ *падает к стопам царя*, демократические только формально. Великобритания была одной из первых стран, где возник институт конституционной монархии и феодальные метафоры (например, *robber baron, fiefdom, feudal*) несут в себе пейоративные коннотации и концептуально не связаны с современной британской монархией. В британской картине мира концепты *конституционная монархия* и *демократия* можно определить как смежные, в то время как *феодализм* и *неограниченная монархия* скорее оппозиционны концепту *демократия*. Этим объясняется, почему феодальная метафора не актуализируется в британской прессе при концептуализации Латвии, вступившей в *демократическое сообщество* европейских государств.

Анализ монархической метафоры в британской прессе позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, британская монархическая метафора обнаруживает не только много общего с аналогичной российской политической метафорой, но и обладает своей спецификой, обусловленной национальной культурой и национальным языком.

Во-вторых, характеристики рассматриваемой метафорической модели (структурированность, актуализация отдельных фреймов и слотов, частотность и др.) зависят от того, какая республика из «мозаики суверенитетов» на постсоветском пространстве и в какой момент политической конъюнктуры выступает в качестве сферы-мишени метафорической экспансии.

В-третьих, монархическая метафора в британском политическом дискурсе служит своеобразным индикатором, фиксирующим представление британцев о «степени демократичности» концептуализируемых государств.

**Будаев Э.В.
Нижний Тагил**

О СИСТЕМНОСТИ И СРЕДЕ В РАКУРСЕ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

Прагматический аспект актуализации метафоры позволяет, с одной стороны, объяснить ее широкое использование в политическом дискурсе, а с другой – ответить на вопрос, почему одни и те же события по-разному репрезентируются в сознании. Метафора, как феномен сознания, «проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система ... метафорична по самой своей сути» [Лакофф, 1990: 387], «метафорические модели... это своего рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов, 2001: 31].

Концептуальная метафора обладает значимым прагматическим потенциалом, что можно продемонстрировать на примере сопоставления метафоры родства и метафоры клуба в концептуализации постсоветской Прибалтики. «Метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи», «была унаследована советским политическим дискурсом» [Чудинов, 2001: 78] и продолжает служить часто актуализируемой сферой-мишенью в современной российской политической коммуникации [Чудинов, 2001: 79-84]. Российский историко-культурный фон (традиции русской православной философии, историческая общность славянских «братских» народов, тема всечеловеческого братства в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др.) согласуется с устойчивостью данной модели в российской политической речи. Однако прагматичный Запад «предпочитает» другие метафоры в процессе категоризации отношений государств в политических объединениях (НАТО, ЕС). Для английской культуры традиционно характерен институт клуба (в отличие от российской культуры), что находит свое отражение не только в английской литературе (Пиквикский клуб у Ч.Диккенса, клуб самоубийц у Р.Л. Стивенсона и др.), но и в политическом дискурсе. Метафора клуба в отличие от метафоры родства концептуализирует политические отношения в ином ключе. Если «старший брат» (СССР) или «отец народов» (Сталин) имеют «родственное право» поучать, а при необходимости и наказывать «младших братьев» или «детей», то среди членов клуба такие отношения неприемлемы. Когнитивная топология метафорической модели родства не позволяет выбирать родителей или братьев, что прагматически очень целесообразно для политического дискурса тоталитарного государства. Напротив, стать членом клуба или выйти из клуба, равно как и выбрать клуб, можно по собственному желанию, хотя для этого и нужно приложить определенные усилия.

В британском политическом дискурсе для метафорического представления сотрудничества постсоветских прибалтийских республик в политических объединениях модель клубной метафоры актуализируется с большей частотой по сравнению с метафорой родства (7:1 на 42 текста политического дискурса). Ср.:

Метафора родства

Фрейм «Семья»

For the new member states - ...Latvia, Lithuania and Estonia - joining this family meant sharing important aspects of national sovereignty and undertaking real reform. (The Guardian, April 17, 2003)

Для новых государств ЕС - ...Латвии, Литвы и Эстонии – присоединиться к этой семье означало поступиться важными аспектами своего суверенитета и предпринять реальные реформы.

Метафора клуба

Фрейм «Вступление в клуб»

Слот «Требования к претендентам»

The referendum was the last in any of the 10 countries due to enter the club next May (Референдум стал последним этапом для каждой из десяти стран, вступающих в клуб).

Слот «Получение членских билетов»

The enlargement announced yesterday will be completed in May 2004 when the newcomers are formally given their membership cards (Расширение, о котором заявили вчера, будет завершено в мае 2004 года, когда новые члены получают членские билеты).

Слот «Последствия принятия в клуб новых членов»

Most of the newcomers are likely to speak English rather than French as their second language, fuelling fears in Paris that the shape and sound of the club which it helped create 45 years ago is changing beyond recognition (Вероятно, большинство населения стран, вступающих в ЕС, склонно считать своим вторым иностранным языком английский, нежели французский. Это обстоятельство вызывает опасения Парижа, что облик и звучание клуба, в создании которого Париж принимал участие, изменятся до неузнаваемости).

При концептуализации взаимоотношений государств в политических объединениях британская концептуальная метафора «ориентируется» на ценности рыночной экономики. Например, Британское Содружество (Commonwealth – буквально «общее богатство») имеет отличный от Содружества (разделено нами – Б.Э.) Независимых Государств денотативный дескриптор. Эти

наблюдения согласуются с программным положением теории концептуальной метафоры о том, что метафора «имеет национальные корни», соотносится с ценностями данной культуры и является действенным прагматическим инструментом концептуализации и категоризации действительности.

Вейнгарт О.С.
Челябинск

О РЕАЛЬНОМ И ФИКТИВНОМ СКЛОНЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (на материале современного французского языка)

Употребление различных синтаксических конструкций с инфинитивом существенно расширяет выразительные возможности простых предложений. В грамматике французского языка различного рода инфинитивные обороты получили подробное и всестороннее освещение. Однако особняком среди прочих конструкций, включающих инфинитив, стоят так называемые «инфинитивные предложения»: *Dès le milieu des années 1960, Paul Morand avait senti le vent tourner. Le désir d'oeuvrer ensemble semble l'emporter.*

Типичность и частотность данных синтаксических единиц составляет своеобразие не только французского, но и других западноевропейских языков, вместе с тем их статус неясен и четко не определен в современных исследованиях. Существуют три основных подхода в определении рассматриваемых конструкций: 1) исторический, 2) субъектно-объектный, 3) предикативный.

Историческая или традиционная точка зрения предполагает отождествление данных оборотов с латинскими *Accusativus* и *Nominativus cum infinitivo*. При этом используются сами названия латинских падежей для обозначения оборотов во французском языке. Такое определение не является удачным исходя не только из отсутствия данных падежей в современном французском языке, но и, по словам Е.А. Реферовской, по причине полного перерождения латинских конструкций, генезис которых далеко не во всех случаях поддается точному определению.

Второй подход основывается на зависимом характере инфинитива, субъектного или объектного типа, что затрудняет идентификацию оборота и не позволяет отличать от глагольной перифразы.

Третий подход к определению статуса данных конструкций исходит из понятия предикативности, неотъемлемой категории предложения. Так В.Г. Гак вводит для определения рассматри-

ваемых нами типов предложений термин “полупредикативные”. Термин полупредикативность кажется неудачным, так как одна предикативная связь в них все же присутствует в полной мере и употребление данного термина может привести к путанице. Кроме того, “полупредикативные” предложения – полипропозициональны: т.е. содержат описание ряда событий. Т.о., они скорее полипредикативны.

Термин “склонение” кажется наиболее удачным, т.к. в полной мере отражает суть данных синтаксических конструкций. Предложения, включающие “склоняемые” предикативные единицы, состоят как минимум из двух частей – главной, с предикатом, выраженным глаголом в личной форме, и зависимой, содержащей свернутое предложение с инфинитивом в роли предиката. Главная и зависимая части связываются посредством общего члена – существительного в каком-либо “падеже” – и представляют собой типичное управление, с тем лишь отличием, что управляемый элемент представлен не просто существительным, а целой предикативной единицей, свернутой, но легко трансформируемой в простое независимое или придаточное дополнительное предложения: *Je t'ai vu faire ça.* → *Je t'ai vu. Tu faisais ça.* → *J'ai vu que tu faisais ça.*

Правомерность употребления самого термина “падеж” основывается на более широком его толковании. На первый взгляд, с формальной точки зрения, во французском языке нет привычных маркеров – аффиксов при существительных, – с помощью которых выражается грамматическая категория падежа, например, в русском языке. Однако, по мнению Л. Теньра, “видеть в синтаксисе лишь науку об употреблении форм – значит ограничивать его лишь теми явлениями, которые выражаются лишь морфологическими маркерами, и отказывать в праве на существование всем прочим синтаксическим явлениям, то есть таким, которым не соответствует никакой маркер”.

Кроме того, сам по себе падеж трактуется шире в современной лингвистике. Согласно идее Ч. Филлмора, падеж – это глубинное синтактико-семантическое отношение. Под падежной формой понимается выражение падежного отношения в каждом конкретном языке, при этом совершенно безразлично, используется ли для этого аффиксация, супплетивность, добавление энклитических или проклитических частиц или ограничения на порядок слов. Последнее в частности относится к французскому языку, где в рассматриваемых нами конструкциях логическое

подлежащее сразу после управляющего глагола и одновременно предшествует инфинитиву-сказуемому: *Son prochaine projet pourrait voir **Al Pacino incarner** Napoléon.* Можно встретить и обратный порядок: *Tout ce petit monde disparaît, à cause de changements climatiques, et **on voit apparaître non une espèce d'homme mais plusieurs,*** но, как и любая инверсия, такое расположение общего члена встречается гораздо реже и служит для его логического выделения и обособления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Реферовская Е.А. Разрушение конструкции accusativus cum infinitivo в раннесредневековой латыни // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. – М.: Наука, 1966. – С. 306-314.
3. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. 10. – С. 369-495.
4. Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale.* – Paris: Klincksieck, 1959. – 325 p.

Возмилова И.В.
Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ТЕСТОВ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Перевод с одного языка на другой представляет собой сложный акт интеллектуальной деятельности, неотъемлемым элементом которого является осмысление подлинника, проникновение в текст оригинала как носителя определённого смысла и стилистической функции. Перевести – это значит адекватно понятое адекватно воссоздать средствами другого языка, воспроизвести с учётом взаимодействия содержания и формы. В процессе перевода происходит отбор нужных языковых единиц на основе сопоставления компонентов двух языковых систем [1].

С позиции психолингвистики эффективнее вводить и семантизировать лексические единицы, пользуясь в основном переводом, так как происходит перенос имеющихся знаний, умений и навыков и экономится учебное время. Упражнения должны обеспечить «вхождение» в официально-деловой текст с опорой на предыдущий опыт «*Schlagt vorher die folgenden Wörter im Wörterbuch nach*» («Сначала найдите в словаре следующие слова»).

Достоинствами перевода является естественная склонность человека при изучении иностранного языка к переводу на род-

ной язык и возможность для преподавателя контролировать с помощью перевода динамику внутренних процессов, происходящих у обучаемых при овладении немецким языком.

В основе профессиональной деятельности сотрудников внутренних органов лежит работа с официальными документами, поэтому особую важность для курсантов приобретают навыки перевода текстов официально-делового стиля. Официально-деловые тексты, предлагаемые курсантам для изучения и перевода должны быть аутентичными, соответствовать личным и профессиональным интересам курсантов и максимально приближены к естественной ситуации. В текст должны включаться слова-реалии, без которых язык не может быть выучен адекватно. Но при переводе текстов официально-делового стиля возникают сложности, связанные с полисемией лексических единиц немецкого языка. Различие в толковании терминов и понятий усугубляется, кроме того, сложностью лингвистического перевода дефиниций, укрепившихся в различных иностранных языках. Специальная лексика вообще и относящаяся к юриспруденции в частности является одной из наиболее проблемных в плане терминологии, так как часто бывает трудно достигнуть эквивалентности и адекватности как на уровне языка, так и на уровне существующих реалий. Обращение к конкретному материалу показывает, что ряд немецких понятий, связанных с деятельностью полиции не имеет терминологических аналогов в русском понятийном аппарате, например *Bereitschaftspolizei*, *Bundesgrenzschutz* usw. В случае отсутствия в русском языке сравнимого специального понятия единственным способом представления его значения является описательный перевод [2].

К числу первоочередных вопросов, связанных с переводом официально-деловых текстов, относится вопрос о структуре сопоставления разноязычных терминов. Всякое начальное сопоставление какой-либо системы с другой системой предполагает, прежде всего, выяснение наличия или отсутствия сравнимого элемента в другой системе. Поэтому соотнесение терминов должно касаться двух аспектов: значения терминологических единиц и их языкового оформления. Многие варианты значений слов не зафиксированы в обычных словарях, что вызывает сложности, связанные с традиционным значением слова и тем эквивалентом, который данное слово имеет в официально-деловом стиле. Наиболее типичной ошибкой является перевод сложных слов без знания шаблонов. Необходимо учить курсан-

тов выделять сложные существительные в тексте, понимать их на основе знания значений компонентов и способа словообразования, не забывая, что многие сложные слова имеют лишь один устоявшийся вариант перевода. Например, нельзя перевести слово *Strafrecht* (уголовное право) как *Strafe + Recht*, т.е. как кара, наказание, штраф + право. Различные тексты и статьи могут быть выдержаны в различных стилях изложения и, в зависимости от этого, иметь разный лексический состав и представлять различные трудности для перевода, поэтому параллельно с прохождением грамматического материала должна вестись работа по развитию практических переводческих навыков и умений. Основное внимание обычно уделяется рассмотрению грамматических проблем перевода, так как наибольшие расхождения между сопоставляемыми языками наблюдаются именно в области грамматического строя, но при переводе официально-деловых текстов более важную роль играет подбор соответствующих лексических единиц, исходя из особенностей данного стиля. Специфическими особенностями официально-делового стиля являются стандартизованность и консервативность, точность и однозначность высказываний, наличие слов и выражений, являющихся канцеляризмами, широкое использование юридической и экономической терминологии. Официально-деловой текст в полной мере характеризуется строгостью, официальностью тона. Разговорные варианты слов отсутствуют. Специфика содержания подобных текстов не предполагает употребления оценочной лексики, поэтому отсутствуют слова не только эмоционально-оценочные, но и выражающие рациональную оценку. Стандартизация языка официально-делового текста обеспечивает ту степень коммуникативной точности, которая придаёт документу юридическую силу. Любая фраза, любое предложение должны иметь только одно значение и толкование. Огромную важность для курсантов при переводе официально-деловых текстов приобретает не только иноязычная, но, в первую очередь, русскоязычная грамотность. Нормы словоупотребления в официально-деловом стиле те же, что и во всём литературном русском языке: 1) слово должно употребляться с учётом его лексического значения; 2) слово должно употребляться с учётом его стилистической окраски (принадлежности); 3) слово должно употребляться с учётом его лексической сочетаемости. Казалось бы, всего три правила, ясных и понятных каждому, должны выполняться в деловой письменной речи, тем более,

что денотативная точность может быть обеспечена только при условии их соблюдения [3]. На деле же в деловых текстах лексические ошибки являются одним из самых массовых видов нарушений речевых норм. По частотности они стоят на третьем месте за грамматическими и орфографическими ошибками. Незнание или неточное знание лексического значения слова является причиной таких ошибок, как неразличение слов-паронимов, речевая избыточность.

Задачей преподавателя является оказание помощи курсантам при работе над специфическими трудностями, возникающими в процессе изучения словоупотребления при переводе текстов официально-делового стиля и вызывающих появление типичных ошибок. В большинстве случаев источником этих трудностей является влияние родного русского языка, ошибочное перенесение в сферу немецкого языка отношений существующих между словарными единицами в родном языке.

В процессе обучения в УрЮИ курсанты читают и переводят тексты, содержащие юридические термины, с немецкого языка на русский язык, делают анализ отношений понятий, находят сходство и различия между понятиями. В сознании курсантов устанавливаются устойчивые связи между простыми понятиями. Они преобразовываются в качественно новые понятия - категории, свойственные научному уровню знаний. Соответственно перевод официально-деловых текстов требует от курсантов знания и понимания лексических, грамматических и стилистических характеристик как немецкого, так и русского языка. Все тексты, относящиеся к официально-деловому стилю, несмотря на их своеобразие, объединяет высокая степень стандартизации, которая охватывает все уровни языка – лексику, морфологию, синтаксис и текстовый уровень. В итоге складывается определённый тип языка, отличающийся консерватизмом, замкнутостью, непроницаемостью для иностилевых вторжений, для проявления индивидуального стиля автора. Безличность изложения выражается в отказе от интерпретаций оценки событий, эмоциональных реакций [3]. Деловая речь в русском и немецком языках накопила огромное количество проверенных многолетней практикой речевых формул, шаблонов, знание и усвоение которых поможет курсантам при переводе текстов официально-делового стиля и при создании новых деловых текстов, обеспечивая ту степень точности, которая отличает официальный документ от любой другой бумаги.

Альфред Курелла совершенно справедливо делает вывод, что обычно говорят, что переводчик: 1) должен знать иностранный язык, 2) должен знать реалии и 3) должен грамотно писать на родном языке, но исходя из специфики деятельности тот, кто делает перевод должен: 1) свободно владеть родным языком, 2) подробно и точно знать реалии и 3) глубоко вникать в язык переводимого текста [4]. Таким образом, при переводе текстов официально-делового стиля курсанты должны знать о его специфических особенностях. Такой перевод предполагает достаточно высокий уровень лингвистической подготовки как в отношении иностранного, так и в отношении родного языка, должны распознавать устойчивые формулы и правила их использования в деловой письменной речи на иностранном языке и их соответствующие эквиваленты на русском, уметь адекватно использовать речевые средства при соблюдении языковых норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роганова З.Е. Перевод с русского языка на немецкий: Пособие по теории перевода для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: «Высшая школа», 1971.

2. Гиниатуллин И.А. Сравнительный двуязычный словарь по педагогике и образованию: проблемы и возможности // Понятийный аппарат педагогики и образования: Сб. науч. тр./ Отв. ред. Е.В. Ткаченко. – Вып. 1. – Екатеринбург, 1995.

3. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет: Учеб. пособие для вузов. – М., 2000.

4. Перевод – средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика / Сост. А.А. Клышко. – М.: Прогресс, 1987.

**Гиниатуллин И.А.
Екатеринбург**

ОБЪЕКТЫ ПРАКТИКО-ЯЗЫКОВОГО САМООБРАЗОВАНИЯ

В рамках профессиональной компетентности у выпускника вуза должна быть сформирована самообразовательная компетентность как способность поддерживать и повышать в соответствии с потребностями профессионального развития уровень специальной подготовки. Теоретическая разработка проблемы и практическое формирование самообразовательной компетентности у будущих специалистов по иностранным языкам предполагает наличие представлений об определенном перечне объектов практико-языкового самообразования. Хотя «траектория» движения субъекта самообразования от объекта к объекту, количественный охват таких объектов, степень углубления в них и

др. будут индивидуально определяться особенностями выпускника и его профессиональной ситуацией, ясно, что он должен быть подготовлен к профессиональному самосовершенствованию относительно многих, различных и профессионально-значимых предметных объектов. Закономерно также предположить, что вузовский этап профессионального языкового образования целесообразно ориентировать на определенный базовый содержательный минимум. На основе наблюдений и данных некоторых опросов в сообщении приводится примерный перечень комплексных задач практико-языкового развития, которым наряду с совершенствованием владения видами речи и языкового материала относятся и такие, как совершенствование: риторического аспекта иноязычной речи, иноязычной вербализации, иноязычного коммуникативного пространства в родноязычном окружении, умения реальной межкультурной коммуникации, взаимодействия с коллегами при использовании в самообразовательном процессе современных технических средств (электронная почта, интернет, мультимедиа), совершенствование индивидуальной инфотеки профессионального самообразования и др. По ряду объектов практико-языкового самообразования на кафедре немецкого языка и методики его преподавания УрГПУ проведены диссертационные исследования (Брусянина О.П., Яндыганова Д.А., 2000; Золотавина Ф.Г., 2002; Бредихина И.А., Хильченко Т.В., 2004), по некоторым на базе накопленного опыта исследования продолжаются. Актуальность работ в указанном направлении подтверждается стабильным усилением тенденции повышения познавательной самостоятельности обучающихся во всех формах и на всех этапах образования.

Гоголина Т.В.

Екатеринбург

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ МОДАЛЬНОСТИ ДОСТОВЕРНОСТИ

Модальность достоверности понимается нами как “функционально-семантическое поле (далее-ФСП), представляющее собой систему языковых средств, выражающих определённую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности. В зависимости от того, каким образом говорящий оценивает полноту своих знаний об описываемых явлениях, содержание высказывания может быть представлено как соответствующее или не соответствующее реальному положению дел в действительности” [ТФГ, 1990: 157]. Мо-

дальность достоверности опирается на оппозитивные отношения уверенности – неуверенности, поэтому термин «модальность достоверности» употреблён достаточно условно, т.к. он обозначает понятие «модальность достоверности – недостоверности».

Достоверность не образует монолитного семантического пространства однородного наполнения, из её состава могут быть выделены ФСП меньшего объема (микрополя), которые взаимодействуют друг с другом в рамках заданного семантического пространства. Микрополе определяют как минимальное образование в системе ФСП, обладающее относительной самостоятельностью в плане содержания и в плане выражения. Как макрополе, так и микрополе имеет следующие признаки: 1) «выполнение семантической функции, которая объединяет в систему разнородные языковые элементы; 2) взаимодействие элементов разных уровней языка» [А.В.Бондарко, 1983: 125].

Модальность достоверности предполагает оценку говорящим полноты своих знаний относительно того, в какой мере пропозиция (объективное содержание высказывания) соответствует действительности. В основу этого определения достоверности положены два дифференциальных признака: 1) полнота/неполнота знаний говорящего о предмете речи; 2) характер убежденности говорящего в том, в какой мере пропозиция соответствует действительности.

Модальность достоверности включает несколько микрополей:

1. Если говорящий обладает полным объемом необходимых ему знаний для того, чтобы утверждать, что содержание пропозиции является истинным или является ложным с позиции соответствия действительности, то набором конкретных языковых средств формируется ФСП уверенности. Пр.: *Теперь, правда, ещё только десять часов утра, но я уверен, что она не откажется принять своих коротких знакомых* (Достоевский).

2. Если говорящий обладает определенным объемом знаний, который позволяет высказать предварительное суждение, гипотезу о содержании пропозиции, при этом информационная база, на основе которой делается предположение, может быть как значительной, так и незначительной, однако расценивается говорящим как достаточная для того, чтобы сформулировать предположение или ряд предположений, т.е. пропозиция, по мнению говорящего, соответствует действительности, то фор-

мируется значение предположительности. Пр.: *Да, всё это так. Но у меня, положим, тогда другая точка зрения была* (Славкин).

3. Когда говорящий оценивает степень осуществимости факта, содержащегося в пропозиции, опираясь на тот или иной объем знаний, которым он владеет, то таким способом выражается семантика вероятности. Кроме того, чем большим объемом знания обладает говорящий, тем выше степень вероятности осуществления события. Вероятностная оценка носит градуированный характер [ТФГ 1990: 165]. Пр.: *Видимо, деньги стали эквивалентом иных, более значительных по классу ценностей* (Довлатов).

4. Если говорящий не уверен в истинности пропозиции, потому что обладает полным или неполным знанием о ней, при этом он самостоятельно оценивает объем своих знаний как недостаточный, то формируется значение сомнительности. Пр.: *К преподавателям я относился с любопытством, но без должного уважения. Вряд ли кто-то из них меня запомнил* (Довлатов).

5. Недостаточность знаний об объекте оценки говорящий может восполнить за счет воображения, образного видения мира. Так возникает значение кажимости, имеющее определённую систему разноуровневых языковых средств выражения, которые образуют ФСП данной семантики. Пр.: *И тотчас же выстрелила знаменитая ленинградская пушка. Как будто прозвучал невидимый восклицательный знак* (Довлатов).

Мы не утверждаем, что данный перечень завершен, напротив, по нашему мнению, сохраняется перспектива дальнейшего исследования ФСП достоверности с выделением других микрополей, но все перечисленные выше и потенциально возможные микрополя взаимодействуют друг с другом. На пересечении микрополей возникают варианты значения каждого из них. Например, в процессе функционирования ФСП сомнительности пересекается с другими микрополями в семантическом пространстве достоверности и образует варианты значения: сомнительно – предположительное; сомнительно – вероятностное; сомнительно – кажимостное и др. Сомнительность, в свою очередь, может оказаться на периферии других, смежных с ней полей. Данные ФСП взаимно влияют друг на друга.

Каждое из рассмотренных микрополей представлено определённой системой средств выражения, которые делятся на

ядерные и периферийные. Ядерные средства способствуют формированию инвариантного значения микрополя, а периферийные оформляют варианты значения полей, т.к. часто являются общими для нескольких полей. Пр.:1. *Едва ли кто-нибудь, кроме матери, заметил его (Обломова) появление на свет* (Гончаров). Частица *едва ли* является ядерным средством выражения ФСП сомнительности, т.к. передаёт только данное значение. 2. *Мы как будто привыкли друг к другу, сблизились, подружались* (Бунин). Частица *как будто* относится к периферийным средствам выражения сомнительности, т.к., кроме данного значения, служит для передачи других типов модальных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1.Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л.: Наука, 1983

2.Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. - Л.: Наука, 1990

Головенкина Н.В.
Челябинск

ИДИОСТИЛЬ М. А. БУЛГАКОВА

КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Творчество М.А. Булгакова, как одного из самых ярких писателей 20 века, до сих пор привлекает внимание исследователей, несмотря на то, что оно изучено достаточно многоаспектно: с точки зрения лингвистики, литературоведения, истории, культурологии, политологии и даже медицины. Для адекватного понимания художественных текстов представляется необходимым обратиться к изучению языка и стиля писателя, к его индивидуальной организации текста. Этой теме в отечественной и зарубежной науке посвящено внушительное количество публикаций, что свидетельствует о неиссякаемом интересе к наследию писателя.

Так как проблема идиостиля имеет комплексный характер, анализ стиля писателя требует многоуровневого подхода. При этом вполне очевидно, что стиль автора отражается в стиле художественного произведения, который можно определить как систему концептуально значимых для писателя, коммуникативно и эстетически обусловленных принципов организации текста, диктующих не только отбор и сочетаемость языковых средств, но и использование стилистических приемов, характер ассоциативно-смыслового развертывания текста, определяющих его структуру, прагматику и семантику [Болотнова: 64].

Обзор имеющихся исследований идиостиля Булгакова позволит установить уже проанализированные компоненты языка писателя и выявить неизученные стороны.

В литературоведческой статье “Странный реализм Булгакова” В.В. Химич рассматривает творчество писателя с точки зрения метода, анализируя приемы, отличающие его индивидуальный стиль, выделяет: предметные характеристики, живописующие драматические чувства; детализацию; драматический темпоритм, формирующийся за счет звукописи; формирование с помощью ритмически организованных, декламационных вопросительных и восклицательных форм драматического характера событий. Обобщая, В.В. Химич называет стилистические приемы выражения словами исследователя В. Днепров “сверхэмоцией”, которая относится к числу опорных точек для анализа индивидуального стиля [Днепров: 282]

В монографии В.И. Немцева “Михаил Булгаков: становление романиста” исследователь выдвигает идею о том, что писатель возродил в русской литературе гротескно-романтические формы постижения действительности, как способ приближения к реальности. Основными чертами булгаковского стиля считает экспрессионизм, орнаментику, ритмизацию прозы, а “самым заметным и энергичным тропом — эпитет” [Немцев: 57]. Анализируя портретные эпитеты романа “Белая гвардия”, булгаковед подразделяет их на “текучие” и “статические”. Первые характеризуют движение жизни главных персонажей на протяжении всего романа, вторые описывают второстепенных героев.

В.В. Новиков в первой главе книги “М. Булгаков — художник”, посвященной ранней прозе писателя, подвергает детальному анализу его творения 20-х годов. Исследователь разгадывает замыслы отдельных произведений, отмечает рост мастерства и обозначившуюся в этот период манеру и жанровые особенности рассказов, фельетонов, романа “Белая гвардия”, называет составляющие компоненты идиостиля, среди которых: экспрессионистическая манера, сочетание фантастики и реальности, гротеск, шаржирование, мистификация, драматургическая структура фельетонов. Констатируя сложность и многоплановость повествования романа, автор монографии фиксирует наличие объективированных форм изображения, фантастические сны, сказовую манеру, лирические эссе, библейские мотивы, иносказание.

В статье “Творчество Михаила Булгакова” исследователь

Великая Н.И. говорит об опоре писателя на пушкинский образ, отмечая параллель метафорического употребления стихии природы событиям времени [Великая: 18].

Кожевникова Н.А. в статье “Словоупотребление в романе М. Булгакова “Белая гвардия” подробно анализирует все стилистические приемы писателя, выделяя метонимию, повторы (лексические, корневые, семантические), лейтмотивы, отвлеченные эпитеты, паронимию, именные метафоры, сравнение, опредмечивание. Автор статьи отмечает связывание плана повествователя и плана персонажа в романе приемом взаимопревращения перечисленных тропов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова И. И., Бабенко И. И. И др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостилы/ Под ред. Проф. Н. С. Болотновой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001.
2. Великая Н. И. Творчество Михаила Булгакова/Под ред. Бабичевой Ю. А. Томск, 1991.
3. Днепров В. Идеи времени и формы времени. Л., 1980., с282.
4. Новиков В. В. Михаил Булгаков — художник.
5. Немцев В. И. М. Булгаков: становление романиста. Самара: Издательство Саратовского университета, 1991.
6. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в романе М. Булгакова “Белая гвардия”/ Литературные традиции в поэтике М. Булгакова: межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев: КГПИ, 1990.

**Дементьева О.Г.
Екатеринбург**

ПРОБЛЕМА НОМИНАЦИИ ТАКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ТРАНСПОЗИЦИЯ

Проблема номинации данного явления существует уже достаточно давно. По определению транспозиция – это переход слова из одной части речи в другую. Согласно Г.Г.Соколовой, о сложности этого явления свидетельствуют самые разнообразные названия, которые используются для обозначения этого словообразовательного процесса: несобственная деривация (М. Гревисс), деривация посредством нулевой морфемы (Г. Маршан), транспозиция (Ш. Балли), трансляция (Л. Теньер), конверсия (В.Г. Гак, Ю.С.Степанов, К.А. Левковская, А.И. Смирницкий и др.). Наиболее распространено обозначение “несобственная

деривация”, но нет единого толкования того, что следует понимать под этим процессом.

Согласно определению, которое дается в Лингвистическом Энциклопедическом Словаре, конверсия – это способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов: разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи (например, английское существительное *salt* – соль и английский глагол *to salt* – солить). Советские романисты В.Г. Гак и Ю.С. Степанов предпочитают именно это название данного явления. Этому же мнению придерживается и А.И. Смирницкий, который проводил свои исследования в английском языке, а также К.А. Левковская, но уже на примере немецкого языка. При этом конверсия противопоставляется аффиксации.

Именно Ш. Балли ввел название “транспозиция”, понимая ее как процесс, происходящий “без изменения в форме языковой единицы, но объединяя под этим обозначением различные процессы в системе языка”. Ш. Балли рассматривает явление транспозиции как один из важнейших источников словообразования, который используется во французском языке.

По мнению Г.Г. Соколовой, во французском языке нет единого и всеми принятого обозначения данного процесса словообразования.

Исследование проблемы транспозиции и уточнение природы этого явления дает возможность проследить несколько тенденций в изучении интересующего нас вида словообразования.

Л. Теньер делает очень интересные замечания о природе транспонированных единиц и их характеристиках.

Особенно ценные замечания были сделаны А. Доза и М. Гревиссом относительно двух видов транспозиции прилагательных, что помогло вскрыть природу данного явления.

А. Дармстетер и Р. Пессоно понимают под рассматриваемым нами процессом регрессивную деривацию и несобственную деривацию (транспозицию).

Таким образом, несмотря на большое разнообразие названий одного и того же явления, все они являются тождественными и обозначают одно и то же понятие, но при этом разные лингвисты рассматривают его в различных планах, вследствие чего

и происходят расхождения во мнениях.

**Дударева З.М.
Стерлитамак**

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ВЫДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ВРЕМЕНИ

«Обыденное сознание», в основу семантики которого положена «наивная модель мира», характеризуется, прежде всего, своим «антропоцентрическим отношением к миру: для него, действительно, «человек есть мера всех вещей» - с размерами его тела соотносятся размеры животных, и Солнце вращается вокруг Земли, на которой он живет» [Воркачев, 1995: 56].

Это позволяет говорить о том, что наивная модель мира, находящая отражение в различных элементах структуры языковой системы, в общем и целом строится на особенностях восприятия действительности познающим ее индивидом.

По мнению А. Вежбицкой, антропоцентричность описания языка должна быть его главной доминантой: в языковой картине мира никак нельзя «упустить» информацию, которая значима для человека.

С точки зрения когнитивного подхода к языковым фактам, язык устроен сугубо функционально, т.е. отражает нечто важное для пользующегося им человека.

Из этой предпосылки с необходимостью вытекает «антропоцентричность», воспринимаемая уже не только как принцип описания, а как сущностное свойство самого языка-объекта [Фрумкина, 1996].

Естественно, что антропоцентрический подход, в первую очередь, затрагивает универсальные категории, к которым относится *время*.

Время как таковое не дано нам в непосредственном наблюдении, оно представляет собой неуловимую сущность, «которая лишь может оставлять чувственно воспринимаемые «следы» или демонстрировать нам свои «приметы».

Представление о времени, несомненно, соотносится с объективно наблюдаемой сменой различных «состояний мира», однако концепт времени, пожалуй, в еще большей степени, чем другие речемыслительные категории, отражающие атрибуты действительности, связан с переживающим время субъектом, с его оценкой, с его «ощущением времени».

Антропоцентризм предполагает также понимание объективного мира, в котором на первый план выступают события, а

объекты рассматриваются лишь в качестве составных компонентов событий. Не случайно в последнее время говорят о переключении внимания исследователей «с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики и соответствующие им концепты» [Арутюнова, 1988: 98].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.

2. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. 1995. №3. С. 56-66.

3. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип// Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М., 1996.

Дьячкова Н.А.
Екатеринбург

ПОЛИСИТУАТИВНОСТЬ В ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ АСИММЕТРИЧНОЙ СТРУКТУРЫ

Конструкции названного типа являются асимметричными. В них присубъектный определитель является включенным предикатом и обязательным компонентом семантической модели предложения. Словосочетание «имя + атрибут» в позиции подлежащего является результатом номинализации предикативной единицы, а все предложение, имеющее модель «Обобщенный субъект – предикат качества», - результатом компрессии сложного предложения с отношениями обусловленности. Ср.: *Если женщины красивы, то они опасны*. Конструкции с включенным предикатом являются когнитивно-сложными, так как требуют додумывания и развертки. Оба предиката – включенный и основной – являются оценочными. См.: *красивый* (положительная оценочность), *опасны* (отрицательная оценочность).

Оценка, репрезентированная включенным предикатом, мотивирует оценку, представленную основным предикатом. Это связано с тем, что оценочные суждения (в нашем случае это сентенции этического характера) всегда имеют основания и мотивы.

Включенный предикат в этих предложениях содержит не только оценочность, но и информацию о некоторых событиях, имевших место в ретро-ситуации. Например: *Пуганая ворона и куста боится* (Ворону пугали люди или ветер/буря/другие птицы, теперь она *трусливая*). Объем ретроспективной семантики

включенного предиката предопределен его морфологической и семантической природой. В роли присубъектного определителя (включенного предиката) возможны прилагательные и причастия следующих типов: (1) отглагольные прилагательные и страдательные причастия, а также действительные причастия, (2) прилагательные неотглагольные качественные эмпирийные, (3) прилагательные неотглагольные качественные рациональные, (4) прилагательные относительные. Например: (1) *Выношенная шуба не греет; Непьющий монах – не монах*; (2) *Ржавое железо не блестит* (3) *Смелый воин тысячи водит*; (4) *Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет*.

С точки зрения диктумной организации высказывания, наиболее информативными являются причастия и отглагольные прилагательные: в силу полиситуативности семантики мотивирующего глагола они вносят значительный объем информации о дальней и ближней периферии ретро-ситуации. Данная информация является тем мотивом, который объясняет положение дел и характер оценки, представленные основным предикатом. В случае с определителем не-глаголом объем информации процессуально-событийного характера оказывается либо незначительным (прилагательные качественные эмпирийные и относительные), либо вообще отсутствует (прилагательные качественные рациональные). В процессе когнции развертке подвергается номинализованное звено. При этом данный процесс в одном случае идет от информации процессуально-событийного характера к оценочности (*выношенная шуба* → старая, плохая шуба), в другом – от оценки – к представлению о событии, послужившим основанием такой оценки (рациональные прилагательные: *смелый воин* → *воюет без страха*, защищает слабых и т.д.); в третьем – от объективной информации общего характера к объективной информации частного характера (эмпирийные прилагательные: *ржавое железо* → *подверглось воздействию влаги*, воздуха, покрылось красно-бурым налетом и т.д.). Наконец, в четвертом - от представления о субъекте, через отношение к которому мыслится признак, к представлению об оценке этого признака (относительные прилагательные: *материнская забота* = мать заботится → *самая лучшая забота*). Модусная организация данных конструкций также имеет сложную структуру. Она включает в себя несколько модусных смыслов: авторизацию, персуазивность, оценочность.

Елизарова Г.С.
Стерлитамак

**КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОМАНА «ВОЙНА И МИР»)**

Концепт можно определить как содержательную сторону словообраза, его мыслеобраз. В таком случае концепт представляет собой объемное ментальное образование, вбирающее в себя не только словообразовательные гнезда, но и одноименные семантические поля. Этот объем заполняют его параметры. Чем больше параметров, тем больше лексический объем концепта. Концепты пронизывают лексическую, словообразовательную, фразеологическую и грамматическую системы, являясь своеобразными «скрепами» между ними. В результате такого пронизывающего, сквозного прохождения концепта вокруг него формируется концептуальное поле. Создавая «когнитивную субстанцию» языка, оно охватывает лексические единицы с их уникальными «приращениями» смысла, грамматические категории с их направленностью на акт коммуникации и его участников, синтаксические конструкции с их трансформационным потенциалом.

С этой точки зрения языковую семантику можно представить как концептуальное пространство, концептосферу, организованную пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных ментальных структур (концептов). Взаимосвязи и вербальные репрезентации концептов играют определяющую роль не только в устройстве семантического пространства языка (или отдельного его участка), но и в организации всей системы конкретного языка в целом.

Концептуальное поле «война» в индивидуальной языковой картине мира Л.Н. Толстого включает следующие группы составляющих элементов:

Злыденная Т.А.
Екатеринбург

КОНЦЕПТ «ТРУД» КАК КОНСТАНТА КУЛЬТУРЫ

Современный этап развития лингвистики связан с проблемами исследования процессов концептуализации и категоризации действительности. Одним из сложнейших и до сих пор не решенных вопросов является описание концепта, признанного

учеными основной формой категоризации знания и главным средством концептуализации действительности. Проблемам изучения природы концепта посвящены труды как зарубежных, так и отечественных лингвистов, однако, термин «концепт» так и не получил в лингвистике однозначной трактовки.

Многообразие теорий дает основание говорить о том, что на данном этапе развития науки сформировалось два основных подхода к концепту: когнитивный и лингвокультурологический.

В когнитивной лингвистике термин «концепт» является базовым. Признанным стало определение концепта, предложенное Е.С.Кубряковой. В своих работах она обращает внимание на универсальность данного термина и стоящего за ним содержания: « Термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания»[1996: 90].

Отличается от когнитивного лингвокультурологический подход к концепту, изложенный в работах Ю.С.Степанова, Н.Д.Арутюновой, В.В.Колесова и др. Концепт признается атрибутом культуры, «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов, 2001: 43]. Концепт – многомерная глобальная структура, состоящая из понятий, эмотивно-оценочного блока, сжатой истории и этимологии; он объективен и исторически детерминирован [Там же: 84].

Концепт «Труд» имеет особый статус. Труд играл важную роль в формировании русского характера. Ценность труда обеспечивалась и религиозным компонентом русской культуры. Труд в христианстве осмысливается как нравственное деяние, средство спасения души. О.А.Платонов отмечал: «Труд ... рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности» [1991:6].

Трудовая деятельность для русского человека была достижением красоты и гармонии. Д.С.Лихачев писал: «Русский пахарь своим многовековым трудом создавал красоту русской природы... опыт пахаря создавал эстетику параллельных линий...»[1984:17-18].

Русская деревня на всех этапах исторического развития общества не мыслится без труда. Для русского крестьянина смыслом жизни, единственно возможной ее формой был труд. «Оторвите крестьянина от земли, добейтесь, чтобы он забыл «крестьянство», - и нет этого народа, нет народного мирозерцания...»[Успенский,1977: 207].

Таким образом, трудовая деятельность рассматривается в

русской культуре как нечто обычное, повседневное, труд понимается не как заслуга или обязанность, а как обычное условие жизни. Труд для русской лингвокультурной общности стал важнейшим фактором, определяющим ее мировидение и миропонимание.

Концепт «Труд» присутствует в русской концептосфере на протяжении многих сотен лет, способствует выражению христианских принципов русской культуры. Поэтому мы, вслед за Ю.С.Степановым, считаем, что концепт «Труд» можно отнести к концептам-константам, имеющим в русской культуре статус базовых, т.е. наиболее важных, влияющих на развитие других концептов и всей концептосферы в целом.

Илюшкина М.Ю.
Екатеринбург

СВОЕОБРАЗИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПЕЧАТНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Частные реализации прецедентных феноменов представляют прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентное имя. Текст по отношению к вербализованным прецедентным феноменам выступает как среда, порождающая их, и как среда, в которой они функционируют. Текст, ориентированный на когнитивную базу массового читателя, включается в весьма широкий круг как литературных, так и социальных прецедентных элементов (своеобразных стимулов), провоцирующих появление определённых аллюзий и ассоциаций.

По характеру источников прецедентных феноменов:

1. Литературные произведения, названия которых или цитаты из которых используются: «Доцентом можешь ты не быть, но математиком – обязан».
2. Популярные песни: «Каким он был, таким остался», «Смело мы в рост пойдём».
3. Кинофильмы: «Добро пожаловать» или «Посторонним вход воспрещён?».
4. Паремииологический фонд русского языка: «Бережёного страховка бережёт».
5. Клише советского политического дискурса: «Готов к труду и обороне?», «40 лет без права пересадки». «Есть только МиГ...», «Мартышкин труд», «Чисто английское убийство».

Прецедентные феномены с точки зрения трансформаций. Проблема модификации прецедентных высказываний достаточ-

но представлена следующим образом:

1. Изменение функциональной модальности прецедентного высказывания: «Добро пожаловать», или «Посторонним вход воспрещён?».

2. Усечение прецедентного высказывания, сопровождающегося многоточием: «Пока гром не грянет...», «От перемены мест ...», «Есть только МиГ...». По мнению Н.Л. Шубиной, одной из функций многоточия является формирование имплицитного смысла, этот знак «маркирует переход от вербализованного уровня общения к невербализованному, от невербализованного сегмента мысли к невербализованному» [Шубина, 1991: 163].

3. Использование приёмов экспрессивного синтаксиса, в частности парцелляции и сегментации: «Верили. Не боялись. Не просили». Во всех случаях контаминируются разные приёмы трансформации прецедентных феноменов.

Достаточно частотной позицией для прецедентных феноменов является позиция заголовка, чему способствуют их кумулятивные свойства. По мнению авторов «Общей риторики», «в заголовке объединяются две противоположные тенденции: тенденция к сжатости выражения и тенденция к нагромождению информации» [Дюбуа, 1996: 165]. Заметим, что речь идёт не только о структурной (синтаксической) реализации этого свойства, но и о смысловой стороне заглавия. Действительно, прецедентные феномены ориентированы на структурную сжатость выражения, но в то же время с позиции смысловой насыщенности они аккумулируют очень большой объём информации, который отнюдь не в полной мере востребован текстом.

**Кабаченко Е.Г.
Екатеринбург**

ВОЗВЕДЕНИЕ ЗДАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ДОМЕСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ИДИОСТИЛЕ К. Д. УШИНСКОГО

Метафора – это способ общения, проверенный веками и имеющий определенные преимущества перед прямым выражением мнений, точек зрения, и даже иногда фактической информации. Именно поэтому метафоры часто используются опытными коммуникаторами. Создается впечатление, что особенно любят думать об одной области через призму другой педагоги. Каждый новый этап развития педагогики (как и любой другой гуманитарной науки) начинается с обновления системы концептуальных метафор. Выявление и описание основных метафориче-

ских моделей, употребляемых в процессе обучения, представляет собой актуальную задачу для современной лингвистики. Богатый материал для подобного анализа дают педагогические труды К.Д. Ушинского, которого специалисты называют отцом русской педагогической науки, так как он по существу превратил педагогику в науку.

Взяв за основу классификацию А.П. Чудинова [Чудинов, 2001], мы выделили в педагогических трудах Ушинского четыре основных сферы-источника: «Человек», «Природа», «Социум» и «Артефакты». В составе каждой из названных сфер выделяются подсферы: «Физиология», «Анатомия», «Болезнь», «Животные», «Растения», «Война», «Театр», «Спорт», «Метеорология», «Механизмы», «Строения» и др. В работах К. Д. Ушинского наиболее активно используются метафорические модели из подсферы «Артефакты», которые отражают систему взглядов педагога на образование, участников образовательного процесса и помогают понять сущность номинируемых объектов. Субсфера «Артефакты» является доминантной в педагогических работах К.Д. Ушинского, а поэтому требует более тщательного анализа и описания.

Метафорой, создающей индивидуальный стиль К.Д. Ушинского, на наш взгляд, можно назвать метафору с исходной сферой-источником «ДОМ». По словам А.П. Чудинова, «понятийная сфера «дом» обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии: во-первых, эта сфера хорошо знакома каждому человеку; во-вторых, имеет высокий эмоциональный потенциал; в-третьих, концепт «дом» обладает развернутой сетью элементов внутренней организации; в-четвертых, дом – основная сфера существования человека и его семьи. [Чудинов, 2001: 154-155]. Все это позволило метафоре дома стать базовой в трудах К.Д. Ушинского.

Единство обучения и воспитания, при ведущей роли последнего – идея, которую отстаивал К.Д. Ушинский. Воспитание педагог рассматривал как *процесс созидания* и большое внимание уделял деятельности воспитанию учащихся. По мнению К.Д. Ушинского, необходимо приучать детей к свободному, творческому, самостоятельному труду, ведь только через труд человек становится человеком. [Ушинский, Т. 8, 1950].

В нашу задачу не входит разъяснение всех педагогических идей К.Д. Ушинского, но даже вышесказанное позволяет заметить, что домашняя метафора очень гармонично отражает

его педагогические взгляды. Метафорическая модель ОБРАЗОВАНИЕ – это ДОМ в концентрированном виде представляет воззрения педагога, который считал, что труд учителя предполагает созидание сознания ученика. Соответственно ребенок представляется как своего рода объект, над которым работает мудрый педагог, добиваясь гармонии всех составляющих.

1. Фрейм «Конструкция дома».

В педагогической метафоре Ушинского присутствуют такие составляющие здания как основание, фундамент, окна, двери, лестница (ступени). Самый важный элемент – это конечно основание, и оно должно быть прочным. К.Д. Ушинский очень часто употребляет прилагательное «прочный», которое содержит в себе, по мнению педагога, сущностную характеристику предмета – «должны быть *прочные убеждения* воспитателей»; «*прочное овладение знаниями*»; «у ученика должна быть *твердая воля*, характер»; Ушинский пишет о *прочности усвоения* материала как об одном из дидактических принципов.

Образование, по мысли выдающегося педагога, должно держаться прочном фундаменте: «Самостоятельная работа составляет прочное основание всякого плодovitого учения», «нужно положить прочное основание к дальнейшему самообразованию», «*построить* народное образование на прочной основе нашей народной религии», «иметь хорошие учебники, что составляет фундамент хорошего преподавания, преподаватели в младших классах полагают прочную основу всякому учению». Основания могут устаревать и тогда «преподавание держится на старых основаниях» и школа постепенно рушится. Фундамент для образования, закладывают сами педагоги. Основанием учения, по словам К. Д. Ушинского могут стать вкус к изяществу в литературе, народная религия, хорошие учебники, самостоятельная работа учеников и умение выразить мысль.

Как в любом доме в здании народного образования есть окна и двери: «на каждое произведение мы должны смотреть как на окно, через которое можем показать детям ту или другую сторону народной жизни». Окно должно быть широким и чистым, чтобы ученики могли увидеть весь горизонт жизни. Двери, через которые можно войти в здание образования – это души учеников и нужно «уметь держать раскрытыми эти душевные двери». Учитель мыслится как гостеприимный хозяин, который открывает ученикам двери и вручает ключи от здания образования. (а «знание читать и писать есть один из ключей к образованию»).

Ребенку остается только подняться в готовое здание, но это не так то просто, потому что надо преодолевать ступень за ступенью. Восхождение на очередную ступеньку знаний требует от ученика многих усилий. Целый год нужен, чтобы подняться на одну ступеньку. Еще существуют высшие ступени, на которые взойдут избранные единицы. Педагог помогает «отдельным личностям и целым поколениям» преодолеть ступени развития. И тогда сама школа становится «ступенью в жизнь».

2 Фрейм «Строительство дома» метафорически обозначает получение образования: «На этом...уже готовом фундаменте мало-помалу строится прочное здание первоначального образования»; «В постройке такого мирозерцания, в голове учащихся принимают... участие преподаватели всех предметов». Строительство происходит в умах и душах учеников. Все как на «настоящей» стройке: архитектор проектирует здание и начинает работать с материалом. «Воспитатель», не имеющий своей позиции, не умеющий четко определить цели воспитательной деятельности, подобен архитектору, который, закладывая новое здание, не сумел бы вам ответить на вопрос, что он хочет строить». «Определение цели воспитания – лучший пробный камень, всех философий, психологических и педагогических теорий». Цементом, связывающим учеников в дружное общество, К.Д. Ушинский считал патриотическое чувство. С одной стороны, ученики принимают активное участие в строительстве, а с другой – превращаются в строительный материал, хотя К.Д. Ушинский прекрасно понимает специфику такого материала: «Мы не можем сравнивать мертвые материалы, над которыми работает архитектор, с тем живым и организованным уже материалом, над которым работает воспитатель».

Метафору дома К.Д. Ушинский расширяет до метафоры вместилища в целом. Ученик, вернее его голова, рассматривается как вместилище знаний: «Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую...голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в ящиках пусто»; «в голове детей находится уже достаточно материала»; «набивать головы детям всякими новостями»; «влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, чем наполнение головы познаниями»; «лучшее начало учения в том, чтобы привести в порядок то, что уже собрано в детскую голову»; «на душе, не загроможденной впечатлениями». Голова ученика – это комната для хранения

необходимых знаний. В этой комнате может быть бардак, много ненужных вещей, учителю же предстоит сделать ревизию и прибраться в «кладовой знаний».

Интересным представляется тот факт, что в публикациях об Ушинском-педагоге исследователи используют (осознанно или нет) его любимые метафоры. Приведем лишь некоторые примеры: «Принцип народности в педагогике Ушинский строит на следующих положениях»; «Ушинский строил определенную систему курса педагогики»; «Воспитание, по мнению Ушинского должно строиться в соответствии с потребностями своей страны»; «Ушинский для своего времени на высоком уровне построил оригинальную педагогическую науку». [Лордкипанидзе, 1974].

Итак, для идиостиля К. Д. Ушинского продуктивной оказывается концептуальная метафора ОБРАЗОВАНИЕ – это ДОМ. На основе этого образа последовательно разворачивается модель с двумя основными фреймами сферы-источника: «Конструкция дома» и «Строительство дома», каждый из которых включает разнообразные слоты. Подобная метафора позволяет подчеркнуть плано-созидательный характер деятельности учителя и рост, развитие, взросление ученика. Метафоры К.Д.Ушинского отражали передовые идеи соответствующей эпохи и надолго определили пути развития отечественной педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1.Лордкипанидзе Д. Педагогическое учение К.Д. Ушинского. Тбилиси, 1974.

2.Ушинский К.Д. и проблемы современного образования: материалы научно-практической конференции 26 окт. 1999 г. Челябинск, 2000.

3.Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11т., М-Л, 1948-1952.

4.Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

**Каслова А.А.
Екатеринбург**

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ С ИСХОДНЫМИ ПОНЯТИЙНЫМИ СФЕРАМИ «МЕХАНИЗМ» И «СТРОИТЕЛЬСТВО»

Многочисленные исследования, посвященные изучению

языка политически, свидетельствуют о конвенциональной природе метафорических наименований, с одной стороны, и наличии базовых метафорических доминант, свойственных отдельной лингвокультурной общности, с другой (Е.В. Бакумова, Л.В. Балашова, А.Н. Баранов, А. Вежбицка, В.Г. Гак, Е.В. Колотнина, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.П. Чудинов). Специфичное метафорическое словоупотребление, выделяемое из общего массива номинаций, можно обнаружить как на уровне отдельных метафор, репрезентирующих ту или иную реалию, так и метафорических моделей в целом, выявляющих национально-культурную специфику, существующие внутри нее связи, отношения.

Достаточно распространенная репрезентация политических процессов как механизма, может быть отнесена к разряду универсальных метафор, т.к. встречается в разных языках (Н.И. Борковец, В. Кемперер, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов). Особое значение концептуальная метафора «ЧЕЛОВЕК/ОБЩЕСТВО – это МЕХАНИЗМ» имела в языке советского периода, что можно объяснить «сакрализацией, т.е. осознанием как чего-то священного, «базиса», сферы материального производства, что было естественным для марксизма-ленинизма как новой религии» [Культура парламентской речи, 1994: 71].

В американских текстах предвыборной агитации концептуальная метафора с технической сферой-источником представляет стройную, эффективно работающую политическую систему. Легко провести параллель между структурированностью органов государственной власти, отрегулированной деятельностью субъектов политики и отлаженной работой механизма. Для этого используются наименования *the government machine* (правительственная машина), *the greatest engine* (самый большой двигатель), что связано с реализацией позитивного прагматического потенциала, т.к. манифестирует четкость действий, отсутствие сбоев, целостность политической системы. Однако метафорика данной модели может вызывать отрицательные ассоциации, связанные с поломкой механизма. Ср.:

The presidential statement seemed emblematic: the world's largest supercomputer of democracy – American politics – had crashed under the strain of division, too much information and just plain weirdness. [Тупик, в котором оказались президентские выборы, кажется символичным: самый большой в мире суперкомпьютер демократии – американская политическая система – развалился под напором разногласий, слишком большого

потока информации и просто злого рока.]

Следовательно, трудности, конфликты становятся сферой-мишенью метафор механизма, выявляя прогнозируемые негативные коннотации.

В российском политическом дискурсе метафорическая модель «ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – это МЕХАНИЗМ» проявляет большую продуктивность. Осмысление структуры органов власти, политической системы, деятельности политических организаций как работы механического устройства, прибора является традиционным, поэтому, метафоры *государственный механизм, административная машина* и т. д. служат, скорее, средством номинации, чем оценки. Упорядоченность системы, четкая организация политических процессов воспринимаются как норма, поэтому усиление смысловой и ассоциативной нагрузки на лексику тематического поля «механизм» происходит при введении дополнительных характеристик, нацеленных на эскалацию ассоциативного потенциала. Ср.: *И скулами Путин играет грамотно, и пушки в Грозном громяхают, и браваурные отчеты министерства в прессу передают о росте производства... Но что-то затарахтело в этом механизме* (Ш. Муладжанов / МП, 21.01.00).

В системе концептуальных метафор, «участвующих» в создании метафорической репрезентации политической действительности, возможна актуализация метафорики со сферой-донором «строительство», которая выявляет черты общие с метафорой механизма, т.к. служит интенсификатором таких полярных признаков как *целостность – раздробленность, создание – разрушение*. Для создания образа «светлого будущего», используется концептуальная метафора, связанная со строительством. Это позволяет выделить «аспекты проблемной ситуации» и представить возможные пути решения [Миронова, 2003: 95-102]. При характеристике исходной понятийной сферы «дом» А.П. Чудинов обращает внимание на то, что данное тематическое поле активно используется носителями языка в качестве сферы-источника для концептуализации политических процессов, т.к. оно является хорошо осмысленным и знакомым, имеет высокий потенциал воздействия, концепт «дом» «обладает развернутой сетью элементов внутренней организации», кроме того, это «наиболее естественная и комфортная сфера существования человека и его семьи» [Чудинов, 2001: 154-155].

Так, общие политические взгляды, цели, совместная дея-

тельность ассоциативно связаны с созданием, строительством, направленным на обновление, улучшение и процветание. Ср.:

Prosperity can be a tool in our hands – used to build and better our country (G. Bush / U.S. News & World report, 12.10.00). [*Процветание может стать инструментом в наших руках, используемым для строительства и обновления нашей страны.*]

В российской политической речи метафора строительства эксплуатирует полярные смыслы. С одной стороны, налицо *разруха, развал общества, развал государства, разрушение*, с другой, встает вопрос о сохранении построенного или дальнейшем строительстве. Ср.:

Мы верим, что на смену смуте и неопределенности переходного периода приходит время кропотливого строительства новой России (Ю. Васильков / РГ, 5.01.00).

Представленный материал свидетельствует, что метафоры механизма и строительства имеют общие ассоциативные смыслы, которые могут быть связаны с деструкцией, сбоями в работе механизма, что более масштабно представлено в российских политических текстах. В американской публицистике большинство метафорических словоупотреблений, относящихся к данным моделям нейтральны по своей семантике. Эксплуатация дополнительных признаков возможна при реализации факультативных характеристик описываемого явления в ближайшем контексте. Негативные смыслы актуализируются в период противоречий и конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство. М., 1991.
2. Борковец Н.И. Техническая метафора в художественной картине мира (на материале немецкой прозы XX века и ее переводов на русский язык). Дисс...канд. филол. наук, Е-бург, 2003.
3. Культура парламентской речи. М., 1994.
4. Миронова П.О. Стратегия редуccionизма в современном политическом дискурсе: когнитивно - прагматический аспект. Дисс.... канд. филол. наук. Омск, 2003.
5. Телия В.Н., Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1998.
6. Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когни-

тивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

**Качесова И.Ю.
Барнаул**

АРГУМЕНТАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ И МАНИПУЛЯТИВНАЯ КАРТИНА МИРА: СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Антропоцентризм современной лингвистики позволяет расширить понятие дискурсной личности, выделив в ней особую манипулятивную реализацию, а именно аргументативную личность, в описании которой совмещаются данные различных научных парадигм: философии, социологии, психологии, лингвистики. Более того, в последние годы наметилась тенденция к изменению аргументативной (традиционно логической) парадигмы, объясняющей формирование манипулятивной картины мира личности и способов ее корректировки. Возможность изменения картины мира личности языковыми способами следует из понимания языка как «эффективного средства внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций, часто помимо сознания реципиента.... Язык выступает как средство навязывания взглядов». В ситуации вынужденной корректировки картины мира «тексты, которыми обмениваются участники ситуации, оказывают большее влияние на формирование моделей ситуаций, чем на фактическое положение дел. Происходит парадоксальная трансформация онтологии мира. Модели мира и знаний участников ситуации становятся не менее, а, может быть даже более «вещественны», чем внешние, объективно определяемые обстоятельства».

Манипулятивные тексты призваны, в первую очередь, корректировать картину мира у потенциальных читателей, что, в виде механизма воздействия, базируется на передаче психологических установок создателей текста аудитории. Таким образом, значение текста напрямую связано с последовательностью передаваемых установок и основано на языковых средствах. По мнению А. Вежбицкой, «языковые значения прагматичны насквозь: с человеком, с речевой ситуацией связаны не какие-нибудь особо выделенные экспрессивные элементы, а значение огромного числа слов или граммем». Текст при таком подходе рассматривается как отражение интеракции, т.е. социально значимого взаимодействия членов социума. Картина мира, как совокупность мировоззренческих знаний о мире, «совокупность предметного содержания, которым обладает человек», оказыва-

ет влияние на психологические установки и язык человека.

Сложность взаимообусловленности между аргументативной личностью и манипулятивной картиной мира определяются неоднозначностью статуса поля аргументации. Традиционно поле аргументации определялось как совокупность спорного положения, множества аргументов с вытекающими из них тезисами, правилами приемлемости доводов. Данное определение описывает поле аргументации как один из структурных компонентов аргументативного процесса и не учитывает коммуникативной обусловленности аргументирования. Более продуктивным является, на наш взгляд, представление поля аргументации в качестве коммуникативно-предметного пространства. Коммуникативно-деятельностный подход к аргументации позволяет рассматривать поле аргументации как область проявления аргументативной деятельности с позиций структуры аргументации, статуса и функций субъектов аргументирования, особенностей творческого моделирования аргументативного процесса, места и времени осуществления аргументации, учета предметного наполнения и т.д.

Поле аргументации нами определяется как трехмерное пространство, которое характеризуется мерой формы, мерой содержания и мерой сопряженного функционирования.

Мерой формы поля аргументации является его структура. Поле аргументации включает в себя как минимум двух субъектов аргументирования, спорное положение как предмет аргументирования, тезисы, многоаспектно раскрывающие спорное положение, систему аргументов, ситуативный компонент.

Мера содержания поля аргументации определяется взаимодействием субъекта аргументирования с его коммуникативным и предметным окружением. Коммуникативное взаимодействие определяют информационные потоки, которыми оперируют субъекты аргументирования, способы моделирования и структурирования информационного пространства, степень креативности каждого из субъектов. Предметное взаимодействие определяет материальное окружение субъектов аргументирования.

При сопряжении компонентов формы и содержания поле аргументации начинает функционировать как феномен времени и пространства, которые приобретают аргументативные характеристики. Время существования поля аргументации является временем универсальным, соединяющим прошлое, настоящее и будущее. Компонент настоящего обусловлен тем, что аргумен-

тация воспринимается субъектами аргументирования как реализация настоящего грамматического времени. Компонент прошлого обусловлен наличием определенного опыта и объема информации у субъектов аргументирования до начала аргументации. Компонент будущего представляет собой возможность моделирования аргументативного процесса субъектами аргументации и прогнозирования результата. Аргументативное пространство включает в себя кроме собственно физического пространства еще и информационное, интеллектуальное, культурологическое и другие виды пространств.

Таким образом, поле аргументации характеризуется сложным составом. Поле включает субъектов, информацию, коммуникацию, материальные объекты, процессы, когнитивные модели и т.д. Наличие внешних и внутренних характеристик, динамическое разветвление пространственного и временного компонентов определяют поле аргументации в качестве сложного образования и делают возможным рассмотрение поля как основу репрезентации манипулятивной картины мира, формирующейся у аргументативной личности.

Коваленко Ю.Д.
Омск

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ДОМ* В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА (на материале романа М. Булгакова «Белая гвардия»)

Концепт *Дом* рассматривался в различных работах неоднократно и подвергался анализу в самых разных аспектах. Полагаем, что применительно к художественному тексту данный концепт можно считать инвариантным и анализировать его с помощью системы концептуальных смыслов, актуальных для семантической структуры текста, и посредством аспектов, критериев репрезентации пространства, отражающих разное понимание его как когнитивной категории. При этом анализ концепта усложняется при учете всей системы понятий и разнообразных оппозиций, в которые концепт включается в семантической структуре художественного текста.

В исследуемом произведении вычленяются концептуальные прототипы концепта *Дом*. Последние являются вариантами и образуют вариантную структуру концептуального пространства романа. Варианты имеют каркас признаков, позволяющий отнести их к главному концепту, и ряд периферийных, неустойчивых признаков, дополнительных для характеристики инварианта.

Таким образом, усложненную структуру концептуального пространства текста воплощают прототипы Дома Турбиных, названные нами ПРОТОДОМАМИ.

Одна своеобразная реализация Протодома осуществляется в образе *Александровской гимназии*, который можно рассмотреть путем анализа оппозиций концептуальных смыслов, объединенных посредством выделенных нами трех критериев репрезентации пространства. Такой анализ позволяет выяснить, насколько данный образ близок пространственному образу Дома и насколько далек от него.

Особенность репрезентации Протодома заключается в самой подаче образа, который строится как композиционно развернутый контраст прежней гимназии (через воспоминания героев) и гимназии актуального времени действия в романе.

I. Физический критерий репрезентации пространства. Во всех пространственных характеристиках гимназии наблюдаются явные или скрытые приметы ее разрушения. Эту мысль демонстрирует воплощение обоих членов в каждой анализируемой оппозиции концептуальных смыслов. Гимназия в памяти Алексея Турбина предстает как теплый, светлый, уютный дом. В период военных городских событий, все эти качества утратили постоянство признака. В гимназии царит холод, хотя печи – символ и этого дома – иногда согревают гимназию былым теплом. Таким же непостоянным здесь становится свет. В связи с этим закономерна связь смыслов тьма – черный цвет. Словоупотребление черный становится максимально частотным в дескриптивных характеристиках гимназии. Интенсивность же света напоминает о прошлой жизни гимназии. Для пространственной характеристики гимназии имеет значение оппозиция концептуальных смыслов *замкнутость – разомкнутость*. Формально гимназия представляет собой огромное замкнутое пространство. На деле стены, двери, окна и т.п. гимназии, призванные охранять ее пространство, не выполняют этой функции. Главная причина такой нефункциональности состоит в том, что дом оказался брошенным его жильцами. Гимназия утратила самое главное – своих учеников, которые своим присутствием могли бы укреплять границы внутреннего пространства от городских разрушительных событий: *Странно, в центре города, среди развала, кипения и суеты, остался мертвый четырехъярусный корабль, некогда вынесший в открытое море десятки тысяч жизней. Похоже было, что никто уже его теперь не охранял, ни звука, ни дви-*

жения не было в окнах и под стенами <...>. Таким образом, становится важной оппозиция *упорядоченность* – *хаотичность*. В гимназии нарушился весь порядок жизни, ее ритм: *Его [Турбина] сердце защемило почему-то от страха. Ему показалось вдруг, что черная туча заслонила небо, что налетел какой-то вихрь и смыл всю жизнь, как страшный вал смыкает пристань*. На протяжении всего фрагмента герой задается вопросами и не находит на них ответов: *Кто теперь учится в этом корабле? А если не учится, то почему? Где сторожа? <...> Почему в гимназии цейхгауз? Чей? Кто? Зачем?* Множество и разноплановость риторических вопросов поддерживают ощущение хаотических событий, внедряющихся в пространство гимназии. В анализируемом фрагменте оппозиция концептуальных смыслов *время* – *безвремя* релевантна смыслу *время*. Как показывает языковой материал, прошлое Протодона героем (автором-повествователем) оценивается положительно, происходящее же рассматривается как негативное. Прошное гимназии по характеру развития является циклическим, настоящее – линейно. При этом циклическое время воспринимается героем как насильно прерванное и разрушенное. Таким образом, физические характеристики гимназии отражают необратимые изменения ее пространства.

II. Психологический критерий репрезентации пространства. В рассматриваемом фрагменте своеобразно реализуется оппозиция смыслов *свое* – *чужое*. Гимназия осталась без своих учеников, поэтому все остальные в ее пространстве считаются «чужими», даже военные Белой армии, разместившиеся в ее здании, что оказывается символичным: гимназия была оплотом образования, а стала прибежищем военных, готовящихся к сражению; в этом заложено имплицитное противопоставление смыслов *духовная жизнь* – *физическая смерть*. Пространство гимназии замещается пространством Города, распространяющего в ней *тревогу*. Последнюю как реализацию оппозиции *покой* – *тревога* рождает какофония: *Пустая каменная коробка гимназии теперь ревела и выла в страшном марше, и крысы сидели в глубоких норах, ошалеv от ужаса*. Отметим, что контексты демонстрируют корреляцию смыслов *тревога* – *страх, ужас*. В то же время в описаниях гимназии эксплицируется смысл *покой*, однако такой покой характеризуется как мертвый: *Внутри гимназии было еще мертвеннее и мрачнее, чем снаружи; Мертвая паутина окошек*. Гимназия не просто вымерла, она умерла: в

контексте коррелятами выступают смыслы *пустота* и *смерть*.

III. Эстетический критерий репрезентации пространства. В гибнущей гимназии погибает молодость и красота. Развернутый контраст в подаче гимназии автор дополняет описанием бывшего педеля Максима, представив его образ в воспоминании Алексея Турбина и в актуальном времени повествования: *И Максим тогда был не такой, как теперь, – белый, скорбный и голодный; Фигурка шла на разъезжающихся больных ногах и трясла белой головой.* Представляется, что образ Максима и образ гимназии в романе развиваются параллельно. Более того, гимназия – это неодушевленный вариант одинокого и умирающего Максима: описания их прошлого и настоящего концептуально схожи. Таким образом, анализ репрезентации ПРОТО-ДОМА, представленного образом Александровской гимназии, показал, что это образ уже погибшего дома. В пространстве гимназии выделяются лишь «периодически действующие» физические признаки Дома, однако они теряют свое значение, признаки психологического и эстетического характера утрачиваются безвозвратно. Символичной деталью является разломанный щит с выключателями – своеобразное «сердце» гимназии: *<...> шары больше не источали света в зале и коридорах. Белый щит с выключателями разломали штыками юнкера под командой Мышлаевского.* Подробное описание гибели гимназии усиливает ощущение катастрофы, разворачивающейся в Городе. Гимназия же испытывает ее разрушительное действие, став первым павшим бастионом.

Колясникова О.С.
Екатеринбург

МОТИВАЦИОННАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФОРМА РЕФЛЕКСИВНОГО ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ РЕБЕНКА

По мере того как из деятельности человека выделяется рефлексия на мир и на самого себя, психическая деятельность начинает выступать в качестве сознания, которое всегда предполагает познавательное отношение к предмету, находящемуся вне сознания. Сущность сознания часто выводится из внутренней формы термина, отражающей, «с одной стороны, признак соотнесенности с членами сообщества, с другой – со знанием, информацией. Сознание – это механизм получения знаний о мире, продуктом сознания является совокупное знание, которое может быть передано от одного индивида к другому, стать дос-

тоянием всех членов общества» [Ростова, 2000: 32]. Сознание основано на рефлексивной способности, то есть «готовности сознания к познанию других психологических явлений и самого себя» [Немов, 2000, кн.1: 133].

Возникновение сознания в онтогенезе как специфического способа отражения действительности неразрывно связано с языком. В процессе развития, общения, обучения у ребенка складывается «такая совокупность объективированных в слове, более или менее обобщенных знаний, посредством которых он может осознавать окружающее и самого себя, опознавая явления действительности через их соотношения с этими знаниями» [Рубинштейн, 1957: 280]. В том случае, когда в качестве познающего субъекта выступает языковая личность, а объектом отражения являются языковые факты, говорят о языковом сознании.

Мотивационная рефлексия отражает действительность в сознании ребенка. В этом случае речь идет об отраженной посредством мотивированности языковой картине мира, преломленной сознанием ребенка. Если языковая картина мира отражает наивное сознание говорящих, то детская языковая картина мира «сверхнаивна» (Н.И.Лепская), поскольку эта «картина» базируется на еще несовершенном когнитивном опыте ребенка и несформированности лингвистической компетенции.

Особенностью детского языкового сознания является тот факт, что «...объектом рефлексии становятся способы означивания, выведенные ребенком из той модели мира, которая представлена языком; отталкиваясь от этих «правил», ребенок моделирует некую систему условных номинаций, «выстроенную» по законам собственной языковой картины мира и имеющую лишь опосредованную связь с внеязыковой реальностью» [Гридина, 2004: 98-99]. Учитывая эти особенности формирующегося языкового сознания ребенка, можно составить представление о содержании и форме языкового знака через систему ценностных параметров, лежащих в основе детской (наивной) картины мира. Мотивационная рефлексия служит связующим звеном в соединении когнитивного и языкового опыта ребенка.

Ментальные и языковые ориентиры детского сознания определяют своеобразный номинативный статус узуальных лексических единиц, освоение значений которых происходит с участием мотивационной рефлексии. Ср. реализацию популярного в детской речи принципа номинации лица по функции, по роду

деятельности или склонности лица к определенному занятию: *Кустарник – сторож, который караулит кусты* [Дети о языке, 2001: 34] // *Скакун – это тот, кто на лошади скачет* [Дети о языке, 2001: 34]

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи: лингвистика игры // Языковая игра. Онтогенез речевой деятельности. Дискурсивная презентация языковой личности: материалы международной конференции «Язык. Система. Личность». – Екатеринбург, 2004.

2. Дети о языке. Сост. С.Н.Цейтлин. – СПб., 2001.

3. Немов В.Н. Общая психология. В 2-х кн. - М., 2000.

4. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск, 2000.

5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - М., 1957.

Кондратьева О.Н.

Кемерово

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА 'БОЛЕЗНЬ ДУШИ'

В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ

Во второй половине XX в. метафора привлекает внимание исследователей как «способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [Телия, 1988: 3].

Изучение системности метафорических переносов в рамках различных сфер опыта позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления и понять, каким образом человек представляет окружающий мир и свое место в нем. Таким образом, один из инструментов исследования картины мира – это изучение концептуальной метафоры.

Концептуальная метафора «это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек живет, думает и действует» [Чудинов, 2001: 36].

Душа, подобно другим компонентам внутреннего мира человека, скрыта от взгляда, и потому человеческое сознание стремится закрепить за этой ненаблюдаемой сущностью вполне конкретные, ощущаемые или, по крайней мере, мыслимые свойства. Исследования Е.В. Урысон, М.В. Головановской, М.В. Пименовой, О.Н. Кондратьевой позволили установить, что *душе* может быть сопоставлен «метафорический концепт ОРГАН, в своем исходном конкретном значении – обособленная часть тела человека (а также, возможно, и других живых существ), предназначенная для выполнения определенных функций, т.е. способная производить определенные действия, выдавать адекватные реакции ...» [Падучева, 2000: 244–245]. Одной из характеристик органа (как реального, так и воображаемого) является способность испытывать болевые ощущения и подверженность заболеваниям. Болезнь воображаемых органов мыслится как вполне реальная со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В изученном материале практически не отмечены упоминания о хорошем состоянии здоровья души, это связано с тем, что подобное состояние воспринимается как норма и не требует особой акцентуации. В представлении древнерусского человека душевное здоровье является необходимым условием здоровья телесного: внѣмаи себѣ, да покажѣши дѣшное и доброе съдравіе (Изб. 1073).

Отклонения же от некоего стандарта, от принятой нормы, воспринимаются как проявления болезни. Концепт *болезнь*, в отличие от *здоровья*, является более структурированным, отличается смысловым разнообразием и обладает широким набором языковых репрезентантов. Общее понятие о болезни (в том числе и идеальных органов) передается словами с корнями *boljь, *chvor, *slab или отрицательными дериватами *ne-mogt'ь, *ne-dugъ, *ne-sъdorov: слышавъ же Феодоръ. и болѣзньнѣ душею бѣвъ (ЖФСт); да исцѣлѣть въсѣкъ недоугъ душевнѣный (КЕ); несъдравіе дѣшно цѣлѣться (Гр.Наз).

‘Заболевание’ души древнерусские авторы сопоставляют с проказой, отмечая “невольность” этого заболевания, тогда как ‘болезнь’ души обусловлена несоблюдением заповедей: прокажени оубо вѣща тѣломъ болят. нѣдугомъ невольным ... мы же дѣшею болим вольнымъ злом. иже ненавиdimъ ес оумъ имущими. оубоимъсѣ заповѣди (ГБ).

Основной причиной, вызывающей ‘заболевание’ души, яв-

ляются прегрешения человека: работное тѣло владыкы дшоу ранить съгрѣшивъшоу (Изб. 1073); недоугъ дшвѣный бывающии грѣха ради нѣкоего (КЕ).

В наивных языковых представлениях существует разнообразие душевных 'болезней', среди которых преобладающими являются раны, струпья, язвы, т.е. болезни, так или иначе связанные с повреждением кожного покрова: не избавленъ быс язвы дшвѣныя и болѣзни телесныя (ПКП); и работное тѣло владыкы дшоу ранить съгрѣшивъшоу (Изб. 1073); строупѣ дшевный изъветшавъ (Пч).

Душевные 'болезни' вылечиваются отречением от земных страстей, исповедью и искренним покаянием: исповѣдани~мъ бо струпи дшѣнии исцѣлѣють (Изб. 1076); вижъ, слушателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! (ЖПА). Болезнь души исцеляется и в результате помилования господом: господь... помилуетъ нас, прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и телесъ (ЖПА).

Согласно древним представлениям, помимо врачей, лечащих тело, существовали и врачевавшие душу: ты оубо дшвѣный врачъ бывъ. все подвизаи ицѣленея вещи по закону хсвоу (ПНЧ). Прежде всего, в качестве духовного лекаря выступает Бог: оучителъ# и врача дшѣ нашихъ гса и ба ис хса (ПНЧ) и священнослужители, пекущиеся о людских душах: епсѣпъ того же града быс вдовицамъ заступникъ врачъ душамъ и тѣломъ (Пр).

Таким образом, концептуальная метафора «болезнь души» относится к группе сложных структурных метафор, иерархически выстраивающих целый блок метафор ('причина душевной болезни', 'тип душевной болезни', 'душевные лекарства', 'способы душевного лечения', 'душевные лекари'). В древнерусских текстах, как и в современности, преобладающим является описание болезненных состояний души, нежели ее обычного, здорового состояния. Согласно представлениям, характерным для древнерусской ментальности, без душевного здоровья нет здоровья телесного, именно забота о душевном здоровье по сравнению со здоровьем телесным является приоритетной. Большинство особенностей исследованной метафоры обусловлены религиозным характером средневековой культуры.

Коурова О.И.
Щадринск

ТРАДИЦИОННО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Исследование проблем взаимодействия языка и культуры в

последнее десятилетие заметно активизировалось, что обусловлено переходом современной лингвистики к антропологической парадигме. В рамках нового направления наряду с другими дисциплинами возникла лингвокультурология, предметом которой является описание языка и культуры в их взаимодействии, целью - изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру. Культурная информация может быть представлена культурными семами, культурным фоном, культурными концептами, культурной коннотацией. Ведется поиск культурных ценностей как объекта лингвокультурного анализа. Свой выбор мы остановили на традиционно-поэтической лексике и фразеологии, которой называем устойчивый набор слов и выражений с окраской лиричности, регулярно воспроизводимый преимущественно в средних жанрах сентиментальной и романтической литературы конца XVIII - первой трети XIX вв., например, *богиня красоты, возжечься, время золотое, светило дня, сойти на берег Ахерона, странник земной, утро дней*. Страстная жажда совершенства – одна из важных особенностей романтического мирозерцания. В стремлении утвердить свои идеалы романтики обращались к искусству, религии, истории, к идее гармонии человека и природы – всему тому, что не похоже на прозаическую повседневность, что составляет основу культуры. В соответствии с главными идеями романтизма традиционно-поэтическая лексика и фразеология, как показывает анализ, представлена такими культурными концептами, как `жизнь`, `смерть`, `любовь`, `творчество`, `природа`. Названные концепты реализуются, главным образом, в образно-метафорических структурах, например: жизнь – это *странствие, пространство, временный промежуток, свет, радость, предопределение*; юность – это *весна, заря, утро, цвет*; старость – *осень, закат, вечер*; смерть – это *сон, тьма, покой, разлука, холод, потусторонний мир*. Концепты `жизнь` и `смерть` противостоят друг другу: если жизнь – это свет, движение, бренность, *смерть* - это тьма, покой, вечность. Любовь в понимании романтиков – это *огонь, пламень, свет, нечто божественное, неземное, красота, мечта, наслаждение*, а также страдание. В пределах концепта `творчество` в качестве примера представим две модели: вдохновение – это *восторг, дар, жар, огонь, пламень*; поэт – это *брат-, вещун-, любимец-, наследник-, питомец-, служитель-, сын: -Аполлона, -Аонид, -Камены, -муз, -Феба, -поэзии*. Концепт `природа` вклю-

чает такие номинации, как *аквилон, борей, зол, зефир* – о ветре, небо – это *бездна, завеса, лазурь, обитель, пустыня, пучина, свод, твердь*, луна – это *Диана, колесница ночи, лампада, ночное светило*, солнце – *дневное светило, светило дня, Феб*. Как показывает анализ, традиционно-поэтическая лексика и фразеология включает следующие компоненты коннотации: культурный, стилевой, образный, эмоционально-экспрессивный. Культурный компонент коннотации соотносится с особенностями мировосприятия. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как язык лирических произведений сентиментального и романтического содержания этой эпохи явилась отражением украшенного восприятия поэтами мира. Стилиевой компонент указывает на традицию употребления соответствующей лексики и фразеологии в одной из важных культурных сфер – поэзии. Язык лирической поэзии конца XVIII – первой трети XIX вв. – периода развития сентиментализма и романтизма – имел устойчивый набор регулярно воспроизводимых лексико-фразеологических единиц, называемых «украшениями», «языком богов», и представлял особый стиль, именуемый лингвистами поэтическим, украшенным, элегическим, фигуральным. Образный компонент коннотации связан с тем, что традиционно-поэтическая лексика и фразеология – это языковые единицы, выступающие, как правило, в виде **метафор**, например, *вянуть и гаснуть* - «слабеть, терять силы», *гость* - «о человеке в его земном бытии», *гроза и буря* - «жизненные невзгоды», *дорога* - «жизненный путь», **эпитетов**, например, *божественная любовь, волшебная грусть, жаркое волнение, лилейное чело, «небесные черты», голос нежный, пламенное сердце, прелестный глас, тихие мечты*; **сравнений**, например, «невинна, как агнец», «прекрасна, как ангел», «нежна, как горлица», «глаза, как небо, голубые»; «уста, как розы»; **символов**, например, любви и красоты: *Венера (Киприда, Кифера, Афродита, Цитерея) и Эрот (Амур, Купидон), Лель*, символов поэтического вдохновения: *Камена, Кастальский Ключ, Пегас, Пинд, Пиэриды*; **перифраз**, например: *баловень Венеры, гореть огнем любви, дни весны, петь любовь, утро дней*; **оксюморонов**: *сладостная грусть, горькое наслаждение, милые мученья, отрава сладкая, сердца сладостные муки, сладость слез, волшебный яд желаний* и др. Эмоционально-экспрессивный компонент коннотации традиционно-поэтической лексики и фразеологии реализуется через положительно-оценочную окраску и экс-

прессию «сладостности, нежности, пластичности, музыкальности» [Винокур], то есть лиричности. Например: *агнец* – «о кротком, безропотном человеке», *амврозия* – «аромат, приятный запах», *ангел мой* – «ласковое обращение к любимой», *Аркадия* – «символ идеальной счастливой жизни», *восторги сладострастия* – «чувственные наслаждения», *время золотое, года весны* – «юность», *расцвести душой* – «стать радостным, оживленным», *царицы Геликона* – «музы» и другие. Итак, традиционно-поэтическая лексика и фразеология, обладающая совокупностью коннотаций, представляющая концептами `жизнь`, `смерть`, `любовь`, `творчество`, `природа` романтический фрагмент языковой картины мира, в полной мере может рассматриваться как лингвокультурная ценность.

Красильникова Н. А.
Екатеринбург

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ «ЗЕЛЕНых» В АНГЛИИ, РОССИИ И США

Одной из определяющих задач когнитивно-дискурсивной парадигмы знания является изучение процессов познания мира по их связи с языком, что объясняет повышенный интерес лингвистов сегодня к единицам языка, отражающим акты осмысления мира и его освоения современным человеком [6: 9].

Ведущая роль в восприятии человеком окружающего мира, его категоризации и конструировании принадлежит национальному менталитету. Диссонанс ментальных установок приводит к сбоям в процессе межкультурной коммуникации, что подтверждает необходимость изучения лингвокультурных особенностей различных народов.

Неограниченные возможности для изучения языковой картины мира и менталитетов динамично развивающихся сообществ открывает политическая сфера как важный элемент национальной культуры. В качестве единиц языка и дискурса, формирующих культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса мы рассматриваем концептуальные метафоры, посредством которых в сознании человека формируются определенные модели мышления и мировосприятия. Представленные тезисы обобщают результаты когнитивного лингвокультурологического исследования дискурса политических движений «зеленых» в США, России и Англии, проведенного на примере концептуальных метафор, участвующих в представлении групп

«своих» и «чужих».

Исследование показало, что со «своими» в экологическом дискурсе Англии, США и России отождествляется универсальная команда трех «мы» – партии «зеленых», страна и весь мир. Менее всего ассоциируют себя с населением планеты российские «зеленые». Среди объединений, отмеченных ярлыком «чужие» выявляется некоторая разнородность. Несогласие экологов с действиями политических деятелей и промышленных магнатов универсально, но в отличие от своих англоязычных коллег «зеленые» России не занимаются вопросами глобализации, а сосредоточены на действиях отечественных политиков и олигархов. Специфической для движения «зеленых» США является сфера-источник метафорической экспансии «СМИ», а для дискурса защитников окружающей среды Англии характерна метафорическая дискредитация США.

Спортивная и военная метафора являются универсальными средствами воздействия на сознание всех трех национальностей. Метафора родства сближает русских и американцев, но совершенно не востребована у англичан, что полностью отражает особенности национального характера.

Представления англичан и русских сходятся на театральной метафоре. Прагматический потенциал соответствующих метафорических моделей определяется концептуальным вектором неискренности, наигранности, лицемерия, поэтому театральные образы являются эффективным средством политической дискриминации. И все же обращение к метафоре театра передает определенные черты национальной культуры. Для США более свойственна кинематографическая модель метафорической экспансии, а для российской политической речи более характерна метафора цирка.

Американцы и англичане солидарны в обращении к экономической, физиологической и зооморфной метафоре. Как известно, прагматизм и рациональность – фундаментальные свойства мировоззрения, как первых, так и вторых. Метафоры организма и животного мира, напротив, относятся к разряду универсальных для политического дискурса. Однако, в представлении семантической оппозиции «свои» – «чужие» в российской политической коммуникации преобладают криминальная метафора и метафора свалки, обнажающие коррумпированность структуры власти, кризис демократии и порядка, необходимость кардинальных социальных, политических и экономических изменений

в обществе.

Кудрявцева Н.Ю.
Екатеринбург

СОВРЕМЕННАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ПЕСНЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Массовая культура (к. XX – н. XXI вв.), являющаяся важнейшим фактором современного социума, «рождает» новый «продукт» – «потребительскую музыку». Данный термин указывает на одну из самых существенных черт анализируемого явления – «музыка выступает как объект массового потребления» [Массовая культура, 2004: 146]. Так называемая поп-музыка (от англ. pop music - 'популярная музыка') обладает специфическим набором функций: а) функцией интеграции; б) функцией развлечения; в) «воспитательной» функцией [Массовая культура, 2004].

Песня строится в целом по готовым схемам и образцам: в центре – любовная тематика, где главными героями являются абстрактные ОН и ОНА. «Потребительская» культура не признает в качестве своего адресата индивида, субъекта, личность – только нечто обобщенное.

Современные песни характеризуются краткостью: не более 3-4 строф. В песенном жанре слово теснейшим образом связано с музыкой. Но в последнее время наблюдается тенденция второстепенного положения слова по отношению к мелодии. Текст становится приложением к музыке. В результате в некоторых песнях семантическая доминанта отсутствует, что приводит к двусмысленности «высказываний», к невозможности интерпретации, к появлению неудачных метафор, сравнений: *Снегири – не гири, не замолишь, не заплачешь...; Зажигай солнце, зажигай небо, /Я ловлю осень на губах снега...; Она любит пугливую речь, аппликацию леса в реке вертикальной. /Ее профиль машинный наскальный, ее профиль, как сон тишины...; Она любит варенье из ласк, арифметику, лето и опыты крови. /И ее изумрудные брови колятся под знаком луны...*

Поп-песня – особый языковой феномен. Авторами выбираются «прозрачные» лексические и грамматические средства. Сложные синтаксические конструкции в песенном жанре не используются. Это обусловлено тем, что текст должен легко запоминаться и воспроизводиться. Повтор целой строфы или отдельной строки – наиболее частотный структурно-композиционный прием построения песни, что часто приводит к

примитивизации песенного текста: *Понимаешь, я ушел тогда назло./Понимаешь, не нашел тогда я слов./Ты не знаешь, просто нам не повезло, /Было, может, но прошло./Понимаешь.../Понимаешь...В некоторых случаях в таких текстах встречаются явные аграмматизмы: Туда, где я и где ты, разводит вечер мосты./И замечает следы туда, где я и ты./Туда, где я и где ты, мои уносит мечты...*

Доминантой песенного текста является припев, который выполняет резюмирующую функцию, поэтому данная строфа может повторяться 5-7 раз подряд: *Я буду вместо, вместо, вместо нее./Твоя невеста, честно, честная йо. /Я буду вместо, вместо, вместо нее – твоя.* Таким образом, эти строки «внедряются», проникают в сознание носителей языка и часто становятся своеобразными «крылатыми выражениями».

Лирическая природа песни реализуется в особых языковых признаках. К ним относятся, в частности, употребление разнообразных обращений и частотное использование личных и притяжательных местоимений: *Зачем вы, девочки, любите белобрысых?/Когда на улице весна?/Зачем, хорошие, ночами вы не спите?/От них беда, одна беда; Но он не знает ничего, он просто смотрит и молчит./Он не зовет меня в кино и ничего не говорит./Но он не знает ничего, и я ему не говорю./Что я люблю его давно, что я давно его люблю./Но он не знает ничего...*

Изучение особенностей текстовой структуры жанра популярной песни позволяет судить о «языковом вкусе» эпохи и динамических тенденциях развития языка.

Кузлякин С.В.
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Анализ концептов позволяет проследить развитие, как отдельных слов, так и всего словарного запаса языка в целом на протяжении его истории, связать этот процесс с особенностями национального менталитета. Концептуальный анализ в широком смысле – это лингвокультурологический анализ лексики, имеющих ключевые, определяющие значения в человеческой культуре [Лисицын, 1996: 5]. В узком смысле он может пониматься как анализ семантической структуры и прагматики отдельного слова, рассматриваемого в качестве культурного явления со своей специфической историей. Различные подходы к определению самого термина концепт приводят к разногласиям исследовате-

лей, предлагающих свои алгоритмы реконструкции концепта. В соответствии с подходом А. Вежбицкой, любой сколь угодно сложный и причудливый концепт, закодированный в той или иной языковой единице какого-либо из естественных языков, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразложимыми и универсальными - в том смысле, что они лексически закодированы во всех языках. Список таких семантических универсалий продолжает уточняться, но незыблемым остается общий принцип, в соответствии с которым экспликация любого лингвоспецифичного концепта состоит в переводе его на «естественный семантический метаязык», лексикон которого и составляет множество семантических элементов. В своей книге «» А. Вежбицкая демонстрирует, что изучение словарного состава языка дает нам объективные данные, позволяющие судить о базовых ценностях обслуживаемой этим языком культуры. Тщательный лингвистический анализ может служить основой) строгого и верифицируемого изучения различных культурных моделей, а использование универсального семантического метаязыка позволяет представить результаты такого изучения так, что они оказываются понятными даже людям, не принадлежащим данной культуре и не знакомым с данным языком. При этом А. Вежбицкая предлагает обращать внимание на различие языков (а, следовательно, и культур), сопоставление которых наилучшим образом отражает национальную специфику той или иной культуры. Поскольку концепт, по мнению Ю.С. Степанова, имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, то следует допустить, что и метод изучения окажется не одним, а совокупностью нескольких различных методов (или методик). В целом эти методы соотносятся с историческими, этимологическими и социологическими исследованиями и отражают разностороннюю структуру того или иного концепта [Степанов, 2000]. Следует отметить, что общей для всех исследований остается необходимость изучения лексикографического описания того или иного концепта. На наш взгляд, разногласия вышеперечисленных лингвистов отражают лишь различные углы зрения на одну и ту же проблему. Одни считают необходимым исследовать семантику рассматриваемых концептов, другие обращают внимание на эволюцию значения, реконструируя при этом скрытые смыслы, существующие в современном языке в виде кодов. Так, для описания

конкретного концепта в языке или в определенном дискурсе недостаточно, как это утверждает А.Г. Бердникова [Бердникова, 2000], комплексного лексикографического описания: помимо дефиниций толковых, исторических и этимологических словарей и данных ассоциативных словарей, должны быть рассмотрены деривационные связи лексемы, вербализующей концепт, а также проанализирована сочетаемость этой лексемы (и ее дериватов) в общезыковом употреблении (если речь идет о концепте в языке) или в определенной группе текстов. Таким образом, лексикографическое описание позволяет получить информацию (хотя и не полную) о концепте, если такому исследованию подвергается не только лексема, вербализующая концепт, но и дериваты данной лексемы, а также единицы, представляющие ассоциативно-семантическое поле, именем которого она является. При исследовании семантики и структуры концепта важным оказывается понятие «концептуальной модели», введенное И.П. Михальчуком и понимаемое им как способ экспликации семантической структуры концепта. «Моделирование концепта включает, таким образом, определение базовых компонентов его семантики, а также выявление совокупности устойчивых связей между ними» [Михальчук, 1997: 29]. Исследователь утверждает, что «концептуальная модель» - не реальность языка, а лишь гипотеза, однако гипотеза эта может оказаться весьма полезной с точки зрения анализа не собственно слова, а именно концепта, вербализованного словом. По нашему мнению, при описании элементов концептуальной модели на первом месте стоит синхроническое рассмотрение концептов, включающее лишь минимальные этимологические и обязательно некоторые исторические экскурсы, поскольку мы полностью согласны с утверждением Е.Э. Бабаевой о том, что в современной лингвистике уже очевидна необходимость последовательного сближения синхронических и диахронических семасиологических исследований [Бабаева, 1998: 94], тем более, что для нас семасиологическое исследование - неотъемлемая часть исследования концептуального. Важным в этом аспекте оказывается мнение Е.С. Яковлевой: «То, что обращение к историческому прошлому слова может помочь в уяснении его смысла, закономерностей употребления и на синхронном уровне, не нуждается в особых доказательствах» [Яковлева, 1998: 43]. При создании концептуальной модели принципиально важен собственно семасиологический анализ лексем (лексемы), эксплицирующих данный концепт

[см.: Проскуряков, 2000], ибо общий смысл инварианта определенных значений формируется лишь на основе совокупности этих значений. Выводы: Анализ различных научных работ, посвященных проблеме концепта позволяет сделать следующие выводы: исследования концептов культуры являются одной из актуальных задач филологических исследований; описание концепта национальной культуры требует создания его концептуальной модели; концептуальная модель представляет собой систематизированные данные о концепте, полученные по материалам языка и культуры.

Кушнерук С.Л.
Челябинск

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК ЭЛЕМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РЕКЛАМЕ

Стратегии коммуникативного воздействия – «приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке»; под коммуникативным воздействием понимается воздействие на знания, отношения и намерения адресата в нужном для рекламиста направлении [Пирогова, 2001: 543-544]. Одним из приемов достижения целей коммуникативного воздействия как в российской, так и в американской рекламе является апелляция к прецедентным именам (ПИ): индивидуальным именам, связанным или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Золушка, Д'Артаньян*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Ю. Гагарин, Колумб*); имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность качеств (*М. Монро*) [Гудков, 1999: 2003].

ПИ в РТ функционируют а) денотативно, или экстенционально (по терминологии Д.Б. Гудкова), т.е. именуют предмет, указывая непосредственно на денотат. Реклама салона мебели: *«Если же вас тянет к бессмертию, купите диван кого-нибудь из известных дизайнеров – например, «Бродвей» Владимира Кагана, работавшего с Мэрилин Монро»* (Календарь, 2004, №6); б) коннотативно, или интенционально, т.е. используются для характеристики объекта. Реклама ресторана: *«Добро пожаловать в атмосферу новогодней Америки. В мир черно-белого кино, где вас встретит банда гангстеров, шокирующая Мэрилин*

Монро, обольстительные красотки, вы ощутите вкус жестокого кантри. Окунитесь в мир ночного кабаре. Все уважающие себя авантюристы и их красавицы будут здесь. А вы?» (Выбирай, 2003, №23).

Случаи денотативного употребления ПИ являются не столь характерными для российской рекламы по сравнению с американской, в которой подобного рода примеры многочисленно представлены. Американские рекламисты охотно обращаются к именам известных индустриальных магнатов (*Vanderbilt, Morgan*), президентов (*B. Clinton, T. Roosevelt, J. Bush*), эстрадных исполнителей (*H. Williams*), актеров (*M. Ryan, J. Roberts, R. Zellweger*), писателей (*T. Williams*), супермоделей, секретных агентов, спортсменов и др. Часы OMEGA: *"The Omega Constellation is a rare blend of style and elegance, a superb example of the watchmaker's art. This is no wonder, since Cindy Crawford assisted Omega in its design, creating the only watch she is proud to wear"* (OMEGA Constellation – редкое сочетание стиля и изящества, великолепный образец мастерства часовой сборки. Это не удивительно, потому что Синди Кроуфорд помогала OMEGA в разработке дизайна, создавая единственные часы, которые она с гордостью носит) (Time, 14.10.2002).

Обилие таких примеров в американской рекламе свидетельствует о приоритете стратегии информирования, основанной на предоставлении достоверной информации с опорой на реально происходящие события и действия. Ненавязчивое завуалированное убеждение изменяет образ мыслей адресата и тем самым стимулирует совершить потребительское действие. Думается, такая стратегия оказывается эффективной, поскольку учитывает специфику сбора информации, характерную для американцев, которые относятся к низкоконтекстуальному типу культур, т.е. они предпочитают собирать достоверные факты, чтобы затем руководствоваться ими в деятельности [Льюис, 2001: 77]. Стремясь к формализованному информированию, американцы ориентированы на действие, поэтому убедить их можно, заручившись информацией о действии лиц, представление о которых заключает набор позитивных качеств.

В российской рекламе ПИ употребляются как денотативно, так и коннотативно. Однако, в отличие от американских коллег для российских рекламистов более значимой становится стратегия, связанная с использованием приемов языковой экспрессии. Для славян, занимающих промежуточное положение на шкале

высококонтекстуальности — низкоконтекстуальности, важным является не только содержание (исчерпывающая фактическая информация), но и форма - особый способ изложения. Это, по-видимому, обуславливает большое количество ПИ в коннотативном употреблении. В российских РТ ПИ характеризуют объект по различным параметрам: внешности, характеру или актуализируют ПС, ПТ, другое ПИ. Услуги косметолога: «*Как сделать из Золушки принцессу? Этот секрет знает косметолог международной квалификации, лауреат городских всероссийских конкурсов Ирина Борисовна Иванова*» (Ва-банк, 28.11.2003). Гипермаркет: «*Я вновь поступаю, как истинная Скарлетт О'Хара: в последний момент задумываюсь о том, что приготовить для сегодняшнего ужина с любимым человеком. Неужели нельзя позаботиться об этом вчера?* Гипермаркет «Сезам» - *полезные покупки, хорошее настроение*» (NZ, 2002, №4).

В американской рекламе группа ПИ, функционирующих коннотативно, малочисленна. Названные свойства российской и американской рекламы необходимо учитывать в практической деятельности специалистов по рекламе, которые порой механически переносят на отечественную почву зарубежные приемы и формы воздействия на покупателей.

Кушнина Л.В.
Пермь

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье излагается один из возможных подходов к анализу процесса взаимодействия языков и культур при переводе, понимаемом как целостный интегративный процесс транспонирования смысла из текста ИЯ в текст ПЯ. В основе такого анализа лежит синергетическая концепция переводческого пространства, которое определяется как континуальная структура, отражающая реально существующие процессы и отношения межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Переводческое пространство состоит из полей субъектов переводческой коммуникации, включая поле автора, поле переводчика, поле реципиента и текстовых полей, среди которых различаются содержательное поле, энергетическое поле, фатическое поле. Репрезентируя нелинейные процессы, переводческое пространство развивается и саморазвивается по законам синергетики, где происходят процессы взаимодействия полей и порождение нового смысла.

Рассмотрим один из аспектов этого взаимодействия, касающийся полей субъектов переводческого пространства. Поясним, что каждое поле переводческого пространства порождает свой компонент смысла, который определяется как дифференциальный смысл. В поле автора порождается модальный смысл, в поле переводчика – индивидуально-образный смысл, в поле реципиента – рефлексивный смысл. Исследование показало, что в динамике их взаимодействия протекает два типа процессов. Если в полях субъектов переводческой коммуникации происходит процесс инкорпорирования (включения), вследствие чего имеет место интеграция одного дифференциального смысла в другой, а затем транспонирование смыслов, то в текстовых полях происходит только транспонирование смыслов.

Анализируя динамику модального смысла, мы обратились к творчеству тех переводчиков, которые эксплицируют модальный смысл в процессе реального или виртуального общения с автором текста. Речь идет о переводе произведений современных писателей, с которыми устанавливается непосредственный контакт, в результате чего «просвечивается» предтекст произведения, что влечет за собой инкорпорирование модального смысла в индивидуально образный и их дальнейшее транспонирование.

В качестве иллюстрации данного положения мы изучили тексты романа «Порт-Судан» в оригинале и в переводе. Роман-воспоминание, написанный в 1994 году французским писателем Оливье Роленом, переведен на русский язык Е.В. Андрейчиковой в 2000 году. Как отмечает в послесловии к русскому изданию Н.Петрова, «истинным героем романа становится текст, рождающийся на основе «послания всего лишь из двух слов», поддающихся «любому толкованию», текст всех смыслов, которого мы не можем уловить и расшифровать, обитая в сфере иной национальной культуры» [Ролен, Андрейчикова, Петрова, 2000: 135]. Многосмыслие романа пытается расшифровать переводчик. С этой целью он обращается непосредственно к автору. Приведем несколько примеров.

В десятой главе читаем строки: Dans le Paris disparu de notre jeunesse , on pouvait aussi rencontrer le fantome a tete d' Arsouille d'Apollinaire errant sans avoir le coeur d'y mourir, chapeau cabosse et noeud pap de travers, ou celui de Breton croisant, sous les grands arums du ciel, un visage qu'il craignait follement de ne jamais revoir [Rolin, 1994: 97].

‘В этом исчезнувшем Париже нашей молодости можно было встретить призрак с головой гуляки Аполлинера в помятой шляпе, со сдвинутым набок галстуком-бабочкой, он бродил по улицам, не имея мужества там умереть, или призрак Бретона, встречающегося под просторами небес, и лицо, которое он безумно боялся больше никогда не увидеть’ [Ролен, Андрейчикова, 2000: 95].

Постижение модального смысла данного отрывка затруднено осмыслением «призрака Бретона». В результате переписки с автором выясняется, что речь не идет об облике Андре Бретона, французского писателя, одного из основоположников сюрреализма, но об одной прекрасной незнакомке, за которой А. Бретон шел в тот вечер 1934 года, которую он описывает в романе «Безумная любовь», опубликованном в том же году. Позднее эта незнакомка стала женой А. Бретона. О.Ролен описывает в своем романе именно тот вечер, когда безумный от любви А. Бретон прогуливался по Парижу, и это был тот же самый Париж, в котором прошла молодость самого О. Ролена. Действительно, читая французский текст, неясно, идет ли речь о лице Бретона, или о чьем-то другом лице. В текст перевода данные пояснения не вошли, они присутствуют в комментариях переводчика.

В одиннадцатой главе читаем фразу: *Ai-je reve tout cela?* [Rolin, 1994: 101]. – ‘Может, я придумал это?’ [Ролен, Андрейчикова, 2000: 99]. В данном случае после общения с автором выяснилось, что перевод не отражает намерения автора. Известно, что французский глагол «*rever*» имеет два основных значения: «сниться» и «мечтать», переводчик избрал факультативное значение «придумывать». Автор же имел в виду сон, таким образом, модальный смысл оказался неадекватно выраженным при переводе.

В другом случае, переводчик посчитал необходимым предварительно посоветоваться с автором, поскольку его индивидуально-образный смысл расходился с модальным. В поле переводчика был сформирован некий образ, вызывающий ассоциации, отличные от ассоциаций оригинала. Этот образ не вызвал возражений автора, вероятно, потому, что не только не противоречил его намерениям, но полнее раскрывал их.

Приведем исходное предложение: *Quand le cours jusqu'alors uni de deux vies se déchire, il n'y a jamais de parti exempt de toute faute* [Rolin, 1994: 97].

Текст перевода выглядит так: ‘Когда рвется нить, связываю-

щая воедино две жизни, никогда не бывает абсолютно правой стороны' [Ролен, Андрейчикова, 2000: 95].

Образ рвущейся нити, возникший в сознании переводчика, оказался символичным для всего романа, где история героя становится историей целого поколения, где романтическое прошлое противопоставлено меркантильности настоящего: рвется нить поколений, рвется нить человеческих судеб, рушатся прежние идеалы, разрывается мир. Этот же образ вдохновил художника-иллюстратора русского издания А. Амарханова изобразить на черном фоне рвущуюся нить, делящую пополам текстовое и изобразительное пространство романа, полного противоречий и безысходности.

Таким образом, модальный смысл автора романа тесно переплетается с индивидуально-образным смыслом переводчика, а сам процесс инкорпорирования и транспонирования смыслов не всегда осуществляется согласно строгой иерархии. В некоторых случаях индивидуально-образный смысл переводчика инкорпорирован в модальный смысл автора, и весь процесс смысловтранспонирования усложняется. Важно подчеркнуть, что рождение – эмергенция - нового смысла в переводческом пространстве проходит сложный путь, и существенность лингвопереводческих факторов варьирует в зависимости от характера развертывания переводческой ситуации, конфигурации переводческого пространства, манифестации переводческой картины мира.

Исследование новой переводческой реальности - переводческого пространства - показало, что его континуум формируется взаимодействием субъектов, языков, культур, которые даны исследователю в смысловтранспонировании, во-первых, в текстах оригиналов и переводов, во-вторых, через рефлексивные тексты переводчиков, в третьих, через осмысление собственно переводческого опыта, собственной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушнина Л.В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход.- Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003.- 232с.

2. Кушнина Л.В. Языки и культуры в переводческом пространстве.- Пермь, ПГТУ, 2004.- 163с.

3. Ролен О. Порт-Судан. Перевод с французского Е.В.Андрейчиковой.- Пермь: Пермское книжное издательство, 2000, 135с. Rolin O. Port-Soudan.- Editions du Seuil, 1994.- 125p.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ИМЁН В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Субъектно-предикатно-объектная семантика реализуется в конструкциях, включающих в себя морфологические формы и типовые синтаксические отношения между ними. Типичный субъект выражается именем существительным в именительном падеже, типичный объект – также именем в косвенном падеже. Определённую трудность в восприятии представляют случаи формального совпадения субъекта и объекта при омонимии падежных флексий именительного и винительного падежей.

Носители современного русского языка при устном общении, как правило, не испытывают трудностей в субъектно-объектной квалификации имён, так как не столько порядок слов, сколько логическое ударение и контекст обладают в данном случае объяснительной силой, но при восприятии письменной речи, лишённой просодии, особенно при её фрагментарном восприятии, могут возникать случаи двойственного прочтения, неопределённой морфологической семантики. Насколько значимой при этом будет роль порядка слов? Приблизиться к ответу на этот вопрос помогает лингвистический эксперимент, участники которого оценивают предложения с точки зрения удачности-неудачности порядка слов.

Элементарная комбинаторика позволяет задать возможные варианты трёхкомпонентных предложений. Как же информанты оценили их? Степень удачности порядка слов: в предложениях, начинающихся с глагола, – 28%; в предложениях, начинающихся с имени, – 76%. Рассмотрим эти классы предложений более подробно: предложения, построенные по схеме «предикат + субъект + объект», оценены как удачные в 36% случаев; построенные по схеме «предикат + объект + субъект», считаются удачными в 20% случаев. Предложения, начинающиеся с имени, можно разбить на таковые с прямым и обратным порядком слов. При прямом порядке слов удачными считаются 76% предложений, при обратном порядке – 39% предложений. Предложения, построенные по схеме «субъект + предикат + объект», названы удачными в 96% случаев. Предложения, реализующие схему «субъект + объект + предикат», воспринимаются в качестве удачных в 56% случаев. Схема «объект + субъект + предикат» вызывает ассоциацию удачного порядка слов только в 39%

предложений, а схема «объект + предикат + субъект» – в 50% случаев.

Можно показать получившуюся градацию, назвать схемы по степени возрастания положительной оценки у информантов при восприятии предложений – реализаций данных схем:

1) «предикат + объект + субъект» – 20% (иллюстрация «Любит дочь мать»);

2) «объект + субъект + предикат» – 28% (иллюстрация «Дочь мать любит»);

3) «предикат + субъект + объект» – 36% (пример «Любит мать дочь»);

4) «объект + предикат + субъект» – 50% (пример «Дочь любит мать»);

5) «субъект + объект + предикат» – 56% (реализация «Мать дочь любит»);

6) «субъект + предикат + объект» – 96% (реализация «Мать любит дочь»).

Мы видим, что только последняя схема, представляющая собой самое типичное воплощение прямого порядка слов в русском языке, воспринимается информантами однозначно положительно: предложения, реализующие её, считаются удачными в подавляющем большинстве случаев. Все остальные вызывают неоднозначное к ним отношение, что показывает, на наш взгляд, влияние такого типа среды, как внутренняя речь: при восприятии ряда предложений происходит логическая акцентуация определённых слов, скорее всего, занимающих позицию объекта. В противном случае трудно объяснить близость четвёртой и пятой схем в плане их восприятия информантами, когда структуры «объект + предикат + субъект» и «субъект + объект + предикат» оцениваются почти одинаково с точки зрения их удачности/неудачности. Если последняя из названных показывает стандартную для субъекта – начальную – позицию, то первая демонстрирует обратный порядок слов, когда субъект занимает неначальную позицию. Тем не менее, обе структуры близки в их оценках носителями языка. Это возможно, если учитывать актуальное членение предложения, когда объект становится ремой.

Обращает на себя внимание различие в оценках предложений, связанное с самим порядком их фиксации. Так, только в пятой группе примеров подряд даны два предложения, начинающиеся с глагола: «Увидел марабу какаду» и «Увидел какаду марабу». В остальных группах примеры подобные предложения

даны вразброс. Если средняя оценка удачности порядка слов в предложениях, начинающихся с глагола, равна 28%, то оценки именно этих названных предложений резко различны. Сравните: «Увидел марабу какаду» считается удачным в 25% случаев, а «Увидел какаду марабу» – в 75% случаев. Почему так произошло? Перед глазами информантов условие: «Какаду – подлежащее. Марабу – дополнение». Первое же предложение является реализацией схемы обратного порядка слов, где субъект занимает конечную позицию, постпозицию по отношению не только к предикату, но и к объекту. И это предложение большинством информантов оценивается как неудачное с точки зрения порядка слов. Ниже сразу даётся предложение, где позиция предиката остаётся неизменной – начальной, но субъект начинает занимать по отношению к объекту уже препозицию, более традиционную для него. И испытуемые сразу показывают прямо противоположный результат: такое же большинство приписывают предложению положительную оценку.

Таким образом, «возмущающих» факторов при проведении подобных экспериментов может быть много, и все они должны быть учтены, чтобы исследование было объективировано. С этой целью необходимо провести другие серии лингвистического эксперимента с вариативными условиями, исчислить все факторы влияния, проанализировать их и обобщить.

Тезис о нарастании синтаксического аналитизма в современном русском языке нуждается во всесторонней проверке, и подобные эксперименты, выявляющие роль категории «порядок слов», служат средством верификации этой гипотезы.

**Малова Е.Г.
Сургут**

КОМПОЗИТЫ-«ПЕРЕВЁРТЫШИ» В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Тезис о закреплённости порядка компонентов сложного слова разделяют многие исследователи, и традиционная лингвистика действительно представляет необходимый и достаточный материал для такого постулата, в то же время вероятностная лингвистика (вероятностное словообразование) позволяет выявить возможности реализации потенциальных единиц, «потенциально необходимых слов», в том числе и сложных, обладающих «амбивалентностью» корневых морфем.

Считается, что в словах с регулярно повторяющимися компонентами вторая часть сложения выполняет идентифицирую-

щую функцию, а первая – уточняющую. В условиях эксперимента регулярно повторяются могут компоненты, успешно занимающие обе позиции: водаплав, водоплав, водоплаватель, водоплавающий, водоплавец, водоплащик, водоплащик (1 место – корень вод-, 2 место – корень плав-) и плавновод, плавоводец, плавод, плавода, плаводур, плаводчик (1 место – корень плав-, 2 место – корень вод-); земкоп, земкопщик, землекопаевец, землекопайщик, землекопалец, землекопалка, землекопальнист, землекопальщик, землекопатель, землекопающий, землекопец, землекопка, землекопун, землекопщик (1 место – корень зем-/земл-, 2 место – корень коп-) и капземщик, капноземец, копазем, копземельщик, копземли, копземщик, коплезем, копозем, копозём (1 место – корень коп-/кап-, 2 место – корень зем- с алломорфами). Аналогично: пасскот – скотопас, взятогриб – грибовзят, грибоищейка – ищегриб, вымедёргалка – дерговымник, дойкасиска – сиськодойка, дойкоровка – коровдойка, втягодымщик – дымовтягиватель, куртабальщик – табакокурщик, мореплав – плавомор, ходомор – морход, морфлот – флотомор, беголыжник – лыжабег, католыж – лыжекат, лыжепалк – палколыжник, лыжеходник – ходолыжник, ловорыб – рыболовец, рыбоботаскатель – таскорыб, водитрактор – трактороведун и сотни других примеров – реакций взрослых испытуемых на словообразовательные перифразы «тот, кто пасёт скот», «тот, кто ловит рыбу», «тот, кто катается на лыжах» и т.п.

Первое место в композитах активнее занимает корень, ассоциирующийся с актантом (примерно в десять раз чаще, чем корень, ассоциирующийся с глаголом-сказуемым). Это не случайно: внутренняя форма русского языка как типичного представителя языков флективного строя характеризуется в системной типологии как «актуально-событийная»: при общении в русском языке любой замысел по возможности выражается через такой номинативный смысл высказывания, который рисует слушающему картину развивающегося события, а сложное слово часто представляет собой свёрнутую форму высказывания. В типичном случае актант уточняет, а глагол идентифицирует ситуацию-событие, что отражается и в порядке следования корневых морфов в составе композита. Но немало примеров «перевёртышей», где тот же исходный (стимульный) смысл выражен иным порядком следования корней, порой с реализацией той же словообразовательной модели, того же способа словообразования, актуализацией тех же формантов, что и в новообразовании.

ях с иным расположением корневых морфов.

Миронова П.О.
Омск

СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННЫХ ЖУРНАЛИСТСКИХ ЖАНРОВ И ЖАНРОВ PR-ТЕКСТА НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В последние несколько лет наряду с широко распространенными на Западе направлениями связей с общественностью – правительственными, финансовыми и кризисными – в России актуализировались политические.

Представления о современном политическом языке формируются при знакомстве с жанрами, используемыми при продуцировании текстов в политической коммуникации.

Наиболее широкое членение политических текстов отталкивается от функциональной нагрузки текста. Прежде всего, это традиционно выделяемая оппозиция: самопрезентация – дискредитация (антиреклама, отстройка от конкурентов). Анализ данной оппозиции позволяет выявить довольно ощутимую жанровую специфику политической сферы общения.

Необходимо подчеркнуть, что задачи негативной и позитивной презентации политических субъектов с успехом пересекаются.

Подобное содержательное столкновение, как правило, отсутствует в иных рекламных сферах, что объясняется в основном этическими представлениями, связанными с упоминанием конкурирующего товара в имиджевом тексте.

Итак, **внеязыковые цели, ориентированные на самопрезентацию и дискредитацию оппонентов, не вступают в контрадикторные отношения в политической коммуникации.**

Поэтому подобную оппозицию нельзя считать основополагающей при рассмотрении жанров политических текстов.

Более приемлемым параметром, является такой фактор, как сфера происхождения того или иного жанра. Иначе говоря, речь идет об области их первоначального и наиболее привычного использования.

В этом смысле целесообразно обратиться к исконно журналистским жанрам и к жанрам PR-текста (Кривоносов А.Д.)

Современные политические тексты с трудом укладываются в рамки журналистских жанров, так как они полностью иницируются субъектом, представленным в тексте, в связи с чем претерпевает значительные изменения объем авторского «Я» по-

добного текста.

Это особенно проявляется на материале имиджевого интервью, которое отличается сценарной постановкой вопросов с заранее заготовленными ответами. Такой метод получения информации, как интервьюирование, отходит на задний план в подобном тексте. Приоритетное место занимает внешняя форма интервью, его вопросно-ответная форма, оптимальная для визуального и аудиального восприятия.

Имиджевая статья - исконно журналистский жанр, хотя, по мнению А.Д. Кривоносова, в данный момент он активно осваивается в качестве PR-текста.

Судя по всему, можно говорить о синтезе журналистского и пиаровского начал в таких вспомогательных имиджеобразующих жанрах, как имиджевая статья и имиджевое интервью.

Несмотря на то, что по содержанию это традиционно проблемная реклама, отличительными признаками имиджевой статьи как PR-текста, являются подчиненное положение аналитической части, что проявляется в подчеркивании роли политика или политической партии в решении описываемой проблемы, а также упоминание имени политика в заголовке, лиде, самом тексте. Традиционная композиция жанра статьи - экспозиция, основная часть, заключение - используется не как дань исконной структуре журналистского текста, а как еще одно средство привлечения внимания к персоне. Информационный повод также связан с политиком или партией.

Рамочные элементы того или иного жанра чаще всего сохраняются. Обратимся к жанру «Журналистское расследование», внешняя структура которого легко опознаваема (*«Наш журналист по заданию редакции провел расследование и выявил следующие поразительные факты: Городская клиническая больница скорой медицинской помощи № 1 (ул. Перелета) Главный врач Пилипенко Павел Герасимович. Главный врач держит «общак», обложив оброком зав. отделениями, чтобы те обирали больных. Массовые поборы с больных в приемном отделении, принуждение к приобретению лекарств, шприцов, перевязочного материала (все это должно быть бесплатным) // Омский вестник 26.06.04.»*)

Характерные черты освоенного в политическом общении жанра – конфиденциальность источников информации как прагматический прием, позволяющий уйти от ответственности за предоставляемую информацию; широкое использование логи-

ческих псевдоаргументов (нарушение последовательности и соответствий в аргументах). Хотя жанр «журналистское расследование» и подразумевает преобладание фактологической аргументации над эмоциональной, это не препятствует проведению операций над порядком следования фактов. Итак, оппозиция «самопрезентация - дискредитация» нуждается в комментариях.

С одной стороны, тексты самопрезентации и дискредитации идентифицируются в жанровом отношении аналогично, например, политическая листовка может быть ориентирована как на создание позитивного, так и негативного публичности. То же самое можно сказать о жанрах политической биографии и политической программы, которые могут выполнять как функцию положительной презентации субъекта политического текста, так и компрометировать его. С другой стороны, жанры «журналистское расследование», «обличение» осваиваются в целях дискредитации политических противников, в процессе политической конкуренции. Что касается жанров, ориентированных преимущественно на положительную презентацию описываемых личностей или ситуаций, то в этом аспекте целесообразно выделить имиджевую статью и имиджевое интервью. Итак, типология журналистских жанров нуждается в существенном дополнении и уточнении, когда речь идет о политических текстах.

При сохранении рамочных элементов жанра можно констатировать их подчиненное положение по отношению к присутствию имиджевых компонентов, которые подчиняют себе и степень аналитичности материала.

Информация об обязательных и факультативных элементах того или иного жанра, а также изменения в их качественном и количественном соотношении, свидетельствует о все большей речевой специфике политической сферы общения. Факторы, определяющие специфику политической сферы коммуникации - это, во-первых, инициаторы политических материалов (не редакция, не журналист, а сам политик) и, во-вторых, внеязыковые цели, определяющие характер информационного повода, подчиненного созданию хорошего публичности. Жанры политической коммуникации эволюционируют, конкретизируются, отталкиваясь от своих прототипических образцов. Конкретизация проявляется в преобразовании композиционной структуры жанра, в приобретении новых метатекстовых показателей, в изменении характера и объема авторского «Я». Таким образом, традицион-

ные жанры журналистского и PR-текста претерпевают значительные изменения как в плане содержания, так и в плане выражения, преломляясь в политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе массовых коммуникаций. СПб., 2002.
2. Методология исследований политического дискурса. Минск, 2000. Вып.2.
3. Методология исследований политического дискурса. Минск, 2002. Вып.3
4. Жанры речи. Саратов, 1997.
5. Тertychnyy A.A. Жанры периодической печати. М., 2002.

Моисеев А.А.
Екатеринбург

ЕГОР ЛЕТОВ И ПОЭЗИЯ XX ВЕКА (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ)

Творчество Егора Летова – наиболее крупного и яркого поэта в русском панк-роке – является до сих пор малоисследованным. Причины этого состоят, очевидно, в скандальности публичных выступлений Летова, доминирующем экстремистском пафосе многих его произведений и радикальной социальной позиции. Однако его поэзия – это уникальный художественный мир, раскрытие специфики которого необходимо в том числе и для прояснения картины поэтического развития русского рока вообще. Творчество Летова перекликается с творчеством многих русских поэтов двадцатого века: выявление и интерпретация этих перекличек существенны для определения художественной философии Летова.

Широко распространено мнение о том, что лирический герой Летова статичен и на протяжении всего творчества поэта не меняется. Среди его основных черт называют экстремизм и агрессию. Вызвано это тем, что при анализе поэзии Летова не учитывается тот факт, что его лирический герой вступает в отношения как минимум с двумя мирами: социальным и природным.

Мир людей (социум) в поэзии Летова необычайно множественен, населен и одновременно однообразен. В одном ряду оказываются предметы одушевленные и неодушевленные, что моделирует образ абсурдного, хаотичного мира, лишённого смысла. В этом мире в ранг необходимости возводится ничтожное, пустота выдаётся за глубокомысленность, что выражается в формулах: « пышное многословие», «ходячие кладбища оче-

видных истин». Существование в социуме для лирического героя – «вечная весна в одиночной камере», «передозировка на все оставшиеся времена», «праздник песни вымирающих народов». Люди воспринимаются лирическим героем как однородная кишащая масса – «насекомые»: «Насекомые извиваются / Насекомые копошатся...»

В связи с этим хотелось бы отметить переключки с ранней лирикой Маяковского: в стихотворении «Нате» человеческая толпа была представлена поэтом в гротескном образе «стоглавой вши». В том же стихотворении Маяковский дает «портреты» обывателей: *«Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста / Где-то недокушанных, недоеденных щей. / Вот вы, женщина, на вас белила густо, / Вы смотрите устрицей из раковин вещей»*. С этими строчками Маяковского вступают в диалог стихи Летова: *«У вас лица, как гороховый суп / У вас жизни, как промасленная бумага...»*.

Лирические герои Маяковского и Летова похожи. Это сходство – не только в их противопоставленности миру, но и в подчеркнутой уязвимости и тонкости чувств. У Маяковского – «бабочка поэтиного сердца». Летовский герой, в свою очередь, замечает и ценит милые мелочи повседневной жизни:

«Входишь в теплое помещение / с мороза – / запотевают очки... / Остываешь, замираешь, / Вздрагиваешь – / Трава зеленого цвета...».

Вместе с этим, по отношению к окружающим лирический герой Летова настроен экстремистски, как и герой поэзии Маяковского революционного периода, что особенно явно проявляется в паре стихотворений «Левый марш» и «КГБ-рок»: совпадения в данном случае буквальные. Ср. у Маяковского: *«Разворачивайтесь в марше! / Словесной не место кляузе! / Тише, ораторы, ваше / Слово, товарищ маузер!»*; у Летова: *«Левой-правой, левой-правой! / Ваше слово, товарищ Мао! / Ваше слово, товарищ маузер»*. Однако если герой первого благодаря революции оказывается слитым с общей массой, то летовский герой остается одиноким.

Итак, первой творческой индивидуальностью, с которой выстраивает диалог Е. Летов, является В. Маяковский. Конфликт лирического героя с миром обывателей, сложный внутренний мир лирического Я роднят стихи Летова с поэзией раннего Маяковского, а экстремистский пафос многих стихотворений – с творчеством Маяковского после Октября. Кроме того, схож ар-

сенал поэтических средств у обоих поэтов, центральными из которых являются экспрессионистическая деталь и гротеск.

Но бытие лирического героя Летова не ограничивается лишь взаимоотношениями с социумом. Вторым миром, где существует лирический герой Летова, является природа. Мир природы у Летова полярный: верх (небо) и низ (земля). Все микрообразы так или иначе соотносены с тем либо с другим.

Образ неба появляется в самых первых, ранних стихах: «небо цвета мяса», «стылое небо», «громоздкое небо». Как видим, небо отнюдь не романтизируется, его нельзя назвать прекрасным. Небо соотносится с приземленными, бытовыми фактами и реалиями, этот образ не всегда возбуждает положительные коннотации. Так же негативно осмысляются и образы, традиционно связанные с небом, - солнце и звезды; птицы названы распятыми и преследующими; ангел – небесный житель - «сидит на табуретке и ест колбасу»; образы высоты и полета скомпрометированы. Эта грань «небесного» образа прямо связана с миром хаотического, абсурдного социума. Однако в стихотворениях Летова есть и иное небо. В стихотворении «Про дурачка» небо оказывается местом, куда попадает достойный, избранный, являющийся одновременно изгоем в мире людей: *«А сегодня я воздушных шариков купил / Полечу на них над расчудесной страной... / Ходит дурачок по небу / Ищет дурачок глупее себя...»*.

Неоднократно в стихотворениях Летова встречается образ летящего А.Башлачева: *«Как бежал за солнышком слепой Ивашка / Как садился ангел на плечо / Как рвалась и плавилась последняя рубашка / Как и что обрел-обнял летящий Башлачев»*. Сфера небесного здесь маркирована не только мотивом полета, но и образом солнца, в котором угадывается то самое «солнышко», которое оберегало Ванюшу в одноименной песне А. Башлачева: *«Как ходил Ванюша бережком вдоль синей речки / Как водил Ванюша солнышко на золотой уздечке...»*.

Таким образом, сфера небесного в поэзии Летова – это не только негатив, но и традиционный мир идеала. Однако достижение последнего связано со смертью, и Летов акцентирует внимание именно на ситуациях добровольного ухода из жизни. Так, в стихотворении «Ночь», посвященном А. Введенскому, автор возвращается к гибели Маяковского: *«Введенский в петле плясал / Маяковский пулю сосал...»*.

В поэзии Летова очевидны отсылки к стихотворениям Ф. Сологуба, в творчестве которого категория смерти является центральной (см. «О смерть! Я твой...» и «Чертовы качели»). Образ качелей является ключевым в рубежном стихотворении Летова «Прыг-Скок». Однако если у Сологуба качели – это символ невозможности избавиться от жизни, обреченности, то у Летова пустые качели являются символом желания лирического героя добровольно избавиться от бремени жизни.

В непосредственной близости с категорией смерти находится образ Земли, центральный в художественной системе Летова. Земля является точкой перехода в мир небесный: «Прыг под землю / Скок на облако». Впервые в стихах Летова показано погружение лирического героя в стихию земли. Для того чтобы попасть на небо, герой попадает в землю, умирает и тогда становится возможным переход в мир небесный. Переход происходит через боль и к боли, но эта боль желанна, она лучше, чем существование в социуме: *«Из земной юдоли / в неведомые боли»*.

Процесс перерождения героя сопровождается полным слиянием лирического героя с миром природы, в частности с землей. Природные процессы проходят сквозь героя, с участием его тела, погруженного в землю, а то и растворенного в ней: *«Нет уж лучше ты послушай... / Как ползет по позвоночнику землистый лишай / Как вливается в глазницы родниковый потоп... / Слушай как сквозь кожу прорастает рожь»*.

Произведения Летова о смерти и о земле явно соотносятся с творчеством раннего Заболоцкого; в частности в стихотворении «Искушение» встречаются почти буквальные совпадения.

В целом, анализ интертекстуального поля, связанного с русской поэзией двадцатого века, позволяет в известной степени выявить истоки концепции мира и человека в творчестве Егора Летова.

Мощанская Е.Ю.

Пермь

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УМЕНИЙ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ.

Смена парадигмы в науке о переводе повлекла за собой расширение объекта исследования. Если раньше перевод рассматривался как определенного рода межъязыковое преобразование текста, то в рамках культурологического подхода предме-

том исследования становится переводческий дискурс, в том числе его паралингвистическая, невербальная и экстралингвистическая компонента.

На это указывает в своей монографии Ferdinand Poyatos, отмечая, что в ситуации перевода, как и любом другом акте коммуникации, невозможно рассматривать вербальную составляющую в отрыве от других сигнальных систем, ибо они оказывают влияние на говорящего, слушающего и переводчика на глубинном сознательном и бессознательном уровне [1: 256].

Существующие исследования взаимодействия вербальной и невербальной составляющей общения позволяют выделить две основные функции невербального компонента (впоследствии НКО) в ситуации устного общения. Первая функция соотносится с высказыванием F. Poyatos, ее можно назвать семантической, ибо она отражает взаимодействие вербального и невербального компонента высказывания при передаче смысла высказывания. НКО может а) выражать тот же смысл, что и вербальное высказывание, при этом способствуя созданию впечатления достоверности; б) привносить различные оттенки смысла, тем самым конкретизируя или модифицируя смысл высказывания; в) противоречить сказанному, вплоть до нивелирования смысла выраженного вербальными средствами.

В каждой конкретной ситуации переводчик должен принять решение, каким образом он будет декодировать посланное "креализованное" сообщение. Будет ли он дублировать составленные носителем языка акценты, подчеркивать важные моменты высказывания в случае если говорящий не сделал этого, интерпретировать невербальные символы, поступающие одновременно с вербальным текстом или замещающие его.

Другой функцией невербального компонента общения является выражение психических свойств и качеств субъектов общения, системы их отношений (отношение к предмету разговора, к собеседникам, к ситуации общения). Декодирование данной информации позволяет переводчику выполнять функцию организатора контакта, регулировать общение, способствовать поддержанию оптимального уровня взаимоотношений.

Обе вышеназванные функции соотносятся с двумя основными средствами невербального общения, выделяемыми В.А. Лабунской, - невербальными коммуникациями и невербальным поведением. Под **невербальными коммуникациями** автор понимает систему "символов, знаков, жестов, использующихся

для передачи сообщения с большей степенью точности". **Невербальное поведение** трактуется ею как специальным образом организованные неязыковые средства, выступающие в акте общения в качестве индикатора внутренних психических состояний, отношений и качеств личности, регулятора ситуации [2: 88]. Во избежание путаницы мы будем обозначать невербальные коммуникации термином, принятым в лингвистике, а именно паралингвистические средства общения (ПСО), понимая под ними вслед за авторами Лингвистического словаря неязыковые знаковые средства, включенные в речевое сообщение и передающие в совокупности с вербальными смысловую информацию высказывания [3: 367].

Общеизвестен факт, что каждая культура наряду с общепонятными невербальными сигналами обладает специфическими, присущими только ей особенностями. Незнание социокультурной компоненты общения может привести к проблемам в восприятии, понимании и передаче информации с одного языка на другой. F. Royatos иллюстрирует данный тезис на примере декодирования кинесической составляющей общения.

1) Кинесические средства декодируются верно вследствие полного или частичного сходства динамических рисунков и значений жестов, напр. жест «деньги»

2) Кинесические средства воспринимаются, но не декодируются, т.к. не вызывают визуальной ассоциации с кинесической системой родного языка, напр., оттягивание нижнего века указательным пальцем у немцев, испанцев означает «я все вижу», «я начеку»

3) Кинесические средства не замечаются, т.к. переводчик не подозревает, что они несут какое-то значение, напр. в Гон-Конге постукивание средним и указательным пальцем по столу означает благодарность за то, что налили чай или вино

4) Кинесические средства воспринимаются, но декодируются неверно вследствие схожести динамического рисунка в родной и иноязычной культуре, но разнице в значениях, напр. жест o'кеу, исполняемый в горизонтальной плоскости, может быть истолкован во Франции как «нуль, пустое место» [1: 263].

Очевидно, что наиболее глубокое понимание исходного текста будет иметь место только в первом случае.

Неадекватное восприятие невербальной составляющей общения имеет тем самым прямое влияние как на акт коммуникации, так и на глубину понимания исходного текста и эквива-

лентного построения текста перевода.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости формирования умений невербального общения в ходе профессиональной подготовки переводчиков.

Анализ теоретических и практических исследований невербального компонента общения, аутентичных текстов перевода позволил выделить следующие основания для выделения групп умений невербального общения: виды речевой деятельности: рецептивная и продуктивная; два вида невербальных средств общения: невербальное поведение и паралингвистические средства общения; их роль в акте общения – организация, поддержание, регулирование контакта; создание благоприятного впечатления о субъекте высказывания; передача смысловой и эмоциональной информации; характеристики переводческой ситуации как разновидности межкультурной коммуникации.

В соответствии с названными основаниями мы выделяем следующие группы умений невербального общения:

- **рецептивные умения** восприятия НП и ПСО в процессе перевода и понимания отношения к ситуации, к предмету общения, к партнерам по общению и уточнения смысла высказывания

- **продуктивные умения**, направленные на сохранение смысловой и эмоциональной информации высказывания посредством использования адекватных исходному тексту НСО

- **коммуникативные умения**, направленные на организацию контакта в соответствии с особенностями взаимодействующих культур; на создание благоприятного впечатления о субъектах общения, на регуляцию взаимодействия;

- **невербальные переводческие умения**, обеспечивающие переключение с одного невербального кода на другой; выбор и манифестацию уместных в данной ситуации перевода НСО

Опираясь на группы умений и имеющиеся в методической литературе определения коммуникативных и речевых умений мы определяем **умения невербального общения переводчика** как способность воспринимать и понимать НП и паралингвистический компонент общения субъектов коммуникации и учитывать принятую информацию при создании текста перевода, сохранять логическую и эмоциональную составляющую текста оригинала при использовании соответствующих средств невербального общения, осуществлять переводческую деятель-

ность в соответствии с нормами поведения культур и ситуацией общения и переключаться с одного невербального кода на другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fernando Poyatos The reality of multichannel communication// The reality of multichannel verbal-nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation. 1986. P 249-282.

2. Лабунская В.А. Проблема обучения кодированию-интерпретации невербального поведения//Психологический журнал.Т.18. № 5.1997. с85-94.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия.1990.682с.

Мухин Н.Ю.
Екатеринбург

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ *ТЕРМИНЫ*, *ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ*, *ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ*

Проблема разграничения понятий *термины*, *профессионализмы*, *профессиональные жаргонизмы* существует постольку, поскольку в научной литературе до сих пор нет их точного единого терминологического определения. У лингвистов нет единства в понимании специфики означенных классов слов, как и в выборе основополагающего критерия дифференциации. Отсюда — разноречивость, противоречия и явная непоследовательность, которые наблюдаются в различных изданиях, включающих те или иные слова то в один, то в другой класс (разумеется, соответственно есть проблемы и в преподавании курса лексикологии).

Так, например, в учебнике «Современный русский язык» под редакцией Н.С. Валгиной профессионализмы определяются как «слова и выражения, используемые группами лиц, объединенных по роду своей деятельности, т.е. по профессии». Но остается непонятным, почему названия инструментов *шпунтубель* и *скарпель* авторы относят к профессиональной лексике, а такие слова, как *кривошип*, *токовращатель* или *подогреватель* — к терминам; почему профессионализмами считаются *подвал* и *шапка* из речи газетчиков — что же тогда останется на долю профессионального жаргона? (Подобная практика отнесения типичных жаргонизмов к разряду профессионализмов наблюдается во многих изданиях по русскому языку и культуре речи).

В «Кратком справочнике по современному русскому языку» под редакцией Л.Л. Касаткина профессионализмы и профессиональные жаргонизмы определяются практически одинаково: как

«полуофициальные названия понятий данной профессии». Единственное указанное различие заключается в том, что жаргонизмы — «названия, бытующие в устной речи». Это автоматически должно означать, что такие слова, как *камбуз*, *мастихин*, *синхрофазотрон*, *кронциркуль* выводятся из сферы специальной лексики и должны быть причислены к лексике общеупотребительной или терминологической, что представляется неприемлемым.

К терминам, называющим предметы специального назначения, авторы справочника относят *бас-кларнет*, *танкер*, *шасси*, *стетоскоп*, то есть, по нашему мнению, напротив, неправоммерно считают терминами общеупотребительные и специальные слова — от противоречий подобного рода несвободно, как правило, большинство учебников и учебных пособий по лексикологии.

Нам кажется, что в первом приближении можно было бы попытаться разграничить понятия следующим образом.

Термины — слова, употребление которых ограничено использованием в основном в сфере науки, производства, искусства. Термины обозначают не предметы, а **абстрактные понятия** и, как правило, характеризуются однозначностью или стремятся к ней, по крайней мере, в рамках определенной научной парадигмы (*производная*, *радикал*, *синус*, *валентность*, *флексия*, *изотоп*, *бемоль*).

Профессиональная лексика — это слова, которые используются преимущественно людьми одной профессии и называют **предметы и лица**, характерные для данной профессии. В отличие от слов, относящихся к профессиональным жаргонам, эти слова нейтральны, не обладают экспрессивностью, образностью и выступают в своем прямом значении (*кок*, *шерхебель*, *синхрофазотрон*, *коленвал*, *бюретка*).

Профессиональные жаргонизмы — слова, всегда являющиеся **экспрессивными** синонимами терминов и профессионализмов; как правило, они обладают метафорической образностью и употребляются в переносном значении (*утка*, *шапка* — у журналистов; *окно*, *хвостист* — у преподавателей; *винт*, *зависнуть* — у компьютерщиков).

Мышкина Н.Л.
Пермь

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Если новая идея появилась, ее уже нельзя отбросить.

В этом и состоит бессмертие новой идеи
(Э. де Боно)

В конце 20 века в России появились работы в области новой лингвистической дисциплины – синерголингвистики. Становление этого нового направления лингвистических исследований связано с возникшей в науке потребностью изучения **нелинейных** процессов в языке и его единицах, а также с осознанием возможности адекватного объяснения этих процессов на основе **энергетической** трактовки природы языка не только в плане выражения, но и в плане содержания.

Энергетическое понимание природы языка опирается на интегрально-общее понятие «энергия», которое вбирает в свое содержание и структуру все накопленное человечеством знание без утраты каких-либо трактовок, а именно: (1) принятое в естественных науках определение энергии как общей количественной меры всех видов движения и взаимодействия материи, как способности производить работу и, кроме того, как самой работы; (2) представленная в ряде философских учений трактовка энергии как демиурга, как источника всего сущего, при которой любые явления действительности, включая сознание и язык, выступают проявленными формами энергии; (3) понятие «энтелихии», которую в философии определяют, следуя Аристотелю, как «развернутую и проанализированную энергию», в которой фиксируют ее материальную причину, ее эйдетическую причину и наличную в энергии действующую и целевую причину, а также цель всего процесса, выступающую символическим представителем сущности, ее «душой»; (4) «напряжение/напряженность», «сила», «интенсивность» («мощь»), выступающие существенными признаками понятия энергии, о чем свидетельствует возможность их синонимического употребления. В рамках контрадиктно-синергетической концепции языка и его единиц интегрально-общее понятие энергии служит основой для их определения формой энергетического бытия и для развития понятий языковой и текстовой энергии.

При синергетической трактовке динамических процессов языка лингводиномика любых единиц языка и языка в целом предстает как самодвижение, а динамика языковой системы как синергия (слияние энергий, взаимодействие, коэволюция) развивающихся (коэволюционирующих) подсистем. Новый ракурс изучения языка обусловил необходимость разработки исследовательских подходов к языку, обеспечивающих учет нелинейных

процессов, которые имеют место в языковой системе. Один из них – контрадиктно-синергетическом подход, который определим как расширение динамико-системного подхода. Как динамико-системный, так и контрадиктно-синергетический подходы предполагают рассмотрение динамики текста (шире – языка) как самодвижения, как нелинейного процесса. Отличие контрадиктно-синергетического подхода от своего предшественника в том, что в нем во главу угла ставится изучение энергожизни текста в целях раскрытия ее природы и ее законов, в то время как динамико-системный подход определил выбор принципов применения динамико-системного метода анализа и интерпретации единиц языка.

Важнейшими теоретическими проблемами синерголингвистики на данном этапе ее развития являются: а) прояснение энергетической природы языка и его единиц; б) изучение многомерности, многоплановости лингводинамики языкового пространства; в) выявление роли спонтанных и детерминированных процессов в его самоорганизации; г) соотнесение терминов синергетики с лингвистической терминологией и разработка концептуального аппарата синерголингвистики; д) разработка методов решения практических исследовательских задач.

Становление и развитие синерголингвистики в русле психолингвистических, функционально-лингвистических и динамико-лингвистических исследований изначально обусловили разработку разных подходов к языку и, как следствие привели к расширению теоретико-методологической основы комплексных системных исследований лингвистических объектов, к утверждению позиций синерголингвистики как составной части языкознания и к формированию новой парадигмы языка. В силу того, что синергетические идеи получили развитие в разных направлениях лингвистики, единство терминологии в них отсутствует, что, с одной стороны, затрудняет взаимопонимание, с другой, благодаря коэволюционному развитию, дает интегральный синергетический эффект. В частности, исследование лингвистических объектов с позиций синергетики привело, как показывает анализ имеющихся литературных данных, к глубинным изменениям существующих представлений о закономерностях бытийного существования, языка, о функционировании уровней языка, а также о феномене смысла. Эти изменения обусловлены введением в круг актуальных научных задач изучения энергетических свойств языковых единиц, соотношения детерминированного и

спонтанного в языке, влияния спонтанных нелинейных процессов на функционирование языка. Так, концепция энергетической природы языка предполагает трактовку языковых единиц проявленной формой энергии и в плане выражения, и в плане содержания. Проявлением энергетической природы языка и его единиц выступают, согласно контрадиктно-синергетической концепции, процессы функторизации (иррадиация языковыми единицами при функционировании множества смыслообразов обусловливает многомерность языковых единиц, обеспечивая реализацию веера линий развития, называемых в синергетике аттракторами), планетаризации (в них воплощаются процессы интеграции-дезинтеграции), симметризации-асимметризации. В целом изучение энергетической природы языка способствует построению онтологической картины мира, выявлению законов функционирования языка.

**Назин А.С.
Сургут**

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛИЙСКИХ МИФОНИМОВ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ИНФОРМАНТАМИ

Поскольку предметом нашего исследования являются русские переводы английского текста романа Дж.Р.Р. Толкиена «Хоббит», предназначенные, естественно, для русскоязычного читателя, нельзя оставить в стороне аспект читательского восприятия мифонимов, столь важных для создания воображаемого мира и воплощения авторского замысла. Как читатель производит мифонимы в своей внутренней речи? Возникает ли у него проблема выбора произношения окказиональных имён?

Чтобы получить представление о читательском восприятии интересующих нас имён, мы провели лингвистический эксперимент, участниками которого стали студенты факультета лингвистики и исторического факультета (всего 83 информанта).

При восприятии двусложных номинаций информанты в 70% случаев произносят их с ударением на первом слоге, в 30% случаев – с ударением на втором слоге. Более частотное произношение соответствует правилам современной английской орфоэпии. При восприятии трёхсложных номинаций в 34,5% случаев окказионализмы произносятся с ударением на первом слоге, в 25,5% случаев – с ударением на втором слоге, в 40% случаев – с ударением на третьем слоге. Более частотное произношение с ударным конечным слогом может объясняться интуитивным представлением о данных словах как галлицизмах.

Восприятие четырёхсложных слов можно показать следующим образом: ударение на первом слоге – 20%, ударение на втором слоге – 20%, ударение на третьем слоге – 29%, ударение на четвёртом слоге – 31%. Произношение композитов осложнялось тем, что могли акцентироваться оба компонента или только один из них, причём ударение падало на любой слог.

На наш взгляд, различное произношение одного и того же слова небезразлично к семантике слова, по крайней мере, к фонетической семантике. В нашем эксперименте испытуемые представляли ударения над предложенными им словами, выбирая произносительные варианты, ориентируясь на интуитивное знание речевых норм, на собственные предпочтения. Какими признаковыми значениями обладают окказионализмы в звукобуквенной форме? Как ударение влияет на оценку звукокомплекса (слова) по определённой шкале? Ответы получились неоднозначными.

Например, окказионализм с трёхсложной структурой «Гондолин» 19 информантами был акцентирован на первом слоге, 23 – на втором, 40 – на третьем. Признаковое поле звукокомплекса «Го'ндолин»: большой, грубый, мужественный, простой, сильный, холодный, яркий, могучий. Признаки комплекса «Гондо'лин»: большой, простой, сильный, яркий, могучий. Поле звукокомплекса «Гондоли'н»: мужественный, простой, сильный, красивый, яркий.

Мифотопоним Gondolin самым писателем трактуется в указателе имён и названий как королевство эльфийского короля Тургона. В «Словаре квенийских и синдаринских элементов в именах и названиях» Толкиен поясняет: «гонд – камень», «лин – петь, издавать музыкальный звук». Таким образом, «Гондолин» – это окказиональный композит, значение которого можно истолковать как «поющий камень».

Ударный слог воспринимается более отчётливо, он актуализируется и актуализирует своё фонетическое значение. Не случайно признаковое поле звукокомплекса «Го'ндолин» с ударным окказиональным корнем «гонд» близко к восприятию камня, а фонетическое значение комплекса «Гондоли'н» включает в себя признак «красивый», ассоциирующийся с пением, музыкой эльфов (ударный окказиональный корень «лин»).

Мы видим, что акцентуация окказиональных слов влияет на их восприятие с фоносемантической точки зрения, следовательно, произношение авторских неодносложных слов во внут-

ренной речи читателей небезразлично к их семантике. Поэтому, на наш взгляд, каждое издание романа нужно снабжать хотя бы краткими комментариями по произношению окказионализмов: давать авторские рекомендации по произношению слов или рекомендации переводчика, опирающиеся на авторские примечания.

Нахимова Е.А.
Екатеринбург

УНИКАЛЬНО РАЗВИТАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

В предыдущих исследованиях на основе анализа четырехтомного "Словаря русского языка" мы выделили в составе лексики с широко развитой многозначностью три зоны: приграничную (от 7 до 10 значений), центральную (11 - 15 значений) и уникальную (16 и более значений). В составе последней зоны оказалось всего 98 слов, в том числе 66 глаголов, 13 существительных и 19 прилагательных. Многозначные слова других частей речи имеют не более 10 значений.

На первый взгляд, это не столь уж объемный класс лексики, но следует согласиться с П.Н. Денисовым в том, что "число самых многозначных слов не дает верного представления об их семантическом весе в словарном составе языка" [1984: 151]. Слова с широко развитой многозначностью, как правило, относятся к числу высокочастотных (Кретов А.А., 1987; Плотнокова С.В., 1997; Поликарпов А.А., 1987 и др.), они обладают высоким "словообразовательным потенциалом" (Тихонов А.Н., 1971; Попова Т.В., 1996), а поэтому их "удельный вес" в речи, намного больше, чем в словаре.

Глаголы лидирует в данной зоне не только по количеству единиц: именно у глаголов отмечено в МАС-2 максимальное количество значений. Самые многозначные русские слова - это глаголы *тянуть* (53 значения), *идти* (52 значения), *стоять* (37 значений). Более 30 значений имеют также глаголы *принять* (34 значения), *пройти* (33 значения). От 20 до 30 значений имеют глаголы *поднять* (30), *оставить* (28), *ходить* (27), *ставить* и *уйти* (по 26), *брать*, *подняться* и *тянуться* (по 25), *смотреть* (24), *дать* (23), *разойтись* и *сбить* (по 22), глаголы *играть*, *падать*, *пустить*, *свести*, *ударить* (по 21), *держать*, *отойти*, *лезть*, *перенести*, *показать*, *пропустить*, *разобрать*, *спустить*, *хватить* (по 20). Еще несколько десятков русских глаголов имеют от 16 до 19 значений.

В зону уникально развитой многозначности входит 19 имен прилагательных. Самые многозначные русские прилагательные - это лексемы чистый (34 значения), тяжелый (30 значений), свободный (26 значений). Более двадцати значений имеют прилагательные тонкий и хороший (по 23 значения), холодный (22 значения), легкий и черный (по 21 значению). В эту зону входят также прилагательные слабый (20 значений), первый и старый (по 19 значений), живой и свежий (по 18 значений), глубокий и светлый (по 17 значений), добрый, мягкий и прямой (по 16 значений).

К рассматриваемой зоне относятся также 13 существительных. Самые многозначные из них - это слова *дело* (23 значения), *сила* (21 значение), *линия*, *порядок* и *ход* (по 18 значений). Далее следуют существительные *фигура* и *форма* (по 17 значений), *класс*, *место*, *мир*, *рука*, *ряд*, *связь* (по 16 значений).

В каждой части речи выделяются лексико-грамматические признаки, которые особенно характерны для слов в рассматриваемой зоне. Здесь встречаются преимущественно имена существительные, относящиеся к лексико-грамматическим разрядам нарицательных, неодушевленных, конкретных, имена прилагательные, относящиеся к лексико-грамматическому разряду качественных и - в меньшей степени - к лексико-грамматическому подразряду собственно относительных, глаголы, принадлежащие к лексико-грамматическим разрядам личных, переходных, невозвратных.

Для всех рассмотренных частей речи выделены лексико-грамматические признаки, наличие которых предполагает пониженную (а ряде случаев нулевую) вероятность принадлежности слова к зоне уникально развитой многозначности. В указанной зоне не встречаются имена существительные, относящиеся к лексико-грамматическим разрядам собственных, одушевленных, вещественных и собирательных. В зоне нет прилагательных, относящихся к лексико-грамматическим подразрядам порядковых и местоименных, совсем нет притяжательных прилагательных. Среди наиболее многозначных русских слов совсем нет безличных глаголов и очень мало возвратных глаголов.

Исследование категориально-грамматических и лексико-грамматических свойств рассматриваемых слов подтверждает гипотезу о реальности существования зоны уникально развитой многозначности как определенного единства.

Нестерова Н.М.

О НОВОМ СТАТУСЕ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Рубеж XX и XXI веков – это своего рода ренессанс для фундаментальных гуманитарных наук. К ним сегодня с полным правом можно отнести и науку о переводе, в которой происходит серьезная переориентация: из лингвистической она превращается в междисциплинарную и многополюсную науку с заметной философско-культурологической направленностью. Вызвано это тем, что перевод был осознан как точка пересечения, в которой сходятся все (практически без исключения) проблемы языка и мышления, языка и культуры, национального и индивидуального в концептуальной и языковой картинах мира, проблемы жанра и стиля, проблемы текстопорождения и текстовосприятия, проблемы текста и интертекста, первичности и вторичности текстовой деятельности и самого текста, проблемы творческого и стереотипного в мышлении и речепорождении. И это, вероятно, еще не весь спектр проблем, который можно увидеть в феномене перевода. Многогранность перевода как явления языка, литературы, культуры и привела к тому, что перевод переместился с периферии лингвистики в центр различного уровня исследований, что, в свою очередь, привело к изменению *статуса* самой науки о переводе

Кроме того, необходимо отметить и концептуальное изменение в представлении самого феномена перевода: он стал пониматься как проявление широкой человеческой способности к вербальному и другим способам выражения. Отсюда и обращение к древнегреческому слову «герменейя», что означает не только перевод в традиционном смысле этого слова, но и более универсальные понятия – толкование, дар речи, речь. Таким образом, согласно современному пониманию, перевод – это универсальный речемыслительный механизм, действующий во всех видах коммуникации: автокоммуникации, внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической, он может быть как интракультурным, так и интеркультурным явлением.

Для антропоцентрической ориентации научного знания, которую мы наблюдаем сегодня, перевод можно считать «идеальным» объектом в изучении речемыслительной деятельности, т.к. перевод – это различного рода оперирование языковыми и культурными знаками, их эквивалентность и их различие, дискурсивная практика, языковая игра, конструкция и деконструкция. Пе-

ревод - это диалог и конфликт сознаний, это автор и читатель, это говорящий и слушающий, это взаимодействие и взаиморазвитие культур, и, наконец, - это путь к мировой культуре. Такая феноменологическая глобальность перевода не могла не породить многообразие научных парадигм и подходов к пониманию и интерпретации понятия перевод.

Какие же из них можно считать доминирующими в наше «рубежное» время? По-видимому, две, одновременно противоборствующие и дополняющие друг друга – лингвистическую и философско-культурологическую. Первая из них – это классическая (традиционная) теория перевода, в рамках которой были сделаны попытки «поверить алгеброй гармонию», дать математически строгое (насколько это возможно) описание и объяснение переводу как «соотнесенному функционированию языков». Именно такое лингвистическое представление о переводе лежит в основе теории закономерных соответствий Я.И. Рецкера, уровневой теории эквивалентности В.Н. Комиссарова, в основе многочисленных пособий по переводу («техник» и «технологий»). Основным методом исследования в лингвистической парадигме является сравнительно-сопоставительный анализ единиц тех языков, которые задействованы в той или иной ситуации перевода, анализ подобия и различия данных языковых элементов с целью выявления их межъязыковых соответствий.

Однако в конце XX века в науку о переводе проникли идеи и дух современной философии, прежде всего - герменевтики и постмодернизма, который есть, по словам У. Эко, «некое духовное состояние, если угодно, *Kunstwollen* – подход к работе». Лингвистическая теория стала «оспариваться» философским, герменевтическим, культурологическим подходами к пониманию проблем перевода, в результате чего сформировалась вторая из вышеназванных парадигма. Смена парадигм, согласно автору данного понятия Т.Куну, являет собой так называемую научную революцию, коренную ломку, трансформацию, переинтерпретацию основных научных результатов и достижений, принципиальное видоизменение всех главных стратегий научного исследования и замещения их новыми.

Постмодернизм как «философия века» принес нам в качестве принципиального видоизменения «текстуализацию мира и сознания», которая погрузила человека в Текст, сделав и его частью этого глобального текста. В понимании феноменологии перевода данная «текстовая» концепция привела к переосмыс-

лению таких ключевых вопросов, как статус автора и переводчика, статус порождаемых ими текстов и их отношений. Провозглашенная М. Фуко и Р. Бартом так называемая «смерть автора» сделала «автором» переводчика, в руках которого находится жизнь и судьба оригинала. Поменялись на противоположные и роли текстов оригинала и перевода, т.е. произошло то, что было метафорически названо «dethroning of the source text» (Vermeer). Переводческую эквивалентность – центральное понятие в лингвистической парадигме – в новой парадигме сменяет новое понятие *différance*, введенное Ж. Деррида.

Такой «коперниковский» переворот в представлении об авторе и авторском тексте не мог не отразиться на понимании категорий первичности и вторичности в текстопорождении вообще и в переводе, в частности. В рамках современного философского подхода вторичность можно считать универсальным свойством всех текстов, но природа их вторичности различна. В текстовом континууме, в котором мы живем, все тексты, как известно, связаны разнообразными межтекстовыми отношениями. Одним из таких типов отношений является отношение оригинал/перевод как выражение оппозиции первичного и вторичного. Вторичность перевода всегда считалась его конституирующим признаком, его онтологическим свойством. Она всегда декларировалась, но не была предметом специального исследования. Однако в связи с философским переосмыслением перевода представляется принципиально важным проанализировать природу вторичности перевода, ответить на вопрос, как вторичность, будучи онтологическим свойством переводческой деятельности, проявляет себя при принципиально различных методах перевода, тех, которые известны в истории перевода как «*verbum pro verbo*» и «*sensum pro sensum*». Поиски ответа на этот вопрос – это попытка раскрыть тайну переводческого творчества, попытка понять сущность перевода, чем он является: «*servile path*» (В. Набоков) или «высоким искусством» (К. Чуковский)?

Нефёдова Л.А.
Челябинск

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Первым знаком художественного произведения является его заголовок, который то в ясной конкретной форме, то в завуалированной, имплицитной выражает основной замысел, идею,

концепт создателя текста. В концепте представлены оценочные нормы и стереотипы, модели поведения и обобщенные схемы ситуаций. Культурные концепты определяют речевое поведение языковой личности автора как представителя того или иного народа, т.е. концепты отражают культурные стандарты.

Лингвокультурологи исследуют ментальное пространство по принципу «образ себя». Они формируют социальные поля на основании анализа культурологических текстов и пословиц, выделяя лингвокультураны – слова с культуроносным значением. Изучив большое количество заголовков французских художественных произведений и их переводы на русский язык, мы пришли к выводу, что лингвокультураны часто используются в виде заголовков художественных текстов.

Изучение содержания лингвокультурем и особенно их значений, непосредственно отражающих внеязыковую действительность, может способствовать выяснению сущностей взаимосвязей языка и культуры. Лингвокультурана включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового смысла), репрезентируемые соответствующим знакам. Следовательно, лингвокультурана как комплексная межкуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания [Воробьев, 1996].

Каждая лингвокультурана имеет глубинный, часто символический смысл, без понимания которого идея произведения повисает в воздухе. Подобно «словесному образу» лингвокультураны представляют конструктивный элемент поля и основу его развертывания в тексте, а также прагматически значимый элемент текста.

Что касается содержательной структуры произведения, то здесь заголовку также принадлежит существенная роль: он передает в концентрированной форме основную тему или идею произведения, что обуславливает его связь со всем текстом, а также возможность реализации смысла заголовка в полном объеме только в его ретроспективном прочтении, т.е. после реализации всех линий связей «заголовок - текст».

Полисемия слова, а в известных пределах и полисемия словосочетаний, использование окказиональных образований (слов или словосочетаний) в качестве заголовка также определяет необходимость учитывать связь «заголовок - текст», ибо в ряде случаев актуализация того или иного лексико-семантического

варианта заглавного слова, однозначное декодирование семантики окказионального образования оказывается возможным только на базе целого текста.

Но если заголовок и имеет однозначную семантику, в своем полном смысловом объеме он воспринимается только ретроспективно: заглавное слово или словосочетание обогащается в тексте эмоциональными коннотациями. Даже известные географические имена, исторические памятники испытывают на себе «приращение смысла», когда они употреблены в заголовке художественного текста. Например, вынесение лингвокультуры: всемирно известного архитектурного памятника в название романа В. Гюго *Notre – Dame de Paris* (Собор Парижской богородицы) придает ему новый, более глубокий смысл: это уже не просто собор. Кроме того, приведенное выше заглавие несет культурологическую окраску, представляя собой квинтэссенцию памятника средневековья, часть французской культуры и истории, а также, являясь символом жестокого и тяжелого времени, когда многие жили в нищете, занимаясь грабежами и убийствами. Это олицетворение сурового и мрачного как инквизиция, но одновременно прекрасного, отражающего те вершины, к которым стремится человеческий дух, где герои находят убежище.

Для обогащения смысла заголовка авторами часто употребляются разнообразные стилистические фигуры или тропы, такие как метафоры, олицетворение, ирония, перифраза. Выразительная сила стилистических фигур заключается в совмещении двух значений: прямого и переносного.

Метафора представляет собой средство вторичной номинации путем переноса наименования (имени), основанного на сходстве в каком-либо отношении между двумя предметами или явлениями.

Таким образом, на основе изложенного можно сделать следующие выводы. Заголовок часто является культураносным знаком, который содержит в себе определенные национально-специфические ориентиры и опирается на социально-исторический опыт. Также заглавие в концентрированной форме передает основную идею произведения, семантически оно связано со всем текстом. В полном объеме смысл заголовка реализуется только в ретроспективном прочтении. Декодирование семантики заголовка возможно только на базе целого текста. Для обогащения смысла заголовка часто употребляются стилистические фигуры и тропы.

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК МЕХАНИЗМ
РЕКОНСТРУКЦИИ И ОПИСАНИЯ
ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА**

Художественный текст - не замкнутая система: с одной стороны, текст обращен к ментальным процессам участников художественной коммуникации; с другой стороны, текст связан с самой ситуацией художественного общения, испытывает влияние психологических, прагматических, социокультурных и других факторов.

Ведущие современные подходы к исследованию текста - *когнитивный, коммуникативный и прагматический* - имеют много общего, прежде всего: признание динамического характера текстовой деятельности, учет активности антропологических центров текста – автора и читателя, вовлечение экстралингвистических параметров в исследование языка. Е.С. Кубрякова полагает, что достижения наиболее интересных результатов в будущем надо ожидать от интегральной парадигмы, для которой характерен не просто антропоцентризм и функционализм, а «удачный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка» [Кубрякова, 1995]. Поэтому *интегральный подход* к анализу текста, синтезирующий когнитивный, коммуникативный и прагматический аспекты, является наиболее перспективным в языковой науке.

Исследование индивидуально-авторской картины мира в когнитивно-прагматическом аспекте – это попытка «проникновения» в концептуальную систему автора, вербализованную в художественном тексте, с учетом коммуникативной ориентированности текста, а именно создания языковых механизмов (комплекса прагматических приемов) воздействия на восприятие и понимание читателя

Изучение цветовой картины мира в когнитивно-прагматическом аспекте обусловлено характером самого понятия *цвет* и, следовательно, особенностями цветовой картины мира в целом. Если цвет – это «нечеткое понятие» (Лофти А. Заде), то цветовое множество – это «нечеткое множество». Вполне определенно можно дифференцировать только «основные цвета» и «прочие». В качестве основных цветов выделяют «элементарные» цвета - *красный, желтый, зеленый, синий,*

ахроматические *черный* и *белый*, также цвета *серый, розовый, голубой, оранжевый, коричневый, фиолетовый*, которые концептуализируются как «смеси» элементарных цветов, но их «смешанная» природа определяется достаточно легко – «на относительно неглубоком уровне нашего лингвистического сознания» [Вежбицкая, 1996:277]). Концептуализация же «прочих» цветов - бесконечного множества оттенков - является субъективным процессом. В целом мир цвета представляется как диффузный континуум с размытыми границами.

Итак, цвет, цветовая картина мира писателя как феномены, существующие только в сознании субъекта, наиболее адекватно могут быть исследованы в когнитивно-прагматическом аспекте, предполагающем, что цветовая картина мира писателя – понятие динамическое, которое формируется и передается в процессе художественной коммуникации в коммуникативно-прагматической цепи «автор-текст-читатель».

Автор, с одной стороны, в созданном тексте реализует свою цветовую картину мира. С другой стороны, в процессе порождения текста писатель осмысляет свое представление о цветовом континууме и текст помогает автору категоризировать и концептуализировать имена цвета, то есть – формировать свою цветовую картину мира. Взаимоотношения текста и читателя тоже характеризуются взаимной активностью: деятельность читателя направлена на реконструкцию авторской цветовой картины мира, но, обладая творческой активностью, читатель вносит в текст собственные представления о цветовом универсууме. Одновременно происходит обогащение (формирование) цветовой картины мира читателя.

Цветовые картины мира автора и читателя совпадают не полностью, поэтому авторская коммуникативная стратегия цветопередачи направлена на стимулирование цветового восприятия. В результате – читатель настраивается на восприятие цветовых концептов, он оказывается в позиции готовности получать и самому эксплицировать и активно интерпретировать цветовую информацию. Например, в современном набоковедении отмечается, что цветообозначения являются характерными и важными особенностями идиостиля В. Набокова (Ю.Д. Апресян, Ж. Бло, Н. Букс, Ю.И. Левин, Н.А. Фатеева, Л.И. Прокофьева и др.), поэтому цветовой фрагмент – это неотъемлемая часть общей поэтической картины мира писателя.

Анализ текста показал, что В. Набоков создает особые праг-

матические условия (Н.А. Кузьмина) - разноуровневые языковые механизмы стимулирования цветового восприятия читателя. Это способы и приемы, с помощью которых автор стремится на- править читательское понимание: использование зрительных предикатов (слов со значением 'излучение света' (сияние, искриться), узуальных колоративов (розовый, оливковый, золотой, малиновый, бирюзовый), окказиональных цветообозначений (атласисто-розовый, оранжево-загорелый), слов со значением зрительно воспринимаемого явления (согнуться, прищуриться, мигать, толстый, круторебрый, короткий, коренастый, залатанный, босой, торчать и т. п.). Визуальные предикаты «открывают» зрительный канал восприятия у читателя и помогают ему отчетливо «увидеть» в своем воображении то, о чем говорится в тексте; высокая степень концентрации цветовой лексики в минимальном речевом отрезке. Писатель создает фрагменты, густо насыщенные цветовой лексикой, – до восьми единиц в предложении; предметная детализация. Максимальная детализация изображаемого, охват самых разных реалий активизирует у читателя восприятие цветовых концептов. Набоков тщательно описывает предметы, и они становятся зримыми, осязаемыми, правдоподобными; полисенсорность и синестезия. Сенсорные образы могут выступать автономно или сливаться в поток синестезии (Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов) Доминирующее положение визуальной модальности в сенсорной системе В.Набокова отражается и на передаче сенсорных впечатлений в тексте: зрительные образы нередко становятся предпочтительным способом передачи иносенсорного материала. Подобные контексты играют важную роль в процессе формирования визуальной доминанты у читателя. Воздействуя на разные сенсорные каналы читателя, то есть, в целом возбуждая полисенсорное восприятие, такой текст одновременно выстраивает сенсорную систему иерархически – с визуальной доминантой в его картине мира; тропы; кинематографический эффект: использование имен существительных в именительном падеже (так называемый «именительный темы») создает кинематографический эффект показа объекта крупным планом (Синяя сырость оврага. Воспоминание любви, переодетое лугом. Перистые облака, вроде небесных борзых); регулярное включение в текст фреймов «пейзаж», «портрет», «интерьер» - сильных зон текста, где возрастает

«ожидание» цветового описания.

Текстовые условия определяют вектор смыслообразования, но не гарантируют конечного результата. В результате создания в тексте прагматических условий восприятия цвета возникает *эффект цветовой индукции*: читатель воспринимает цветопись как авторскую стратегию и под ее воздействием начинает «видеть» цвет даже у «нецветовых» слов: *И все-таки его драгоценные, опытные глаза примечали что нужно. На фоне еловой черноты вертикально висит сухая иголка на невидимой паутинке.* ('светлый, бледно-желтый')

Исследование цветовой картины мира в когнитивно-прагматическом аспекте определило новый подход в анализе цветовой семантики: выявление всех возможных фактов актуализации цветовой семантики в художественном тексте, включая случаи особой организации контекста, когда цветковое значение появляется и у «нецветового» слова. Таким образом, учитывая коммуникативную природу художественного текста и субъективный характер цветовой концептуализации, когнитивно-прагматический анализ, на наш взгляд, является оптимальным механизмом реконструкции и описания цветовой картины мира автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

Олешков М. Ю.
Нижний Тагил

СТРУКТУРА ИНФОРМИРУЮЩЕГО ДИСКУРСА В ДИДАКТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Дидактическую коммуникацию можно трактовать как символическую социально мотивированную деятельность, при которой в соответствии с целями передачи информации взаимодействуют и вступают в коммуникативные (вербальные и невербальные) взаимоотношения субъекты образовательного процесса. Дидактическая коммуникация имеет бытование в рамках некоего общественного (социального) пространства (в образовательной среде урока), где происходит процесс дидактического

дискурса, в который включаются субъекты образовательного процесса с целью достижения дидактических целей. Фактически, это своего рода система коммуникационных стратегий и тактик (техник), предназначенная для оптимизации коммуникативного взаимодействия в рамках образовательной среды урока, а также используемые при этом средства связи - формы, способы, каналы общения.

Коммуникативную модель дидактической коммуникации можно представить в виде схемы, соответствующей современным теориям коммуникации: **адресант** (субъект образовательного процесса - учитель) -> **сообщение** (текст/дискурс) -> **канал** (типологическая разновидность текста – вербальный/невербальный) -> **код** (жанровая разновидность текста) -> **адресат** (субъект образовательного процесса - учащийся) -> **результат коммуникации** (усвоенные знания и сформированные умения) -> **обратная связь**.

Рассмотрим функционирование этой модели в ситуации "информирующего" дискурса, когда учитель в рамках развернутого высказывания сообщает учащимся какую-либо информацию.

Адресант (учитель) производит и передает информацию - уже «обработанную» с точки зрения оптимизированности и селективности закодированную идею (сообщение). Под сообщением понимается прежде всего смысл передаваемой информации. В частности, М. Р. Проскуряков, рассматривая «процесс функционирования системы смысла» текста, отмечает, что при этом один из компонентов данной системы - отправитель (автор текста/дискурса), располагая тезаурусом и лингвистической компетенцией, реализует функцию порождения концептуальной информации [3: 208]. Именно концептуальная информация организует систему смысла текста/дискурса, где концепт есть диалектическое единство объема и содержания сообщаемого.

Итак, адресант, имея конкретный информационный повод, представляя себе смысловую систему текста, генерирует сообщение. Но речевая деятельность субъекта обеспечивает не только производство, но и восприятие текста. Таким образом, текст/дискурс выступает как предмет деятельности адресанта, а интерпретация результата этой деятельности дает продукт - закодированную информацию, восприятие которой обуславливает результативность акта коммуникации («перлокутивный эффект»), т.е. а) изменения в знаниях; б) изменение установок; в)

изменение поведения адресата.

Выбор информации, которую необходимо передать, обуславливает тематику словаря дидактического текста/дискурса. Осознание уровня подготовленности адресата влияет на построение текста/дискурса, на структуру предложений и выбор лексики. Жанр во многом определяет композицию текста/дискурса и "подсказывает" адресанту (учителю), какой степени свободы в компоновке материала он располагает. Кодирование предполагает выбор определенной речевой структуры текста/дискурса, что, в свою очередь, определяет стилистически оформленную языковую структуру конкретного жанра. Кодирование информации достигается генологическими (жанрообразующими) параметрами текста/дискурса.

Коммуникативный акт предполагает и процесс декодирования сообщения - «перевод его на язык получателя», который определяется восприятием адресата, его способностью интерпретировать коды, используемые для передачи смысла. Поэтому декодирование носит в определенной степени субъективный характер.

По мнению И. Р. Гальперина, «информация относительно легко декодируется потому, что выбранные модели текста существенно помогают вычленению главного, основного, от сопутствующего, второстепенного» [2: 34]. В то же время, как считает А. Г. Баранов, процесс понимания текста (декодирование) «заключается не только в установлении значений лингвистических единиц, составляющих текст, но и конструировании когерентной смысловой структуры текста и ее интеграцией с уже существующей когерентной картой мира субъекта понимания, его индивидуальной когнитивной схемой» [1: 35].

Последний (и важнейший для педагогического взаимодействия) компонент акта коммуникации - обратная связь. Под обратной связью понимается реакция (вербальная и невербальная) адресата на сообщение. Именно обратная связь делает педагогическую коммуникацию двусторонним процессом.

Итак, дидактическая коммуникация - это своеобразный инструмент решения декларированных задач учебно-воспитательного процесса, при помощи которого субъекты образовательной среды вступают во взаимоотношения между собой для достижения образовательной цели.

По нашему мнению, система дидактической коммуникации состоит из следующих элементов: «*информационная*» коммуни-

кация, осуществляемая с целью сообщения новых знаний обучаемым; коммуникация «*сотрудничества*», имеющая целью обеспечение взаимодействия субъектов образовательного процесса; «*императивная*» коммуникация, реализуемая в рамках «инструктирующего» дискурса; используется при реализации интенции «управление», «*оценочная*» коммуникация достигается путем использования оценочных речевых актов и выполняет контрольную функцию.

В контексте этой структуры коммуникативные типы речи в сфере дидактического взаимодействия можно классифицировать следующим образом: *информативно-воспроизводящий* (сообщение, репродукция и обобщение), *волеизъявительно-директивный* (волеизъявление), *контрольно-реактивный* (оценочная реакция), *эмотивно-консолидирующий* (предложение собственной картины мира для кооперативного взаимодействия), *манипулятивный* (социальное доминирование, установление иерархии).

Еще одна характеристика дидактической информации связана с понятием *информационного поля*, под которым подразумевается информационное пространство, соответствующее рамкам образовательной среды (школы, отдельно взятого урока и т.п.), охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленный репертуаром тем.

Информационное поле — это аксиологическая категория, связанная с понятием информационной нормы. В процессе дидактического взаимодействия информация о явлениях и законах окружающего мира, предметах и понятиях сообщается в определенном объеме, причем этот объем является ограниченным. С позиций дидактики можно выделить ограничения, обусловленные государственным стандартом (содержание обучения). Коммуникативная лингвистика определяет конвенциональный характер ограничений, основанных на социокультурных регуляторах общения (коммуникативная компетенция).

Кроме «информационных» и конвенциональных ограничений, информация в дидактическом общении обладает такими характеристиками, как *оптимизированность*, *адресность* и *селективность*, которые непосредственно обеспечивают «дидактический эффект» взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Под оптимизированным характером информации следует понимать ее способность соответствовать оптимальному уров-

ню коммуникативного взаимодействия в плане экономичности, энергозатратности и т.п.

Адресность дидактической информации обусловлена "дифференциацией" адресата. Учитель не может провести два одинаковых урока в разных классах одной параллели. Более того, "озвучивая" информацию на одном и том же уроке, он, дифференцируя учащихся по способностям, уровню подготовки, когнитивным параметрам и т.п., ориентируется на конкретного ученика (группу учащихся) - конкретного адресата.

Селективность обеспечивает доступность излагаемых сведений для понимания аудитории разного уровня восприятия.

Можно констатировать, что эффективность дидактического взаимодействия на коммуникативном уровне во многом зависит от профессиональной компетентности педагога, способного реализовать оптимальные условия межличностного общения в образовательной среде урока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д., 1993.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Проскуряков М. Р. Концептуальная структура текста. СПб., 2000.

**Панченко Н.В.
Барнаул**

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ PR-ТЕКСТА

Одним из отличительных признаков коммуникативного речевого пространства современной России стало расширение функциональной области за счет таких типов речевой деятельности, как рекламная, политическая, PR-деятельность. Последняя заняла уже значительное место в коммуникативном пространстве действительности, что отмечается многими исследователями (А.Д. Кривонос, Г.Г. Почепцов, М.А. Шишкина и др.). Вместе с тем начинает проявляться интерес не только к собственно феномену этого типа коммуникации, что было характерно для начального этапа становления и утверждения PR-деятельности, но и к тому, с помощью чего эта коммуникация совершается.

Кривонос называет PR-текст инструментом PR-коммуникации. План содержания данного вида текстов составляет PR-информация: «Под *PR-текстом* понимается содержащий PR-информацию текст, инициированный базисным субъек-

том PR, функционирующий в пространстве публичных коммуникаций, служащий целям формирования, приращения или поддержания публичного капитала данного базисного PR-субъекта, адресованный определенному сегменту общественности, обладающий скрытым (или значительно реже прямым) авторством, распространяемый путем прямой рассылки, посредством личной доставки или опосредованный через СМИ [Кривоносов А., 2002: 18-19]. Приведенное определение включает основные свойства текста, выделенные И.Р. Гальпериным (информативность, адресованность, авторизованность), специфицированные относительно особенностей функционирования данного типа текстов в отношении целеполагания и канала распространения. Подобное определение находится в русле работ по теории коммуникации, где текст рассматривается как один из компонентов коммуникативного процесса, как способ передачи информации. В соответствии с этим А.Д. Кривоносов определяет и основные функции PR-текста: «Важнейшей из функций PR, проявляющихся в тексте, является информационная: посредством PR-текста происходит оптимизированное информирование целевой общественности в виде целенаправленного отбора фактов» [Кривоносов А.Д., 2002]. К числу основных функций PR-текста автор относит также функцию конструирования публичного дискурса, заключающуюся в формировании или трансформации образа объекта PR в сознании аудитории, и познавательную функцию, превращающую PR-текст в источник, средство и способ социального познания.

Однако данный подход к тексту не выявляет особенностей PR-коммуникации. На наш взгляд, PR-текст отличается от текста, например, публицистического не только сферой функционирования, но и качеством основной функции (не информирующая или воздействующая, а функция манипулирования сознанием аудитории), а также набором конституирующих признаков.

Действительно, информационная функция в функциональной иерархии PR-коммуникации вряд ли занимает главенствующее положение. Неизбежно встает вопрос: какого рода информацию содержит PR-текст. Если принять, что основной содержательной составляющей этого типа текстов является PR-информация, то необходимо определиться с тем, что есть информация такого типа: *«PR-информация есть тип социальной информации, которая производится в процессе деятельности социального субъекта* /выделено мной – Н.П./ (фирмы, органи-

зации, персоны) — базисного субъекта PR, распространяется **по его же инициативе, отражает в оптимизированном виде значимые факты деятельности данного субъекта** /выделено мной – Н.П./, предназначена для определенного сегмента ответственности и служит **целям формирования эффективной коммуникационной среды данного социального субъекта** /выделено мной – Н.П./» [Кривоносов, 2002: 14]. Таким образом, PR-информация – это информация, выгодная субъекту PR; факты отбираются, komponуются и преподносятся так, чтобы у аудитории создалось *правильное*, необходимое субъекту PR впечатление о действительности (компании, фирме, организации, личности и т.д.). Другими словами, PR-текст организует представление о действительности необходимым для субъекта PR образом, скрыто изменяя установки, убеждения, взгляды аудитории, т.е. по сути манипулируя сознанием адресата. Следовательно, PR-информация – это информация, содержание которой состоит в манипуляции фактами, событиями с целью изменить представления аудитории об этих фактах и событиях, создать, выгодную для субъекта PR историю. Субъект PR имеет цель не просто информировать адресата, а дать этому адресату *нужное* представление о фрагменте действительности.

PR – это вынужденная манипулятивная коммуникация. Текст становится механизмом манипуляции сознанием аудитории. Подобный механизм функционирует в двух направлениях: мелиоративном (возвеличительном) и пейоративном (уничижительном). Тексты, создающие положительный контекст для объекта PR, это «свои-тексты». Целью говорящего в данном случае является восхваление, приукрашивание своего объекта либо сокрытие, маскировка неприглядных фактов в отношении объекта PR (А.П. Сковородников назвал подобные тексты соответственно апологетической и эвфемистической разновидностью [Сковородников, 1997]). Тексты, создающие негативный контекст для объекта PR, – «чужие-тексты».

Следствием манипулятивной природы PR-текста является и набор его конституирующих признаков (актуальность, агрессивность, пресуппозитивность и мифологичность), а также структурных и композиционных особенностей этого типа текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривоносов А.Д. PR-текст как инструмент публичных коммуникации. Автореф....доктора филол. наук. СПб., 2002.
2. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты ре-

чевого общения. Красноярск-Ачинск, 1997. С. 10-15.

3. Сквородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск-Ачинск, 1997. С. 10-15.

Парилова Н.А.
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ВАРИАНТНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ ПРОЦЕССА СЕМАНТИЧЕСКОГО ОТТАЛКИВАНИЯ (на материале зауральских говоров)

Проблемы вариантности в последнее десятилетие привлекают все большее внимание исследователей русского языка.

Они представляют особую актуальность применительно к диалектному языку, поскольку открытый характер диалектной системы способствует большей проницаемости единиц по сравнению с системой литературного языка.

Проницаемость наблюдается на всех уровнях диалектной системы. Особенно характерно ее проявление на лексическом уровне, где проникновение слов из другой диалектной системы и литературного языка очень продуктивны.

В результате взаимодействия равнозначных разномодальных слов в составе одного говора возникают дублетные отношения между лексическими единицами. В дальнейшем взаимоотношения столкнувшихся лексических единиц могут развиваться в следующих направлениях: 1) одна лексическая единица вытесняется другой, этому много причин, в том числе и степень употребительности; 2) на какой-то период в системе наблюдается сосуществование вариантных единиц; 3) одно или оба столкнувшихся слова приобретают новые значения или новые оттенки значений [Баранникова, 1963: 393].

Последнее направление, основанное на дифференциации значений, раскрывает сущность процесса семантического отталкивания, на наличие которого в диалектах обратили внимание такие ученые, как Л.И. Баранникова (1963, 1967), О.И. Блинова (1973), Т.С. Коготкова (1979), И.А. Оссовецкий (1968, 1982), К.И. Демидова (1991, 1998, 2003).

Изучение зауральских говоров в этом аспекте показало, что все указанные процессы имеют место в этих говорах. Наше внимание будет обращено на процесс семантического отталкивания. Например, в говоре с. Сладчанское Шатровского района Курганской области семантически размежевались диалектные слова *опояска* и *гасник*. Старшее поколение оба слова исполь-

зует для названия пояса. «Опояска? То же, что и гасник». Другой информант того же поколения добавляет: «Опояску по праздникам одевали, а в будни и гасник хорош». Представители же переходного поколения словом *опояска* называют широкий праздничный пояс, обычно вытканый из шерстяных ниток или гаруса (хлопчатобумажной ткани), а словом *гасник* – «веревочный, повседневный пояс». Таким образом, можно сделать вывод, что в микросистеме с. Сладчанское наблюдается процесс семантического отталкивания.

В результате действия закона экономии языковых усилий вариантные единицы не могут долго сохраняться в языке [Мартине, 1963], поэтому данные слова семантически дифференцируются.

Наши наблюдения показали, что процесс семантического отталкивания протекает неодинаково в ЛСП с вариантными единицами и динамика процесса проявляется по-разному: можно наблюдать начало, протекание или завершение его. Например, в ЛСП с. Сладчанское для названия средства передвижения по воде используется два слова – *лодка* и *бат*. Слово бат могло прийти из сибирских или камчатских говоров со значением «лодка, выдолбленная из целого ствола дерева» [СРНГ. Вып.2.: 139], а слово лодка со значением «лодка-долбленка» – из говоров, функционирующих по реке Вятке [СРНГ. Вып.17.: 105]. Старшее поколение носителей говора оба слова использовало для названия лодки-долбленки. «Што лотка, што бат – фсе одно». А в речи информантов среднего поколения мы встречаем: «Только лотки больши и надежны, а бат – небольшой и верткой». В результате слово *лодка* закрепляется со значением «средство передвижения по воде, деревянное, залитое гудроном, может быть больших и маленьких размеров», а *бат* чаще употребляется для названия лодки небольших размеров, выдолбленной из целого ствола сосны, неглубокой, верткой.

Источниками вариантных единиц в говоре с. Сладчанское являются: 1) вторичный характер говора (поэтому много единиц из разных говоров-первоисточников); 2) взаимодействие разных систем вторичных говоров, что отражается в конкретном говоре; 3) взаимодействие лексических единиц, пришедших в конкретную систему из разных вторичных говоров; 4) взаимодействие диалектных систем и литературного языка; 5) взаимодействие русских говоров с языками аборигенов.

Перескокова А.Ю.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ...

С принятием новой геополитической и экономической политики Россия оказалась перед необходимостью развивать свое информационное пространство, технологии и средства. Ученые-коммуникависты в своих работах определяют всех участников коммуникативного акта в российском информационном поле. За основу нередко берется модель “коммуникативного акта” Г. Лассуэла [см. Бориснев, 2003]. Признавая эту модель как ни более полную, многие ученые и журналисты помимо двух одушевленных объектов, “Кто” и “Кому”, огромную роль в коммуникации приписывают “скрытым” участникам. Ими могут быть заказчики сообщения, спонсоры медиа организации или властные структуры, которые могут выступать и в роли заказчика, и с контролирующей целью, как орган цензуры. В литературе, однако, мы не находим упоминания о еще одном участнике массового коммуникативного акта. Это человек, находящийся между двумя “фронтами”: властью и средствами массовой информации. Речь идет о главе министерства по делам СМИ. А. Соколов, настоящий министр культуры и массовых коммуникаций, сделал еще слишком мало для того, чтобы анализировать его работу. Но изучая метафорическую рефлексию СМИ, было бы упущением обойти фигуру бывшего министра МПТР Михаила Лесина.

Для российского информационного поля рубежа XX и XXI веков министр Лесин явился “серым кардиналом”, судьбоносной личностью в отношениях между СМИ и Кремлем, вершителем судеб многих медиа деятелей. Его подчиненные воспринимали начало XXI века как период *“битв за свободу слова”* (С.Одоевцев, МК 23.06.03), а его самого как главного стратега *“сражений за НТВ и ТВ-6”* (А.Рекова, СМИ.ru 10.04.02). Эта же мысль проводится сразу после нового назначения Лесина. Ср.

- Это назначение дает ему больше возможностей для работы и проведения *стратегических решений*, без отвлечения на текущие дела (Н. Степанова, Время новостей 08.04.04)

В свою бытность министра Лесин представлялся главной угрозой свободной журналистике. Кремль – далеко, а “ведомство (минпечати) уже давно *играет роль посредника между инстанциями власти и печатью. Пусть непростого, жестокого, не любящего, когда ему противоречат, но все-таки посредника*” (А.Рябов, Профиль №4, 02). По мнению журналистов, он руководил строительством проправительственных, а значит зависи-

мых каналов (“за пару лет с помощью Лесина и Добродеева *отстроили два ручных, но очень мощных и респектабельных канала*”, - С.Орлов, Пресс-атташе.ru 05.03.04) и уничтожал неудобные. И так хорошо у него получилось последнее, что он завоевал со стороны подчиненных намеки на криминализированность. Происхождение криминальных метафор не вызывает удивления. Стоит только ознакомиться с подборкой статей о прошлом и настоящем бывшего министра. Журналисты, пишущие о Лесине, или работающие на подконтрольных ему каналах, наверняка осведомлены, о причастности “солнцевской” финансово-промышленной группы к производству и размещению телепрограмм и рекламы на ТВ. Теоретической поддержкой появления метафор этой модели может служить мнение доктора филологических наук Г.Г. Почепцова, что “коммуникации являющиеся поверхностным отражением глубинных процессов, имеющих место в социальном пространстве. Они легитимизируют имеющиеся состояния” [Почепцов, 2003: 27]. Ср.

- С размахом работая “рубильником”, заслужил звание “*дущителя свобод*” (А. Качкаева, Телескоп, март 2004)

- Хранитель свободы слова – *король преступного мира* (АПН, 19.05. 2000)

“Власть и СМИ, как *старые супруги: искренне ненавидят, но при этом нежно любят и существовать друг без друга не могут*” (Е.Власова, Российская газета, 07.07.2004). Образная сентенция автора статьи правдиво характеризует многовековые отношения этих двух социальных институтов. Однако, в контексте обсуждения бывшего министра печати это выражение приобретает гораздо больший смысл. Вместе с заголовком статьи в «Независимой газете» (“Кремлевский *ретранслятор*”, - Б. Столяров, 12.06.99) метафора раскрывает смысл и реальные отношения исполнительной власти и главы минпечати. И у Кремля, и у Лесина есть множество причин любить и ненавидеть, накопленных за долгую (более десятилетия) “супружескую жизнь”. Находясь в зависимом от Кремля положении, Лесин вынужден диктовать волю власти, чаще выдавая ее за собственные инициативы, тем самым играя роль глашатая, средства передачи информации от верхов к низам. “Порождение информации ведет к тем или иным новым знаниям, которые становятся основой для принятия решений” [Почепцов, 2003: 18], что создает условия для работы манипулятивной функции власти и СМИ.

Принимая за аксиому, что метафора в современном ее про-

чении – это форма мышления и субстанция, которая изначально присутствует в ментальном пространстве человека, очевидно, можно говорить, что она является отражением и следствием реальной картины мира адресантов и адресатов. С другой стороны, метафора все чаще становится инструментом в руках тех, кто использует подобный контекст с воздействующей интенцией ради превращения желаемой виртуальной картины мира в реальную и закрепления ее в массовом сознании.

Попова Т.В.
Екатеринбург

НОВЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМАНТЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

(на материале окказиональных новообразований)

Изучение новых словообразовательных формантов чрезвычайно важно для выделения комплекса способов словообразования, свойственных русскому языку на рубеже тысячелетий. Лавинообразный рост окказионализмов в конце XX в. позволяет выявить новые способы создания слов, в частности способ графического словообразования (Изотов, 1998, Д. Гугунава, 2003; примеры именно этих исследователей в основном анализируются в данном сообщении) и – соответственно – графические дериваты, такие, например, как «ОПТИМАльное решение» (реклама сигарет «Оптим» /Комс. пр., 30.11.2001/).

В графических дериватах используются комплексные (составные) словообразовательные форманты, представляющие собой единицы разных уровней языка, выделенные каким-либо графическим средством.

Субстанциональный компонент такого деривационного форманта может представлять собой: а) морфему, обычно аффиксальную: **“супер”**вещь, *пост(а)теист*, значительно реже – корневую и аффиксальную: (**латино**)американский ; б) совокупность однотипных морфем: (**предпост**) модернизм, *преди(среди-, после-)словие*; в) слово: *не(слишком)лепые* (М. Липовецкий); г) сочетание слов: *художник-не-от-мира-сего*; д) звук или звуковой комплекс: *ПиП-парад*, «рубрика «ПРОпитание»: *Нужно СОКолиное зрение*» (заметка о способах определения качества сока /Биржа, 27.05.2002/) их сочетание.

Разнообразен и графический компонент анализируемых формантов. Для графического выделения словообразовательного элемента в производном слове используются: а) кавычки (**“супер”**вещь), б) скобки: (**до**)модерн, в) наклонная черта

(слеш): *пред/постмодернизм*, г) дефис: *бес-порядок*, д) иноязычная графика: *internetмэн*, е) инокодовый элемент: *встреч@ться*, *Мурака@ми*, ё) регистровое или шрифтовое выделение: *ОПТИМАльное решение* и др.

Анализ подобных графословообразовательных формантов выявляет такие их особенности, как:

- грамматически разнообразная среда употребления: такие деривационные средства встречаются в производных словах основных знаменательных частей речи: именах существительных (*бес-порядок*), прилагательных (*ОПТИМАльное*), глаголах (*отвалить(ся)*);

- незакрепленность за определенным местом в слове: графическое выделение может охватывать начальный (*анти-мета-физический*, *бес-порядок*), срединный (*преди-(среди-, после-)словие*) или конечный элемент производного слова (*контекст(уальность)*, *отвалить(ся)*);

- субстанционально-языковое разнообразие (см. выше);

- ведущую роль графического компонента, придающего неузуальность деривату и привлекающему к нему внимание;

- принадлежность к средствам экспрессивного словообразования;

- вариативность семантики.

Именно графический компонент рассматриваемых формантов обеспечивает семантическую емкость и потенциальную множественность интерпретации «графического» деривата. Семантика таких производных слов представляет собой совокупность сосуществующих в контексте, равноправных виртуальных миров (так, дериват *(до)модерн* может быть осмыслен как «время и явления, свойственные периоду модерна / домодерна / модерна и домодерна одновременно») а значит, обеспечивает определенную размытость, нечеткость понятий, которыми оперирует человек, и гибкость его мышления, что крайне необходимо в современном быстро меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугунава Д.В. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма. Автореф. ...канд. филол. наук. – Н.Новгород, 2003.

2. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка: Автореф.... д-ра филол. наук. – Орел, 1998.

Попова Э.Ю.

ОБУЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОМУ СЛУШАНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РИТОРИКЕ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Речевая деятельность реализуется в таких основных видах, как говорение, слушание, письмо и чтение, но зачастую коммуникант воспринимает ее лишь как процесс говорения. Мэдэлин Беркли-Ален в книге «Забытое искусство слушать» [1997: 72] отмечает, что «сопротивление слушанию становится нормой. Нас часто учат, что говорение олицетворяет власть, силу, «действие», тогда как слушание ассоциируется со слабостью и апатией». Существующее в современном обществе мнение об умении эффективно слушать, как невозможном речевом действии, свидетельствует о непонимании сути самой речевой деятельности.

Весьма важно понять, что в процессе общения главную роль играет и говорящий, и слушающий. Собственно цель общения и состоит именно в восприятии речи, в ее понимании. Говорящий, обращающийся к слушающему, рассчитывает на полное понимание речи. Собеседник же превращается во внимательного слушающего в том случае, если правильно учли его состояние, мотивацию и окружающую обстановку, поэтому говорящий должен с большим вниманием относиться к своему собеседнику. С другой стороны, слушание как рецептивный вид речевой деятельности, направленный на восприятие звучащих текстов, оказывается достаточно сложным. Умение «слушать», а не «слышать» необходимо воспитывать.

Нами разработана система упражнений по обучению активному слушанию в рамках занятий по риторике и культуре речи. Первым этапом занятия является диагностика активного слушания (автор – Питер Томсон). Студентам предлагается тест из десяти вопросов, проверяющих умение внимательно слушать. Ответы на данные вопросы требуют некоторых фоновых знаний, но, чтобы правильно ответить на поставленные вопросы, необходимо внимательно слушать и понять суть вопроса [мат. в кн. Томсона Самоучитель общения. – СПб., 2000: 10-11]. Автор теста пишет, что в среднем на десять поставленных вопросов слушатели дают всего лишь четыре правильных ответа. Наши исследования подтверждают наблюдения П. Томсона: из опрошенных 300 человек 75% ответили на 4 вопроса, 20% – на 6 вопросов, 3% - меньше 4-х, только 2% – больше 7. На десять вопросов не ответил ни один слушающий. Таким образом, про-

веденный тест показал, что слушание эффективно лишь на 40% в большинстве случаев.

Далее студентам сообщается, что такое активное слушание, подчеркивается его значение и отмечается, что этот процесс можно вполне научиться регулировать.

Активное слушание – система действий, способствующих сосредоточению внимания слушающего на партнере, активизация самовыражения партнера, восприятия и понимания сказанного (и не сказанного) им.

Для обучения эффективному слушанию нами использовались техники, разработанные психологом Еленой Сидоренко [Тренинг коммуникативной компетентности. – СПб.: Речь, 2003]. Данные техники, на наш взгляд, помогают повысить взаимодействие и взаимопонимание говорящего и слушающего в процессе речевой деятельности, а также помогают собеседникам сконцентрировать внимание на процессе слушания.

Структура техник активного слушания состоит из двух этапов: умение разговаривать и умение услышать и понять. На первом этапе отрабатывается умение формулировать закрытые, открытые и альтернативные вопросы, адресовать их говорящему. Такая техника позволяет обучающемуся ориентироваться в речевом общении. Задавая правильный вопрос, студент сможет получить достаточную информацию от партнера. Умение сформулировать правильный вопрос свидетельствует не только о речевой, но и об общей культуре человека. На втором этапе используются техники вербализации: повторения, перефразирования, интерпретации. При этом следует подчеркнуть, что в результате постепенной вербализации повышается умение слушающего глубже понять речь говорящего. Не случайно дословное повторение переходит в краткую передачу сути высказывания партнера, а затем слушающий пытается интерпретировать высказывание, предположить истинное значение сказанного или причины и цели высказывания. Е.В. Сидоренко пишет: «Простое повторение кажется не столь эффективным, как попытка воспроизвести суть или проникнуть в истинные причины высказывания» [Сидоренко, 2003:112]. Таким образом, тренинг активного слушания позволяет студенту освоить разнообразные виды слушания: глобальное, детальное, критическое – кроме того, умение активного взаимодействия говорящего и слушающего развивает коммуникативно благоприятную среду.

РОЛЬ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Вонг-Филмор через анализ межличностных отличий показал существенную роль, которую могут сыграть диалоговые единства в приобретении языковых структур. В его эксперименте были задействованы испаноязычные ребята 5-7 лет, в ситуации усвоения английского языка методом "языкового погружения". Автор отметил скорое появление разногласий между детьми и смог установить, что они соответствовали главным образом способностям устанавливать и поддерживать речевые взаимодействия. Систематическое наблюдение этих детей позволило Вонг-Филмору предложить картину стратегий связанных с этими способностями (см. таблицу), которая представляется в виде списка предписаний. Она различает **социальные стратегии**, связанные с функционированием группы, и **когнитивные стратегии**, которые касаются проблем функционирования языка. Фундаментальный элемент гипотезы Вонг-Филмора заключается в том, что она устанавливает соотношение между этими двумя типами стратегий, показывающими их неразрывный характер: т.о. не существуют чисто формальные когнитивные стратегии, и не существует иной мотивации к приобретению информации о функционировании языка, кроме мотивации, относящейся к общественному взаимодействию.

Когнитивные и общественные стратегии

Общественные Стратегии	Когнитивные Стратегии
1: Присоединитесь к группе и делайте, как если бы вы понимали то, что говорится	1: Предположите что то, что говорится, находится в прямой связи с ситуацией или текущей деятельностью, затем догадайтесь о чем идет речь
2: Дайте впечатление - несколькими хорошо подобранными выражениями - что вы являетесь способным говорить на языке.	2: Определите несколько выражений, которые вы понимаете, и начинайте говорить.

3: Апеллируйте за помощью к вашим друзьям.	3: Определите то, что повторяется в выражениях, которые вы знаете. 4: Используйте по максимуму то, что вы приобрели. 5: Посвятите ваши усилия самому важному; оставьте детали на потом.
--	---

Эрвин -Трипп считает, что для обучаемых приобретение второго языка зависит от факторов, связанных с коммуникационными аспектами языка, а именно:

- Сети взаимодействия, внутри которой развивается деятельность языка;
- Характера деятельности языка, которая служит поддержкой для усвоения;
- Локальной структуры речи (отношения между ближайшими частями произносимого);
- Социальных изменений языка.

Через наблюдения над обучаемыми, отмечалось, что причастность к видам деятельности с высоким уровнем общественного взаимодействия составляет положительный фактор усвоения языка, т.к. существование эффективного взаимодействия требует обсуждения ролей, объявления намерений, выражения предупреждений, планирование действий, высказывания убеждения или противоречия собеседнику, постановку косвенных вопросов. Усвоение часто связано также с выработкой "ритуалов", которые позволяют привлечь внимание, взять слово, определить или изменить тему разговора, выразить просьбы повторить или прояснить ситуацию.

Педагогический интерес таких видов языковой деятельности в том, что они позволяют быстро установить эффективное отношение между лингвистически требующимся высказыванием и выражением коммуникативных намерений: Ситуации этого типа позволяют быстро распознавать "значения" связанные со взаимодействиями, начиная с маленького количества лингвистических данных, которые могут быть многократно воспроизводимыми, адаптируемыми, исправляемыми в соответствии с действиями, которые они подразумевают. Средства, которые позволяют контролировать взаимодействия, позволяют также сохранять отношения между формой и смыслом. Взаимодействия ролей в положении игры были бы таким образом очень позитивным случаем по-

полнения словаря умениями аргументировать, предупредить, и т.д., чтобы привести в соответствие высказывания с их функциями. Игра т.о. задумана не как мотивация для обучения второму языку, но как легко доступную возможность манипулирования языковыми актами, на которых основывались бы все лингвистические приобретения.

**Сегова Т.Д.
Нижний-Тагил**

ТИПЫ СЛУШАТЕЛЕЙ

Существует несколько классификаций типов слушателей (собеседников). Рассмотрим некоторых из них.

Винокур Т.Г. выделяет два стиля слушания, которые определяются такими полюсами речевого поведения, как «внимание/невнимание». Так. Т.Г. Винокур выделяет два типа людей: «умеющих (желающих) и не умеющих (не желающих) слушать/слышать». [Винокур, 1993: 89] Нежелание слушать, невнимание может объясняться разными причинами: плохим самочувствием, усталостью; негативной установкой по отношению к говорящему; эгоцентрическим стилем слушания, когда человек слушает только себя.

Критериями следующей классификации собеседников являются такие основания, как: компетентность, откровенность и искренность; владение приемами общения с другими участниками беседы, заинтересованность в теме и успехе беседы.

В этой классификации представлено 9 «абстрактных» собеседников:

1. Вздорный человек, «нигилист». Такой человек часто выходит за рамки темы беседы. В ходе беседы он нетерпелив, несдержан и возбужден. Своей позицией и подходом он смущает собеседников, неосознанно провоцирует их на то, чтобы они не соглашались с его аргументами и выводами.

2. Позитивный человек. Это самый приятный тип партнера. Доброжелательный и трудолюбивый, он стремится к сотрудничеству при проведении дискуссии.

3. Всезнайка. Он уверен в том, что все знает лучше всех. У него обо всем есть свое мнение, и он постоянно требует слова.

4. Болтун. Часто бестактно и без видимой причины прерывает ход беседы. Не обращает внимания на время, которое тратят все участники беседы на выслушивание его пространственных высказываний.

5. Трусишка. Этот тип собеседника характеризуется недос-

таточной уверенностью в себе при публичных выступлениях. Он охотнее промолчит, чем скажет что-нибудь такое, что, по его мнению, может показаться другим глупым или даже смешным.

6. Хладнокровный, неприступный собеседник. Такой человек замкнут, часто чувствует себя и держится отчужденно, не включается в ситуацию беседы, т.к. это кажется ему недостойным его внимания и усилий.

7. Незаинтересованный собеседник. Тема беседы его вообще не интересует.

8. Важная птица. Такой собеседник не выносит критики - ни прямой, ни косвенной. Он чувствует и ведет себя как личность, стоящая выше остальных.

9. Почемучка. Кажется, что этот собеседник только для того и создан, чтобы сочинять и задавать вопросы, независимо от того, имеют ли они реальную основу или надуманы.

Цель приведенной классификации - показать разнообразие типов собеседников. Авторы обращают внимание на то, что один и тот же человек может меняться в зависимости от значимости темы, хода беседы, типа других ее участников и т. д.

Ларри Баркер и Китти Ватсон - авторы еще одной классификации типов слушателей. Рассмотрим поочередно каждый тип слушателей.

1. Слушатели, ориентированные на людей. Людей данного типа больше всего беспокоит, как слушание влияет на их отношение с окружающими. Они слушают, чтобы понять эмоциональное состояние собеседников, и в процессе общения, как правило, воздерживаются от выводов и суждений. Будучи чересчур открытыми и доступными, такие люди иногда излишне переживают по поводу чужих проблем. В действительности слушатели, ориентированные на людей, могут потерять объективность - когда слишком увлекаются процессом и начинают верить на слово всему, что слышат.

2. Слушатели, ориентированные на действие.

Слушатели данного типа активно концентрируют все усилия на выполнении насущной задачи. Обычно они предпочитают слушать все быстро, и им трудно выслушивать несобравших собеседников. Ориентированного на действие слушателя высоко ценят на любых собраниях и совещаниях, поскольку он помогает остальным не уклоняться от основной темы и обмениваться информацией быстро и продуктивно.

3. Слушатели, ориентированные на содержание.

Слушателям данного типа свойственна привычка тщательно взвешивать и проверять все, что они слышат. Они любят узнавать все детали и «доходить» до сути вещей, чтобы уяснить для себя все стороны обсуждаемой темы. Как правило, они предпочитают слушать экспертов и получать данные из высококвалифицированных и проверенных источников. Ориентированные на содержание слушатели стараются увидеть все грани проблемы, и их всегда влечет к постижению сложной и трудно усваиваемой информации.

4. Слушатели, ориентированные на время.

Слушатели такого типа постоянно глядят на часы и заставляют окружающих делать то же самое. Они в первую очередь ценят время и часто высказывают раздражение по отношению к тем, кто тратит его попусту. Несмотря на то, что они способны повысить производительности и правильной организации рабочего дня, их маниакальная пунктуальность и торопливость иногда приводит к потере творческого начала и созидательного мышления.

Как показывает практика, примерно 40% всех респондентов отличаются по меньшей мере двумя ярко выраженными личными предпочтениями в области слушания. В некоторых случаях категории дополняют друг друга, в других входят в противоречие [Баркер, Ватсон, 2001: 58].

Примерно 20% людей демонстрируют слабые личные предпочтения или же их полное отсутствие при ответах на вопросы анкеты. Если же анкетированный набрал ноль очков при ответах на все категории вопросов, возможно, он вообще не любит, при определенных условиях и обстоятельствах, получать информацию слушая.

Итак, персональные предпочтения в области слушания существуют у каждого из нас. У всех имеются свои пристрастия на тот счет, что, как и когда слушать, и к одним людям мы всегда станем прислушиваться охотнее и внимательнее, чем к другим. Одни из нас предпочитают слушать исключительно специалистов, другим нравится, чтобы их развлекали, а третьи целиком сосредоточены на личности рассказчика. Большинство из нас не задумывается над тем, чтобы изменить свои привычки в этой области, даже несмотря на то, что в этом случае процесс слушания, возможно, станет для нас гораздо более полезным и приятным.

В отличие от типов характера и способностей к обучению,

которые обычно остаются неизменными в течение всей жизни, личные предпочтения в области слушания могут измениться довольно быстро: в зависимости от времени дня, наличия сил, сопутствующих обстоятельств, окружения, темы разговоров и др.

Итак, мы познакомились с основными классификациями слушателей, выявили сильные и слабые стороны разных типов собеседников, а также определили факторы, которые способны обнаружить как положительные, так и отрицательные черты личных предпочтений в области слушания. Кроме этого, были даны общие рекомендации для различных типов слушателей.

Сергеева Н.М.

Кемерово

КОНЦЕПТ *МОЗГ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Общая направленность процесса концептуализации выходит за рамки логических отношений и помогает обнародовать взаимосвязь логической системы и Человека. Данная специфика человеческой деятельности призвана объединять разрозненные представления человека о том предмете, который им исследуется всесторонне, а главное целостно. Общая концепция должна давать возможность целостно объяснять феномен, с тем, чтобы получить доступ к его сущности или иерархии сущностей.

По мнению Ю.М. Федорова: «Любая форма знания лишь тогда чего-либо стоит, когда представлена концептуально» [Федоров, 1996: 6].

Концептуализация – это не просто научная процедура систематизации разрозненных представлений, а мировоззренческая форма соединения в единое целое несопоставимых в гносеологии форм знаний [Федоров, 1996: 6]. В этой связи развитие термина *концепт* приобретает определенную значимость для отечественной лингвистики, так как трактовка этого термина предполагает соединить в целое многие аспекты познания Человека и Мира. Поэтому в современной отечественной лингвистике с 90 –х гг. XX века появляется много работ, посвященных исследованию концептов (см.: Н.Д. Арутюнова, С.С. Аверинцев, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицка, А.А. Залевская, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Е.А. Пименов, М.В. Пименова, Е.В. Рахилина, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.П. Чудинов, А.Т. Хроленко). География концептуальных исследований довольно обширна: Архангельск, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Москва, Омск, Санкт-Петербург, Тамбов,

Якутск. Данные города являются основными центрами, в которых существуют направления, разрабатывающие методы концептуального анализа (см. выпуски из серии «Концептуальные исследования»).

Чаще всего встречается толкование концепта как точного синонима термина *понятие* (ср. толкование, представленное в универсальном энциклопедическом словаре): «Смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объём которого есть предмет (денотат) этого имени» [Философский энциклопедический словарь, 1997: 25]. Однако в современных лингвистических исследованиях, посвященных концептуальному анализу, существует дифференцирующий критерий. С.Г. Воркачев утверждает, что «основным признаком, отделяющим лингвистическое понимание концепта от логического и семиотического, является его закреплённость за определённым способом языковой реализации. Слово есть индивидуальная физиономия понятия, от него последнее не может отделиться, «как человек не может скинуть с себя своей физиономии», а концепт как ментальное образование высокой степени абстрактности связан преимущественно именно со словом» [Воркачев, 2000: 9].

Отличает *концепт* и понятие не только наличие дифференциальных признаков, но разные способы функционирования. По способу функционирования, концепт универсален: в речи концепт замещает понятие, в логике предшествует понятию. Таким образом, концепт и понятие как логическая категория и как категория лингвокультурологическая, лингвофилософская отличаются друг от друга по своему внутреннему содержанию, по функциональным свойствам. В сравнении с концептами в понятии преобладает содержательная сторона и исключены факторы: психофизиологических особенностей человека, принадлежность человека к определённому этносу, социальному слою, индивидуальный и культурный опыт человека.

При изучении древних языков максимально точно воспроизводится грамматическая значимость слова, его фонетическая оболочка, но лексический уровень характеризуется разнообразием толкований и интерпретационных вариантов, с трудом восстанавливающих культурный фон, психофизические особенности человека, его индивидуальный и культурный опыт. Поэтому при изучении 'мёртвых' языков необходимо использовать дополнительный лингвокультурологический материал, который заложен в человеке, использующий функционирующий язык. К

языковым средствам, обнаруживающие культурный фон, относятся семантические ассоциации, интерпретация, экстраполяция смыслов и различные тропы: метафора, сравнение, метонимия.

Слово *мозг* в русском языке означает (на понятийном уровне) вещество, наполняющее череп человека и высших животных [Даль, 1994: 338]: *черепной мозг, спинной мозг, хребтовый или позвоночный мозг; Я завалился в них, сразу согрелся, подумал о крупозном воспалении, о том, что у девушки, может быть, треснула кость черепа изнутри, осколок в мозг вонзился...* (М. Булгаков); *Где-то он таился и в костях и в мозгу* (М. Булгаков).

В народных представлениях *мозг* ассоциируется с едой, определяя тем самым концептуальный признак – ‘пища’. Метонимически *мозгом* в русском языке называют съедобное блюдо, изготовленное из мозга: *телячьи мозги, жареные мозги, мозги с зеленым горошком, бабка из мозгов, биточки из мозгов, гренки с мозгами, запеканка с мозгами и т. д.; К ужину подали пудинг из телячьи мозгов* (Л. Разумовская).

В русской языковой картине мира концепт *мозг* связан с умственной способностью человека: *человек мозгастый* (умный человек, у которого много мозга, ума); *раскинть мозгами* (о человеке, который не может решить, поставленной задачи); *Лоб широк, да мозгу мало* (Русская пословица); *У него в голове ни ползолотника мозгу* (Русская пословица); *Из всего выкрикнутого женщиной в расстроенный мозг Ивана Николаевича вцепилось одно слово: "Аннушка"...* (М. Булгаков); *Тут в мозгу Берлиоза кто-то отчаянно крикнул: "Неужели?..."* (М. Булгаков).

В представлениях русского народа концепт *мозг* ассоциируется с веществом, которое способно гореть: *загорелся мозг; Под веками у него вспыхнул зеленый огонь, от него загорелся мозг, и над толпою полетели хриплые арамейские слова* (М. Булгаков); *Тут какие-то колеса поворачивались в горящем мозгу, и выскакивала Людмила Сильвестровна, взывала, махала кружевным платком* (М. Булгаков); *мягкой тканью, в которую можно что-то воткнуть: Затем мгновенно, как будто из мозга выхватили иголку, утих висок, нывший весь вечер после свидания в Александровском саду, мускулы рук и ног окрепли, а затем тело Маргариты потеряло вес* (М. Булгаков); *При каждом слове кто-то втыкал ему иголку в мозг, причиняя адскую боль* (М. Булгаков).

Таким образом, концепт *мозг* в русской языковой картине мира представляется как вещество, которое наполняет верхнюю часть туловища человека или животного – голову, черепную коробку. Это вещество отличается воспламеняющими свойствами, мягкостью и разжиженным состоянием (*размягчение мозгов, разжижение мозгов; Я выжимал из своего мозга все, что там было* М. Булгаков).

Останавливаясь у постели, на которой, тая в жару и жалобно дыша, болел человек, я выжимал из своего мозга все, что в нем было.

И тут же мутно мелькнула в голове вместо латинских слов сладкая фраза, которую спел в ошалевших от качки мозгах полный тенор с голубыми ляжками:

- "Привет тебе... при-ют свя-щенный..."

В деревнях мнут лен, бездорожье... "Тут тебе грыжу и презут, - бухнул суровый голос в мозг, - потому что по бездорожью человек с насморком (нетрудная болезнь) не поедет, а грыжу притащат, будь покоен, дорогой коллега доктор".

Все светлело в мозгу, и вдруг без всяких учебников, без советов, без помощи я соображал - уверенность, что сообразил, была железной, - что сейчас мне придется в первый раз в жизни на угасшем человеке делать ампутацию

Я залался в них, сразу согрелся, подумал о крупозном воспалении, о том, что у девушки, может быть, треснула кость черепа изнутри, осколок в мозг вонзился...

И при чтении казалось, что весь текст отпечатывается навеки в мозгу.

Потому что шли новые и новые и каждый день моей работы в забытой глуши нес для меня изумительные случаи, каверзные вещи, заставлявшие меня изнурять мой мозг, сотни раз теряться и вновь обретать присутствие духа и вновь окрыляться на борьбу.

Под веками у него вспыхнул зеленый огонь, от него загорелся мозг, и над толпою полетели хриплые арамейские слова:

Тут две мысли пронизали мозг поэта.

И тут закопошились в мозгу у степы какие-то неприятнейшие мыслишки о статье, которую, как назло, недавно он всучил михаилу александровичу для напечатания в журнале.

Ну хорошо. Только не напрягайте мозг. Не выйдет сегодня, выйдет завтра.

Что-то еще глуже беспокоило финдиректора, но что именно,

он не мог понять, как ни напрягал воспаленный мозг, сколько ни всматривался в варенуху. Что это такое... Мозговая грыжа... Гм... он живет... Саркома... Гм... мягковата... Какая-то невиданная, жуткая опухоль... Откуда же она развилась... Из бывшего глаза... А может быть, его никогда и не было... Во всяком случае, сейчас нет...

- Вот что, - вдохновенно сказал я, - нужно будет вырезать эту штуку...

И тут же я представил себе, как я надсеку веко, разведу в стороны и...

И что... Дальше-то что? Может, это действительно из мозга... Фу, черт...

Мягковато... На мозг похоже...

Серова Т.С.

Пермь

ФРАГМЕНТАРНЫЙ ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРЕВОД В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Перевод как сложный вторичный вид иноязычной речевой деятельности необходим там, где люди решают общие задачи в различных сферах жизни, а говорят при этом на разных языках и являются носителями разных культур.

И если любой вид перевода делает возможной межъязыковую коммуникацию, общение между людьми, говорящими на разных языках, то он имеет право на существование.

Поэтому отличительным признаком перевода является его «предназначение, его особая цель служить полноценной коммуникативной заменой оригинала» [1: 52], дать ему вторую жизнь

Понимая под переводом определенный вид «языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноценной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему», В.Н. Комиссаров признает принципиальную переводимость релевантной части фрагмента содержания оригинала при возможных опущениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации [1: 49]. Есть несколько называемых видов письменного перевода, где допускаются опущения. Сокращенный перевод, когда [2: 7] максимально сокращается объем первичного документа при сохранении наиболее существенных элементов его содержания. Иногда называют помимо сокращенного перевода еще письменный выборочный перевод, упрощенный перевод [2: 34].

При этом правильно замечает Л.К.Латышев [2: 35], что необходимо создавать классификацию видов перевода и разрабатывать соответствующие нормы.

Нам представляется правомерным предположение о том, что потребуются новые понятия и термины, для того чтобы выделить и обозначить уже действующие, обладающие своей спецификой виды языкового посредничества, которые еще официально не признаны. С М.Я. Цвиллинг [3: 120] подчеркивает, что перевод не является универсальным заместителем оригинала и замещает его лишь в определенной конкретной ситуации.

«Потребитель перевода обращается к его тексту», – по словам Л.К. Латышева, «исходя из собственных информационных потребностей, и стремится найти ту информацию, которую считает для себя полезной» [2: 47].

Как показало анкетирование специалистов и изучение реальной переводческой деятельности на современном этапе, работники фирм как потребители информации для решения конкретных профессиональных задач, обращаются с заказом собрать, выбрать и перевести фрагменты одного или нескольких иноязычных источников без знания информации из которых решение задач невозможно, не владение потребителем значимой информацией может привести к экономическому ущербу.

Многие ситуации в производственной, экономической, социально-общественной сфере в последнее десятилетие в связи с интенсивным развитием внешнеэкономических связей требуют чаще всего перевода не всего источника, а его фрагментов, частей, разделов, связанных с конкретной проблемой, с решаемой профессиональной задачей, то есть фрагментарного письменного перевода.

Переводчик, разрешая такие ситуации на предприятии, в фирме, сокращает расстояние между потребностями заказчика и самой потребителем значимой информацией в тексте на иностранном языке. В связи с этим переводчики становятся часто единственными специалистами, регулирующими информационный поток, работая с официальными документами, а именно с договорами, контрактами, протоколами совещаний, встреч, с отчетами, информационными справками, деловой корреспонденцией и другими.

Перевод включается, таким образом, как подчеркивает В.Н. Комиссаров [5: 17], в ряд других видов человеческой деятельности и делает деятельность переводчика «важным звеном производственной и коммерческой жизни в современном мире». Это повышает социальный статус и престиж переводческой про-

фессии.

Фрагментарный или выборочный перевод является информативным переводом и в отличие от художественного перевода в качестве основной функции имеет сообщение каких-то сведений, ей могут быть подчинены функции регуляции, планирования и организации деятельности субъектов [4].

Письменный фрагментарный перевод предполагает объединение речевых произведений в акте межъязыкового общения, которые выступают в процессе перевода в виде письменных фиксированных фрагментов текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Иначе говоря, переводчик может повторно воспринимать отобранные фрагменты переводимого текста, сопоставлять их с соответствующими фрагментами текста перевода, вносить любые необходимые изменения до завершения процесса перевода.

Как и любой другой вид письменного перевода, фрагментарный перевод не ограничен жесткими темпоральными рамками, в связи с чем он может быть прерван в любой момент, с тем чтобы вернуться к уже переведенному предыдущему фрагменту, обдумать какую-то часть оригинала или перевода, обратиться к словарям, справочникам или к специалисту за уточнениями, консультацией, советом.

Очень важно, что в письменном фрагментарном переводе переводчик переводит один фрагмент за другим, но в его распоряжении находится весь текст оригинала в целом, и каждый фрагмент выступает как речевая единица данного текста, обусловленная информационной потребностью заказчика.

Переводчик переводит отдельный фрагмент, соотнося его с содержанием предыдущих фрагментов и всего текста, он может сопоставлять информацию, следить за логикой развития мысли, правильной связью между отдельными фрагментами.

Фрагментарный перевод, как и вообще письменный перевод, мы рассматриваем как «акт коммуникации между переводчиком и рецептором перевода, и он должен быть прагматически ориентирован на последнего» [5: 16]. Перевод как текст создается для достижения определенной цели, поставленной заказчиком. В этом случае критерием успешности перевода будет выступать факт достижения поставленной цели.

Такой письменный перевод предполагает второй вид прагматической адаптации [5], потому что заказчик ставит перед переводчиком задачу выборочно перевести интересующие его части содер-

жания оригинала. Но следует при этом отметить, что все отобранные фрагменты текста-оригинала подвергаются полному адекватному письменному переводу с сохранением смысловой и структурной близости к оригиналу и использованию повторяющихся во всех фрагментах переводческих лексических и грамматических соответствий.

Если исходить из речедетальностной природы процесса фрагментарного перевода, то он может совершаться чаще всего по одной модели:

=> поисково-референтное чтение одного или нескольких источников =>

=> нахождение и фиксация-запись места и объема фрагмента/фрагментов =>

=> оценочно-информативное чтение и фиксация-запись характера, количества информации =>

=> присваивающе-информативное чтение и запись всех информационных

единиц фрагментов и необходимых языковых и неязыковых средств =>

=> письмо – порождение текста перевода каждого фрагмента с выполнением всех правил полного адекватного письменного перевода =>

=> сопоставительно-создающее информативное чтение фрагментов текста перевода и оригинала и письмо окончательного варианта адекватного полного письменного перевода фрагмента или нескольких фрагментов по заявленной проблеме.

Такое сопоставительное чтение позволяет получить данные о степени близости содержания и структуры фрагмента и текста перевода, использовать способы достижения эквивалентности, стандартные способы и приемы перевода.

Представленная модель носит гипотетический характер, поскольку переводчик может опустить или переставить некоторые шаги в процессе фрагментарного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / Учебное пособие. М, 2002.
2. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Учебное пособие. М., 2003.
3. Цвиллинг М.Я. Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам // Методика и лингвистика.- М., 1981.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические ас-

пекты). М., Высшая школа. 1990.

5. Комиссаров В.Н. Переводоведение в XX веке: некоторые итоги. Тетради переводчика. Вып. 24. М., 1999.

Солопова О. А.
Челябинск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ ТЕКСТА В ДИСКУРСЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ

Использование прецедентных феноменов (ПФ) весьма популярно в современной газетной публицистике, о чем свидетельствует высокая степень частоты цитирования из разных источников. Переход к цитатному изложению может быть осуществлен в разных текстовых фрагментах, в разных объемах: 1) в сильных позициях текста: заголовков, подзаголовков; 2) в нейтральном с точки зрения композиции фрагменте текста [Сметанина, 2002]. Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров говорят о том, что прецедентные высказывания, являясь в структуре исходного текста заголовком (названием), инициальным предложением фрагмента, абзаца, текста, конечным предложением текста, аккумулируют его прецедентность, свортываясь до соответствующей сильной позиции: до заголовка, до этапного предложения, до конечного предложения. Таким образом, цитатой может быть любой фрагмент текста:

1. Заголовок выступает в качестве рекламы статьи, его эмоциональная окраска привлекает внимание читателя. Ср.: *Да был же мальчик!* (Завтра, 17.09.03); *Старые кадры выборы не портят* (КП, 22.09.03); *Кто хоть раз оступился, всю жизнь прихрамывает* (Советская Россия, 16.09.03); *Госдума. Палата № 6* (Версия, 11.03); *Дан приказ Шойгу на запад?* (Собеседник, 14.10.03). Газетный заголовок приобретает импульс условного рефлекса, это намек, от которого явление социально-психологического характера или событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании читателя.

2. Эпиграф представляет собой явный авторский знак, указывающий получателю путь интерпретации текста. Эпиграф может указывать достаточно однозначно на основную тему и в какой-то мере на ее решение в тексте, как в приведенном ниже примере: «...*Приходят люди, способности которых можно уместить в бамбуковую корзинку*» (Сунь-Цзы) – эпиграф к статье В. Попова (Завтра, 18.11.03), в которой идет речь о 90-х годах и

главном действующем лице этого «десятилетия смуты» А. Чубайсе. Эпиграф соотносится с последующим текстом как с целым, отличаясь от заголовка тем, что его связность с текстом, как правило, чисто семантическая. Можно утверждать, что эпиграф является «самой интертекстуальной» позицией текста, его предельная интертекстуальность обусловлена тем, что он в большинстве случаев представлен цитатой из текста либо классического, либо весьма авторитетного и известного широкой аудитории.

3. При использовании ПФ в подзаголовке его функции оказываются двоякими: во-первых, он носит характер формулы, во-вторых, производится «ссылка на авторитет», то есть апелляция к члену референтной (либо антиреферентной) группы. Ср.: в статье А. Нагорного «Головокружение без успехов» (Завтра, 11.11.03) встречаются следующие подзаголовки: *За двумя зайцами; С новымходом; Бей белых, пока не покраснеют. Бей красных, пока не побелеют*. Подзаголовок выполняет информативную функцию, содержит в сжатой форме основную идею фрагмента статьи, является ключом к ее пониманию.

4. Занимая сильную позицию в тексте наряду с заглавием, эпиграфом и подзаголовком, начало и концовка относятся к тем композиционным элементам текста, которые привлекают повышенное внимание при первом знакомстве с публикацией. Ср.: статья А. Проханова «Народ безмолвствует» (Завтра, 5.11.03) начинается рядом цитат: «*"Как буря, смерть уносит жениха!" — это о Волошине. "Во глубине сибирских руд" — это о Ходорковском. "Все мое!" — сказал булат*», — это о Путине...» и завершается *Народ же безмолвствует*. С заголовком связан первый абзац, поскольку и заголовок, и первый абзац представляют собой цитаты из разных произведений А.С. Пушкина. Автор повторяет заглавие в конечном предложении, возвращая читателя к мысли, с которой он начал статью. Текст выступает как тематическое единство, которое оказывается заключенным в рамку, создаваемую заголовком и конечным предложением.

5. Частотное использование ПФ в начале и конце абзаца оправдано правилами риторики: располагать доводы таким образом, «чтобы сильные были наперед, которые послабее, те в середине, а самые сильные в конце». Ср.: в статье В. Ширяева (Новая газета, 16.10.03) один из фрагментов начинается с персидской поговорки: *Кто владеет ушами шаха, тот владеет всем государством*, которая задает основную тему статьи, в

конечном предложении с ПФ подводится промежуточный итог, дается оценка факту: *И не понять — то ли президента дурачат, то ли он сам обманываться рад.*

Проведенный анализ 529 ПФ, отобранных из статей, посвященных выборам депутатов Государственной Думы, которые были опубликованы в общероссийских газетах («Известия», «Российская газета», «Завтра», «Собеседник», «Советская Россия», «Новая газета», «АиФ», «Совершенно секретно», «Версия», «КП», «Газета») в сентябре — ноябре 2003 г., позволяет говорить о том, что ПФ частотны в сильной позиции текста, что составляет 47,9% от общего числа ПФ. В указанном корпусе обнаружено следующее соотношение между употреблением ПФ в сильных позициях текста: 32,2% — в заголовке, 28,3% — в конце абзаца, 18,9% — в начале абзаца, 9,4% — в конце статьи, 4,2% — в начале статьи, 3,9% — в эпиграфе, 3,1% — в подзаголовке. Благодаря своей экспрессивности и эмоциональной окрашенности ПФ являются излюбленным средством авторской кодировки своего эмоционального отношения к описываемым в тексте событиям и их участникам. Использование ПФ в сильных позициях усиливает их значимость для текста в целом и является удачным способом привлечения внимания адресата.

Стрельников А.М.

Нижний Тагил

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ

Благодаря провозглашению свободы слова, отмене внешней цензуры и снятию идеологических барьеров изменился облик современной прессы. Однако информация СМИ, в силу особенностей механизмов ее порождения и передачи, не претендует на абсолютную объективность. В особенности это относится к тиражируемым прецедентным текстам политического дискурса. Уже на начальном этапе создания текста начинает играть свою роль оценочность.

В сложившейся в настоящее время ситуации отказа от использования открытой "пропаганды" как малоэффективного; признав за адресатом политической агитации права выбора, современные журналисты все чаще используют "скрытые" механизмы воздействия. Основная функция оценочного фактора публицистических материалов политической направленности — оказать определенное, желаемое для автора (или заказчика) текста воздействие на адресата и повлиять на его оценку жизненных реалий, то есть на картину мира.

Оценочность можно назвать одним из основных стилиобразующих факторов публицистических материалов. Она реализуется посредством целого ряда приемов: отбор и классификация описываемых фактов действительности; внедрение фактологической информации в концептуальную; использование специфических лингвистических средств оценивания и рядом других.

В сообщении всегда присутствует категория оценки. Явную оценку адресат подвергает критике и а) принимает, б) отвергает, в) маркирует как спорную. Скрытая авторская оценка, в свою очередь, воспринимается и присваивается адресатом на суггестивном, эмоциональном уровне. У адресата складывается впечатление, будто он самостоятельно пришел к определенным выводам. Вербальные оценки обладают рядом характерных бинарных оппозиций: имплицитная (намек)/эксплицитная (значение заключено в себе); положительная/отрицательная.

Рассмотрим наиболее часто актуализируемые типы оценок, используемые в политическом дискурсе кампании по выборам президента. В качестве основы была использована классификация оценок, предложенная Н. Д. Арутюновой [Язык и мир человека, 1999]. Материалом послужили прецедентные тексты президентской кампании в России в 2000 году.

1. Оценка рейтинга и шансов на победу (*фаворит предвыборной гонки, достойная альтернатива, главный соперник, перспективный кандидат; не помеха лидеру, не имеет бесспорное преимущество, обладать прозрачными шансами*) – 18 % от общего числа оценочных словоупотреблений, например: "Итак, очень вероятно, что 26 марта лидеры на пьедестале почета распределятся совсем не так, как сейчас предсказывают аналитики. И верхние ступеньки займут фавориты демократического блока: Владимир Путин и Григорий Явлинский." [АиФ, март 2000].

2. Морально-этическая оценка (*честный, принципиальный, смелый, гордый, скромный, целенаправленный; трусливый, слабовольный; непоследовательный; преступный*) – 18 %: "Путин более сдержанный. Я не думаю, что он когда-нибудь напивается..." [АиФ, февраль 2000].

3. Интеллектуальная оценка (*умный, образованный, логичный, безошибочный; глупый, необразованный, не владеющий родным языком*) – 8 %: "Похож на служебного пса, непородистого, с "изъяном", но очень умного и нестандартного." [Независимая газета, март 2000].

4. Эстетическая оценка (*пользующийся успехом у противоположного пола, здоровый, привлекательный, яркий; непривлекательный, больной, старый*) – 6 %. "Легок. Словно сошел с экрана. Кажется, еще вчера мы видели его в сериале "Никита". Покиношному красиво достигает невозможного... Готов улыбаться, подписывать, жать руку, стрелять, извиняться." [Независимая газета, март 2000].

5. Нормативная оценка (*правильный, гибкий; антигерой, чересчур прямолинейный*) – 5 %: "Столь же бесспорным «антигероем» с фантастическим отрывом от остальных стал лидер ЛДПР В. Жириновский." [АиФ, март 2000].

6. Оценка профессионально-деловых качеств (*занимается своим делом, сложившийся профессионал, знающий и умеющий, служака; совершающий ошибочные действия, зависимый, профессионально некорректный*) – 20 %: "Как поведет себя человек с навыками разведчика на руководящем посту? Станет ли он использовать здесь профессиональный опыт? И что будет в этом случае со страной? Ответы на эти принципиальные вопросы мы получим, видимо, уже после 26 марта." [Время МН, январь 2000].

7. Оценка политического статуса (*всемогущий, крупная фигура, поддерживается множеством избирателей, ценность для населения; устрашающий, политический лилипут, "травоядный" политик*) – 15 %: "В. ПУТИН: "Кто нас обидит, тому в течение трех дней мало не покажется". [АиФ, февраль 2000].

Как видно из примеров, результаты сплошной выборки порядка 800 оценочных словоупотреблений периода предвыборной агитации неравномерно распределились по предложенным типам оценки. Оставшиеся 10 процентов оценок можно отнести к утилитарной оценке (*правильный-неправильный*), и телеологический (*удачливый - неудачник*), однако ввиду их небольшого количества мы не принимали их во внимание.

Таким образом, категория оценки в политическом дискурсе играет большую роль при достижении агитационных целей. Потенциально большей силой воздействия обладает имплицитная метафорическая оценка. Она приобретает личностную значимость для адресата, будучи воспринимаема без критического осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999.

2. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997.

3. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.

**Сурина А.В.
Нижний-Тагил**

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Б.Н. ЕЛЬЦИНА

Процесс метафоризации в текстах разной жанровой принадлежности давно привлекает активное внимание исследователей языковых явлений, т.к. факт вторичной номинации имеет огромный потенциал. В нашем исследовании метафора интерпретируется на основе когнитивного подхода, суть которого в наблюдении ментальных процессов и ментальной деятельности человека.

Данный подход отрабатывался на примере использования метафоры в различных типах текста. Объектом нашего исследования является метафорическая модель в политическом тексте. Материалом для изучения метафорических моделей выбраны мемуарные тексты. Из огромного потока воспоминаний политиков мы выбрали мемуарное творчество Б.Н. Ельцина. Первый российский президент издал три книги своих воспоминаний: «Исповедь на заданную тему» (1990), «Записки президента» (1994), «Президентский марафон» (2000). Все они посвящены определенным этапам его политического пути. Выбор именно этих произведений обусловлен также и достаточно высоким интересом читателя к этому политическому деятелю, сыгравшему столь неоднозначную роль в судьбе России.

Диапазон метафор в мемуарах Б.Н. Ельцина обширен, поэтому мы рассматриваем только доминантные метафорические модели, которые помогают представить картину мира политического деятеля через метафорическую интерпретацию. Нами было выделено несколько метафорических моделей, в терминах которых осмыслялась политическая реальность: война, механизм, игра. В мемуарах представлено, в большей или меньшей степени, множество тематических фреймов. Самым распространенным является фрейм, включающий милитарные метафоры.

Война как явление, участвующее в формировании менталитета российского общества, является удачной сферой для передачи политических конфликтов и столкновений, напоминающих военные действия. Поэтому обращение к военной метафоре обусловлено ее доступностью и близостью сознанию российского читателя.

В мемуарных произведениях российского президента можно встретить необходимые атрибуты военной обстановки, перенесенные в политическую сферу. Политическая арена часто превращается в поле военных действий, где предполагается выбор цели и средств ее достижения. В политике мишень могут представлять различные субъекты властных отношений: конкретные политические деятели, партии, фракции. Ее выбор зависит от масштаба разногласий и политической цели «противников».

В своих мемуарах Б.Н. Ельцин представляет богатый арсенал оружия разной степени сложности: от простого (дубина, нагайка, нож, копье, пороховая бочка) до более совершенного (бомба, мина). И, соответственно, распространены метафоры производных от различных видов оружия, действий. Например, действие мины или бомбы образует появление метафор со словами «взрыв», «взрываться», «разминировать». В тексте приведен лишь один пример, подтверждающий, что одним из самых приемлемых средств воздействия в политике является слово (*«Начал читать текст и понимал, что каждое **слово** попадает в цель»*) («Президентский марафон», С.379)).

Участниками «военных действий» становятся «бойцы» «эшелона политиков». В таких условиях действует закономерность: плохой политик – плохой боец. Политические деятели, выстраивая «бастионы», сооружая «баррикады», выполняют «военные маневры» разной сложности.

Политические метафоры могут представлять непродолжительные по времени действия: штурм, атака, схватка, сражение, бой. Но все же более часты примеры масштабных военных действий. Например, концепт «борьба» и, в особенности, «война». Встречаются метафорические сочетания, говорящие об окончании военных действий: «зализывать раны», «обезоружить», «победа»

Военные метафоры в итоге представляют развернутую картину военных действий, что, на наш взгляд, является признаком неустойчивой политической ситуации в стране.

Второй по частоте употребления и по степени развернуто-

сти является метафора с общим значением «механизм». Политика – это слаженная система, четко работающий механизм. Понятие «государственная машина» наделена такими характеристиками, как: «огромная», «тяжелая», «сложнейшая». Мощная государственная машина состоит из множества механизмов, отвечающих за отдельные ее функции. Кроме механизмов управления, можно выделить «механизм принятия решений», «механизм реализации указа», «механизм договоренности» и т.д. Имеют место и механизмы, вносящие сбой в работу государственной системы, оказывая ей противодействие. Сюда входят различные «механизмы политической борьбы», например: «механизм интриги», «механизм политической бомбы» и т.д.

И, конечно, сложный государственный механизм не может функционировать без главных деталей, являющихся стержнем «конструкции власти». К ним, в частности, относятся: «руль» и «мотор» Наряду с основными деталями механизма присутствуют и менее значительные, но обеспечивающие четкую работу сложной конструкции. Например, «пружина», отвечающая за слаженность работы всего механизма, «колесо», которое призвано приводить систему в движение, «клапан», регулирующий работу механизма и самые мелкие детали – «винтики», которые подчеркивают незначительность, крайнюю зависимость от системы.

Модель механизма, по наблюдениям А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича, помогает «сокрыть неразработанность или неясность предмета обсуждения».

В мемуарах Б.Н. Ельцина при характеристике политических явлений часто встречается «игровая» метафора, которая, на наш взгляд, соотносима с военной метафорой, т. к. игра тоже проходит по четко установленным правилам, где каждый участник играет определенную роль и где в итоге выявляется победитель и побежденный. Но здесь, в отличие от военной метафоры, менее напряженная обстановка и менее существенны потери. Политика, по мнению автора мемуаров, представляет «огромное поле для интриг, нечистоплотной *игры*» («Президентский марафон», С.81). Ельцин делит политиков на «игроков» и людей, которым чужды «закулисные *кремлевские игры*» («Президентский марафон», С.85).

Игровой момент чаще всего имеет в тексте негативную окраску, игра становится предметом осуждения автором, неприемлемым методом достижения какой-либо политической цели, т. к.

в ней содержится искусственность и она допускает применение нечестных (или запрещенных) приемов. Особенно явно это выражается при описании предвыборной деятельности. В своих мемуарах Б. Ельцин использует в качестве сферы-источника характерные черты разных игр. Это может быть традиционная для данной сферы деятельности игра словами, карточная игра. Также используется названия атрибутов, игровой стратегии шахматно-шашечных состязаний: *«В этих кулуарах ... заново расставляются **фигуры** на политической **доске**»* («Президентский марафон», С.110).

Метафоры, употребленные в тексте мемуаров, складываются в единую картину, образуют единое целое, поэтому их можно использовать как средство реконструкции авторских интенций. Изучая метафорическое поле Б. Ельцина, можно выявить тенденцию негативной оценки политических событий 90-х годов. Таким образом, метафора в политических мемуарах Б.Н. Ельцина, с одной стороны, представляет способ авторского осмысления российской политической реальности, выражения оценки тех или иных ее сторон первым российским президентом, а с другой – реализует метафорические модели, типичные для российской политической коммуникации конца XX века.

Твердохлеб О.Г.
Оренбург

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОСТУЛАТ И ЯВЛЕНИЕ СТАТИКИ И ДИНАМИКИ В СИНХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Появившиеся в последние десятилетия XX века «трудности с машинным переводом естественного языка, переход от баз данных к базам знаний, проблемы создания естественного языкового “входа” в компьютер потребовали изменений и в подходах к изучению языка» [Петров, 1988: 45]. Одним из наиболее серьезных дискуссионных обстоятельств на пути создания искусственного интеллекта является наличие противоречия между истинным и доказуемым, вскрытое австрийским логиком и математиком, эмигрировавшим позднее в США Куртом Гёделем (1906—1978; уроженец Чехословакии) в теории принципиальной неполноты различных систем знания на основании строгих математических доказательств [Gödel, 1931]. Согласно гёделевским теоремам, любая логически непротиворечивая замкнутая система характеризуется непреодолимой неполнотой, ибо в любой логической, научной, философской или иной другой формализован-

ной системе можно высказать утверждение, которое в рамках этой системы нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Для этого необходимо выйти за рамки системы. Чтобы преодолеть противоречия, возникшие в XX веке в современной квантовой физике в связи с открытием двойственной природы света, Нильс Бор (в определенном смысле благодаря теоремам о неполноте дедуктивных систем) формулирует принцип дополнительности, в соответствии с которым противоположности — это не противоречия, а дополнения, и следовательно, нет антагонистических противоречий, а описания разных наблюдателей дополняют друг друга [Бор, 1960]. Понятие дополнительности господствует в мышлении современных физиков, однако Нильс Бор рассматривал свой принцип как методологический постулат, имеющий значение далеко за пределами физики, в самых разнообразных областях науки. Своего рода естественным механизмом для осуществления принципа дополнительности является наличие двух принципиально различных механизмов познания — правополушарного и левополушарного.

В связи с обнаруживаемыми теоретическими сложностями целый ряд лингвистов [А.Е. Кибрик, Т.М. Николаева, Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян, С. Шаумян, А.Д. Дуличенко] все чаще в последнее десятилетие также заявляет о рассмотрении своего предмета исследования с учетом принципа дополнительности. Нам представляется важным и продуктивным такой подход, в частности, при определении понятия «субъекта» в современных лингвистических работах. Во многих публикациях понятие «субъект» рассматривается как единое, цельное, вполне гомогенное, статическое (off-line) явление. Однако такая гомогенность а priori отнюдь не является очевидной.

В начале прошлого века в значительно опередившем свое время капитальном труде «Очерки организационной науки» А.А. Богданов постулирует положение о подвижном равновесии изменений, характеризующееся тем, что «сохранение является всегда лишь результатом того, что каждое из возникающих изменений уравнивается тут же другим, ему противоположным», ибо «...по мере развития науки все чаще и чаще обнаруживалось, что там, где наивному восприятию представлялась одна устойчивость, неизменность, в действительности царит одно движение, что два потока противоположных изменений создают статическую иллюзию» (параграф 2 “Подвижное равновесие” гл. 2 “Основные организационные механизмы”). Для лин-

гвистики, видимо, такое положение означает, что одно и то же синхронное явление в языке может рассматриваться с двух точек зрения: статически (анализируемое явление анализируется как непосредственная данность, когда констатируется само наличие этого явления и его собственные отличительные признаки); процессуально (определяется, в результате какого процесса оно возникает или же преобразованием какой единиц (или единиц) может считаться) [Лебедев, 1998].

Отмечая наличие и динамического, и статического подходов уже у двух важнейших традиций теорий языка древнего мира — индийской и греческой, М.В.Лебедев все же констатирует, что само противопоставление динамических моделей статическим могло найти свое теоретическое обоснование лишь после того, как сосуществование динамического и статического начал было признано сущностным свойством языка как такового. Подобные представления в лингвистической науке стали возможными лишь в XIX веке., когда в противовес механистической концепции языка XVII—XVIII вв. и в духе гераклитовской и гегелевской диалектики один из основоположников общего языкознания выдающийся немецкий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт пишет в XIX веке: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как созидающий процесс... Язык есть не продукт деятельности (ἔργον), а деятельность (ἐνέργεια)» [Гумбольдт, 1988: 69-70]; и далее: «Язык, как он есть в действительности, представляется непрерывно текущим и преходящим с каждой минутой...»; «существо языка состоит в самом акте его воспроизведения...»; «Живая речь есть первое истинное состояние языка» [Гумбольдт, 1988: 150]. Однако, несмотря на то, что «идеи Гумбольдта сохраняли высокую авторитетность на протяжении как большей части XIX, так и XX века» [Гаспаров, 1996: 21], его диалектичное понимание основных принципов устройства и функционирования языка оказалось наиболее востребованным лишь лингвистикой конца XX века, когда становится важным возможность понимания языка «по крайней мере, трояко: а) как единство языка-системы и языка-деятельности, или речи; б) как язык-систему и в) как язык-деятельность, или речь» [Почепцов, 1990: 110].

Исходя из перечисленных факторов, мы склонны предположить, что субъект как семантический акт — явление сложное, неоднородное и динамическое (процессуальное), представляющее собой систему разнородных, но взаимосвязанных элемен-

тов денотативной ситуации, расположенных между собой иерархически и по оси «центр-периферия». Такая “процессуальная”, “энергетическая” (off-line) трактовка «субъекта» обусловлена также и тем, что при анализе данного явления особенно важно обращение не к языку, а к речи. Таким образом, вместо термина «субъект» при анализе соотношения единиц плана выражения и плана содержания, на наш взгляд, более рационально в лингвистической терминологии использовать понятие «субъектная сфера», под которой понимается совокупность элементов плана содержания, способных в зависимости от точки зрения говорящего реально (фактически и потенциально) репрезентироваться в субъектных позициях — подлежащего при активной форме глагола и агентивного дополнения при пассивной форме глагола. Обусловленность определения субъектной сфере именно как динамического представления подтверждает, видимо, и психолингвистические исследования Н.И. Жинкина, установившего, что при порождении речевого высказывания смысл, подлежащий передаче, первоначально совсем не обязательно кодируется языковыми средствами. Для этого зачастую используется инвентарь чувственных и эмоциональных образов, впечатков, ощущений и т.д., который Жинкин назвал универсальным предметным кодом. [Жинкин, 1964].

Телешева И.В.
Челябинск

МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США И РОССИИ

Изучение процессов метафоризации в политическом дискурсе является перспективным направлением в рамках когнитивистики (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Дж. Лакофф, А.П. Чудинов и др.). Метафора, являясь полифункциональной единицей, наряду с инструментальной, когнитивной и моделирующей функциями обладает богатым прагматическим потенциалом – способностью воздействовать на адресата, подсказывать и настраивать на определенный тип решения и поведения.

Политический дискурс – явление, с которым мы сталкиваемся ежедневно. Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики.

Особенностью политического дискурса на современном

этапе является его опосредованность средствами массовой информации. СМИ являются важнейшим участником политической коммуникации, и исключение материалов СМИ из анализа значительно обеднило бы и исказило картину современного политического дискурса.

Как отмечает Е.И. Шейгал, благодаря СМИ граждане предстают в роли свидетелей, наблюдателей политических событий, однако они подвержены такому аналитическому прессингу, что интерпретация событий нередко приобретает большую значимость, чем само событие.

Т.В. Шмелева считает, что современные средства массовой информации составляют уже своеобразный медиальный интердискурс, в котором отличия отдельных (тем более европейских, тем более славянских) языков представляют собой лишь чисто поверхностную вещь, что связано с совпадением нашего миропонимания.

По мнению А.П. Чудинова, «метафоричность – один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи».

Сопоставительные исследования процессов метафоризации способны выявить общие черты в политической метафорической картине мира, сходства в образе мышления представителей различных лингвокультурных сообществ, позволяющие констатировать наличие базовых, универсальных метафорических моделей, которая представляет ту или иную денотативную сферу, используя при этом лексику, относящуюся в первичном значении к совсем иной сфере. Метафора – основополагающий фактор в процессе метафорического моделирования, что позволяет раскрыть специфику метафорической модели как явления современного политического дискурса, определить ее составляющие и функции.

Для современного политического дискурса характерно многообразие метафорических моделей, отражающих современную действительность. Наиболее типичными источниками метафорической экспансии становятся сферы, изначально наиболее структурированные в представлении человека, в его обыденной картине мира.

Метафорическая модель «Общество – это здоровый/больной организм» – одна из наиболее широко представленных и детально структурированных моделей в современном политическом дискурсе США и России.

Как подчеркивает А.П. Чудинов, «создаваемая человеком метафорическая картина политического мира в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей».

В последние десятилетия XX века *морбиальная метафора*, как и в прежние времена, активно используется в политической речи: с этой точки зрения можно отметить лишь архаизацию некоторых прежних выражений и появление ряда новых образов.

Исходная сфера политической метафоры рассматриваемого типа – это «наивные» представления человека о своем теле, его частях (органах), их функциях и физиологических действиях.

На основе анализируемой метафорической модели «Общество – это здоровый/больной организм», человек наделяет экономику и общество в целом наиболее близкими и понятными ему свойствами и характеристиками, в результате чего общество предстает в виде человеческого тела, с его физиологией и анатомией, и потому к нему приложимы категории здоровья/болезни. При этом, что касается последней, то здесь оказывается включенным весь сценарий болезни – от заражения и наблюдения симптомов до лечения и выздоровления/летального исхода. Такой сценарный принцип работы морбиальной метафоры вовлекает в ее действие огромный круг лексики – от соматизмов до названий отраслей медицины и медицинских профессий. Подобно живому организму, общество проходит весь цикл развития, начиная от рождения и заканчивая смертью.

Мир политики неизменно оказывает влияние на экономическое, социальное, культурное пространство нации. И метафора, являясь одним из средств создания новых образов и экспрессивности, ярко и красочно позволяет концептуализировать восприятие мира посредством языка

Толкач С.В.
Нижегородск

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Формирование культуры речевого поведения в типовых ситуациях этикетного общения является необходимым условием

для решения одной из основных задач школы – разностороннего воспитания личности, социально адаптированной к условиям жизни и работы в современном обществе.

Как известно, определенный набор типизированных ситуаций ведет к появлению набора речевых средств, обслуживающих конкретные ситуации поведения человека в обществе. В результате общество вырабатывает стандартные нормы социального поведения.

В современной науке, изучающей культуру речи, этикет определяется как совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношений к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствия, поведения в общественных местах, манеры, одежда). Из этого следует, что понятие этикета включает в себя формы *неречевого* и *речевого поведения*. Речевое же проявление этикетных отношений в свою очередь входит в состав понятия “речевой этикет” (далее РЭ).

РЭ – это определенная зона языка и речи, словесно выражающая этикет поведения. Следовательно, понятие РЭ, как и понятие этикета в целом, включает в себя речевой и поведенческий аспекты. РЭ позволяет установить контакт с собеседником в желательной тональности в различной обстановке общения.

Типовые ситуации представляют собой систему тематических групп (приветствие, прощание, благодарность, и т.п.), не образующих конечного ряда. Это не замкнутая сфера, переходящая в более широкую область устойчивых формул общения (например, ситуация одобрения может включать в себя не только само по себе выражение одобрения, реализуемое формулами “Молодец!”, “Хорошо!” и т.д., но и употребление комплимента, одобрения в сочетании с благодарностью: “Очень красиво, спасибо!” и др.).

Однако на территории отдельных регионов общепринятые нормы РЭ испытывают влияние норм языка и культуры представителей разных регионов и наций, это характерно для Ханты-Мансийского автономного округа, что, в свою очередь, предполагает интерференцию родного языка, а также говоров на чистоту и правильность речи. Поэтому РЭ школьников в силу данных причин оказывается усвоенным не в достаточном объеме.

Овладение РЭ как составной частью культуры общения, совершенствование культуры речевого общения является одной из актуальных проблем для развития личности школьника. Ос-

нова же речевого поведения закладывается в семье. Однако не во всех семьях культура русской речи на должном уровне, по ряду причин. Это и национальность, и социальный статус. Следовательно, эту проблему должны решать школа. Но школа, к сожалению, ориентирована больше на формирование и развитие письменной речи, причем на первое место ставится орфографическая и пунктуационная грамотность. И, как правило, школьник оказывается в трудной ситуации, в школе учат письменной речи, а в действительности приходится использовать устную. Поэтому, необходимы дополнительные организационные и содержательные подходы к решению рассматриваемой проблемы.

Нами видится целесообразным построение обучения с учетом витагенного (жизненного) опыта школьников. Витагенное обучение предполагает не только сумму знаний, умений и навыков, соответствующих требованиям образовательных стандартов, но и обновленный образ жизнедеятельности, направленный на дальнейшее самообразование личности, т.е. в реализации цели витагенного обучения заложен процесс помощи ученику в формировании образа своей жизнедеятельности. Практическое воплощение витагенного обучения является многоуровневым процессом. Оно составляет ряд этапов, включающих в себя набор конкретных действий по проектированию различных компонентов витагенного обучения как целостной педагогической системы.

Данный подход позволяет разработать технологию развития навыков использования средств речевого этикета учитывающую полиэтничность территории.

Толстова Ю.А.
Екатеринбург

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СМИ ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ ТЕРАКТА

То количество террористических актов, которое совершается на территории Российской Федерации и в мире вообще, позволяет констатировать тот факт, что каждый из нас так или иначе является жертвой теракта. Пытаясь узнать посредством СМИ какую-либо информацию о событии, мы впускаем в своё сознание всё новые и новые ужасающие образы теракта и, таким образом, становимся пассивной «жертвой». Возмущаясь действиям террористов, мы не можем понять самого главного: пока СМИ РФ не будет разработан этический кодекс при освещении

событий (как в странах Запада), журналисты так и будут оставаться «сообщниками» террористов, т.к. конечный результат их действий один и тот же: атмосфера всеобщего страха и паники.

СМИ воздействуют на сознание массового читателя посредством коммуникативных стратегий и тактик, которые представляют собой хитрую и точно просчитанную систему.

Мы попытались систематизировать их на примере анализа периодических изданий, освещавших трагические события в Москве на Дубровке (октябрь 2002 года) – захват заложников-зрителей мюзикла «Норд-Ост».

Сознательно или интуитивно СМИ реализовали в текстах, посвященных теракту, ряд соответствующих коммуникативных стратегий.

Стратегия 1: создать атмосферу психологического напряжения, страха (заметим, что само слово *терроризм* в переводе с латинского языка означает ужас).

Стратегия запугивания была реализована посредством ряда вербальных и вербально-визуальных приемов и тактических средств.

- Важную роль в реализации данной стратегии играют паралингвистические средства:

- изображение убитых террористов (КП, РГ);

- Прием «трансфер» - «побуждение к ассоциации с кем-то/чем-то» [Борисов, 2001: 43]:

- комментарий к фотографии в КП «Этого террориста «замочили» в сортире» - данное высказывание напрямую отсылает к реплике Президента РФ В.В.Путина, произнесенной ранее: «А террористов мы будем «мочить» прямо в сортире». Можно предположить, что перед нами комментарий-цитата.

Стратегия 2: превратить исход трагедии в предмет национальной гордости, а саму трагедию представить как апокалипсис.

Такая стратегия чужда русскому менталитету (у нас принято молча оплакивать), зато она является ведущей в странах Запада (это одна из главных стратегий «Голливуда»).

- Прием «героизации» в заголовках публикаций: возведение спецподразделения «Альфа» в ранг героев (АиФ);

- Прием «романтическая история» - обязательное составляющее в фильмах-апокалипсисах:

- статья в КП «Я обязательно его найду» - история девушки, встретившей свою половинку на спектакле.

За этой тактикой легко угадывается традиционный Happy end – «несмотря ни на что, все счастливы».

- Тактика «апофеоз» - «что бы ни случилось, страна будет идти вперед»:

- статья в РГ «Курс на «Норд-Ост» - вопреки всем трудностям героико-патриотический мюзикл будет восстановлен.

Стратегия 3: усыпить бдительность читателя.

- Прием «плацебо» (используется в медицине) – основан на внушении: нейтральное средство выдают больному, убеждая, что именно оно даст положительный эффект. Подобный коммуникативный ход используется и СМИ.

Цель данной тактики – вселить в адресата уверенность, что, если он поступит в соответствии с советом – все получится:

- статья в АиФ «Человечество спасает страх смерти»;

Стратегия 4: заставить задуматься о судьбе отношений Чечни и России:

- Тактика «мониторинг»: новая статья – звено в цепочке нескольких статей, объединенных общей темой (РГ);

- Прием «ссылки» - интервью и статьи аналитиков, размышляющих над проблемой (РГ).

Примечательным нам кажется тот факт, что выявленные нами в результате исследования коммуникативные стратегии являются универсальными при описании любого террористического акта, изменяется лишь их соотношение: если при описании теракта на Дубровке ведущей является коммуникативная стратегия «запугивания», то при описании теракта 11 сентября в Нью-Йорке превалирует «голливудская» героизирующая стратегия.

Это далеко не все коммуникативные стратегии и приёмы, используемые СМИ. В данной статье мы не ставили себе целью глобальное обобщение, а лишь хотели показать, какое поле для научной деятельности представляет собой данная область.

Устуньер И.

Стамбул

«ПТИЧЬЯ» МЕТАФОРА В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

«Птичья» метафора является разновидностью зооморфной метафоры, основанной на перенесении образов животного мира, в том числе образа птицы, на характеристику человека. В лингвокультурологическом плане представляет интерес выявление тех специфических символических смыслов, которые свя-

заны с выражением национального сознания и закреплены в языковых картинах мира разных народов в виде структурированных фрагментов концепта «Человек». Такой национальной спецификой, безусловно, обладает «птичья» метафора, представленная сопоставимыми по исходному денотату номинациями. Оценочно маркированными в русском и турецком языках оказываются образы **кукушки, совы, соловья, орла, сокола, ястреба, попугая, павлина, петуха, курицы, цыпленка**.

Символика зооморфизма **кукушка** в русском языке связана с представлением о ее «поведении» (это птица, которая не вьет гнезда, подбрасывает яйца своих будущих птенцов в чужие гнезда. У нее нет пары, ее образ связан с мотивом одиночества, неустроенности в жизни и вечного скитания по свету). К образу кукушки обращаются для характеристики матери, которая плохо заботится о своих детях, оставляя их на попечение других людей, или которая вообще отказалась от своего ребенка; женщины, не имеющей своего постоянного жилья, при этом ведущей легкомысленный, неблагоустроенный образ жизни [Русское культурное пространство. - Далее РКП]. Кукушке также приписывается способность «предсказывать» человеку отмеренный ему срок жизни. Коннотация отрицательной оценки легкомысленного поведения кукушки актуализирована в производных *куковать, прокуковать* – терять время, тратить его бездарно, впустую. В турецком языке *guguk* (кукушка) так же, как и в русском, обладает символикой «никчемности», отрицательной оценки ее образа жизни. Ср.: *Guguk kuşu verip aladoğan almak* – погов. Сменять кукушку на ястреба (см. ястреб – хищная птица). В отличие от русского языка, в турецком образ кукушки связан с приписываемым ей свойством предвещать любовь. См.: **Guguk kuşu**: *Aşk habercisi* (букв. вестник любви) [Büyüç Laurouse, 1986: 88].

К образу **совы** носители русского языка обращаются при характеристике человека, который по ночам бодрствует, а утром долго спит; человека, у которого круглые, широко открытые глаза и неподвижный взгляд (ср.: сова – хищная птица, которая плохо видит при свете и охотится по ночам, может подолгу смотреть не моргая) [РКП]. У турков сова (*baykuş*) считается (наряду с орлом) символом долгожителя [Akalin Sami: 10]. У русских (очевидно, на том же основании «долгожительства») – символом мудрости. Актуализировано в зооморфном образе совы и символика «пугающей и накликающей беду птицы» (из-

вестно, что сова может издавать различные звуки - ухать, хохотать, хныкать, плакать как ребенок). Ср. выражение *baykuş gibi* – как сова (накликающий беду, несчастье).

Соловей - певчая птица, невзрачный вид которой сочетается с красивым, зачаровывающим голосом. Образ соловья имеет для русских ярко выраженный позитивный характер, используя для характеристики человека, который хорошо поет и пением которого можно заслушаться. Ср. устойчивое сравнение *поет как соловей* [РКП]. Аналогичной образной символикой обладает тур. *bülbül* соловей, ср.: *Bülbül gibi konuşmak (okumak)* – говорить (петь) как соловей. Развитие этой базовой символики зооморфизма *соловей* представлено идиоматикой русского и турецкого языков. Ср. *Разливаться <заливаться> соловьем* - красноречиво, упоительно рассказывать о чем-либо, получая удовольствие от своей собственной речи, или льстить; о человеке, речь которого воспринимается говорящим как излишнее словословие и «краснобайство» [РКП]. Как видно из приведенных примеров, символика «искусного певца» соединяется в сознании русского этноса с представлениями о красноречии, сочетающемся в то же время с самолюбованием и могущим переходить в краснобайство, служить средством обольщения. Кроме того, и в русском и в турецком языках образ соловья используется для характеристики излишне словоохотливого человека (излишне открытого и доверчивого). Ср. тур. *bülbül gibi açılmak* – постепенно разговориться, разойтись // *bülbül gibi söylemek* – ничего не утаить, выложить все как на духу // *bülbülün çektiği dilnin belâsidir* *посл.* соловей страдает от своего языка (= язык мой – враг мой) и русское выражение *запеть соловьем* - начать подробно рассказывать о чем-либо (как правило, в ситуации, когда человек не хочет говорить, но его вынуждают к этому под давлением). В турецком языке данный образ наделяется также символикой «свободолюбия». Ср.: *Bülbüle altını kafes zindandır* *посл.* соловью и золотая клетка – тюрьма. Кроме того, в турецком языке отмечаются и специфические (по сравнению с русским) значения метафоры *соловей*: *Temizliği ile meşhurdur* - известна чистота соловья [Akalin Sami: 10]. *Türk divan şiiri kuşları çok simgesel anlamı ile değerlendirir. Bu yoruma göre ağlayan aşığıktır* - в турецкой диванной поэзии образы птиц несут в себе символическое значение: соловей ассоциируется с плачущим возлюбленным [Harun Talasa, 1973: 484].

Символика метафор **орел, сокол, коршун, ястреб** выяв-

ляет особое отношение носителей разных этносов к классу крупных хищных птиц, образы которых оказываются культурно маркированными и выступают как достаточно стабильная подсистема в группе зооморфных номинаций сопоставляемых русского и турецкого языков. При этом каждый из членов данной группы «птичьих» метафор обнаруживает специфические образные коннотации. Различия выражаются как в характеристике человека через внешнее сходство с образами этих птиц, так и в характеристике внутренних качеств, темперамента, поведения человека, «выводимой» через образную аналогии с соответствующим «прототипом».

Орел - крупная птица, с мощным, загнутым вниз клювом, сильными лапами, большим размахом крыльев, парящая высоко в небе. Приписываемые орлу антропоморфные характеристики (*независимый, строгий и исполненный достоинства взгляд, царственность и величественность*), проявляющаяся во всем его поведении [РКП]) используются для характеристики человека, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с орлом. Образ орла нагружен также коннотациями *зрелости, опытности, смелости, зоркости* (хорошее зрение позволяет птице с высоты своего полета видеть очень мелкие предметы, охватывая при этом взглядом огромное пространство). Все это позволяет использовать образ орла для характеристики «настоящего» мужчины, у которого много достоинств, при этом может подчеркиваться любое из его качеств, соотносимых с характеристиками орла (например, *мужественность, благородство, свободолюбие, гордость, независимость* и т.д.); необыкновенно *острого зрения* человека, которое позволяет ему замечать и различать мельчайшие детали, в том числе и в пределах очень широкого пространства, а также способности человека масштабно и в перспективе оценивать ситуацию. Ср. выражения *орлиный взор* – строгий, исполненный достоинства [РКП], гордый, смелый, пронизательный взгляд [МАС], тур. *kartal bakışı* орлиный взгляд; *глядеть орлом* – смотреть взглядом, который исполнен гордости и независимости; при этом он может быть надменным, выражать превосходство и высокомерие [РКП]. В русском языке образ орла характеризует также сильного, красивого, гордого молодого человека (ср. *орел-парень*). В турецком языке аналогичная оценка выражается через образ *льва* (ср. *aslan*). Кроме того, метафора *орел* в русском языке используется для характеристики пожилого, но еще бодрого человека

(мужчины), обычно в выражениях типа: *Он еще орел*. Ср. тур. *kartala kaçmak* – арг. ‘сдавать, состариться’ (букв. терять орлиный вид). В турецкой диванной поэзии орел (наряду с совой) – символ *долгожителя* [Akalin Sami: 10].

Сокол. Быстр, смел и бесстрашен, он способен совершать отважные, дерзкие поступки. В представлении русских связывается с положительным началом и воспринимается как птица, символизирующая напористый порыв, свойственный молодости и часто граничащий с безрассудством. К образу сокола обращаются при характеристике смелого, решительного мужчины; часто о летчиках; меткого взгляда, благодаря которому человек способен заметить даже то, что скрыто от глаз. Антропоморфно ориентированными характеристиками образа сокола в турецком языке становятся свойственные птице *умение молниеносно настичать свою жертву, острота зрения, высота полета*, внешний вид (здесь можно отметить аналогии с оценкой внешности орла). Ср. тур. **doğan** (сокол), **şahin** (вид сокола, сапсан). *Doğan burunlu* – горбоносый, с орлиным носом; *şahin bakişlidir* – [у него] взгляд как у сокола. В турецкой диванной поэзии сокол ассоциируется с охотником [Harun Talasa 1973: 484]. Известно, что сокол – ловчая птица, используемая в охоте на дичь. Ср.: *Şahinile deve avlanmaz* *посл.* с соколом на верблюда не охотятся (аналогичное по смыслу *орел не ловит мух* – о занятии, недостойном такой птицы, как орел; о человеке, не разменивающимся на мелочи). *Şahin küçüktür amma, koca turnayt havadan indirir* – *посл.* Сокол – маленькая птица, но заставляет спуститься на землю большого журавля (= мал да удал).

Ястреб (коршун). В представлении русских объединяются в единый образ *опасной птицы-хищника*, воплощающей собой *воинственную агрессивность, беспощадность и отсутствие благородства*. Однако *ястреб* в первую очередь связывается со *стремительностью нападения и мгновенностью атаки* на противника, а *коршун* – с *коварством, готовностью безжалостно и кровожадно уничтожать свою жертву, используя любые средства для достижения своей цели*. *Ястребом* называют **воинственно настроенного** человека, готового быстро и стремительно «нападать» на своего противника, используя в том числе и **хитрые, неблагородные методы; политика**, считающего, что любой конфликт может быть решен в первую очередь военным путем; человека, во **внешнем облике которого обнаруживается сходство с ястребом** (например, ястребиный нос).

Коршуном называют человека, хищно выжидающего удобный момент для нападения на потенциальную жертву, поведение которого отличается **безжалостной агрессивностью, беспринципностью, кровожадностью, желанием уничтожить своего оппонента** [РКП].

В турецком языке востребована только символика внешне-го сходства человека с ястребом, акцентирующая признак «хищный, агрессивный, зоркий взгляд». Ср. **Aladoğan**. Ястреб. *Aladoğan bakışı* – ястребиный взгляд. Сопоставительный анализ данной группы метафорических номинаций показывает, что оценочная параметризация в языке имеет тонкую нюансировку, связанную с этнокультурной маркированностью соответствующих представлений о зооморфном образе.

Этнокультурно маркированными оказываются в русском и турецком языках оказываются номинации экзотических (**попугай, павлин**) и домашних птиц (**петух**). Отметим различия в символических смыслах данных подгрупп в составе «птичьих метафор». Основанием для метафорического использования лексемы *попугай* становится яркое оперение этой «одомашненной», «декоративной» птицы и ее способность имитировать различные звуки и подражать человеческой речи. В представлении русских попугай глуповат: научившись «говорить», он может без разбору, бесконечно, «бестолково» повторять одни и те же слова или фразы. К образу попугая обращаются для характеристики человека, который ярко и безвкусно одет; человека, который повторяет собственные или чужие слова; при этом может предполагаться, что он это делает автоматически, неосознанно или не имея собственного мнения. Ср. *попугайничать* – передразнивать, копировать чьи-либо жесты, слова, манеры, действия, поступки и /или образ жизни; подражать кому-либо в чем-либо [РКП]. Образ попугая как птицы, повторяющей чужие слова, используется в турецком языке для указания на интеллектуальные способности человека, запоминающего информацию путем бездумного зазубривания: *Papağan gibi ezberlemek* – зазубрить как попугай. Кроме того, в турецком языке эта метафорическая номинация имеет этнокультурную специфику. Ср.: **Papağan**. Türk divan şiirinde içki içmesi, konuşması, şeker yemesi ve renk renk güzelliği ile geçer - попугай в турецкой диванной поэзии ассоциируется с распитием алкоголя, говорливостью, любовью к сладкому и с красотой окрасок [Akalin Sami 1993: 15]. Основания для подобной метафорической аналогии вполне объяснимы:

у выпившего человека «развязывается» язык (как у попугая, который «много говорит», повторяя заученные им фразы, слова). **Павлин** знаменит своим необыкновенным хвостом с «глазками», который он раскрывает веером, желая произвести впечатление на самку. В представлении русских для павлина характерно *осознание собственной красоты, важность, горделивость и самолюбование* [РКП]. Перечисленные «антропоморфные» черты обуславливает несколько иной, чем через образ попугая, ракурс метафорической характеристики человека посредством сравнения с павлином. Символика этой метафоры связана с указанием на такие отрицательно оцениваемые признаки поведения мужчины, как *хвастовство* и *позерство*, желание показать свое превосходство, покрасоваться, *произвести впечатление (распустить хвост павлином)*. К образу павлина обращаются также для того, чтобы охарактеризовать внешний человека, одетого в излишне яркую, *привлекающую внимание* одежду (ср. *одет как попугай* – о безвкусно и слишком ярко одетом человеке). В турецком языке в символике слова **tavus** (павлин) акцентирован признак «важная птица» и «очень красивая птица», ср.: Büyük mutasavvıf Mevlana bir öğütler kitabı olan Mesnevisinde simgesel anlamlarıyla kuşlardan çok yararlanmıştır. Tavus yüksek mevkii - Великий мыслитель Мевлана в своей книге «Месневи» использовал символические значения птиц. Павлин - это символ высокого положения [Mevlana 1960:10]. В турецкой диванной поэзии павлин - символ рая [Harun Talasa 1973: 484].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русское культурное пространство*: Лингвокультурологический словарь. Вып. I / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных. М., 2004.
2. *Akalın Sami*. Türk folklorlarında kuşlar. Esra Matbaası. - Ank., 1993.
3. *Büyük Laurouse*, Cilt. 8. С. 4878. İst. 1986.
4. *Harun Talasa*. Ahmet Paşa'nın Süs dünyası. -Ank. 1973,
5. *Mevlana*. Mesnevi (Çeviren: Veled İzbudak). Cilt 1. - İst. 1960.

Урумашвили Е.В.
Екатеринбург

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Высокий уровень развития грамматической теории в совре-

менном языкознании позволил подойти к лингвистическим исследованиям с особой стороны: в последние годы большинство работ по грамматике современного русского языка не ограничиваются описанием единиц внутри языковой системы, авторы стремятся подвергнуть анализу грамматические формы и значения с точки зрения прагматических, стилистических функций, а также с точки зрения формирования высказывания (психолингвистический аспект). Предпосылки к многоаспектному описанию грамматических единиц заложены, с одной стороны, развитием такого направления современной лингвистики, как функциональная грамматика (А.В. Бондарко, М.А. Шелякин и др.), с другой – обращением исследователей к прагматике речевого высказывания, реализации прагматической функции не только лексических, но и грамматических единиц (Т.В. Булыгина, М.Я. Гловинская, Е.В. Падучева, А.Д. Шмелев).

Предметом нашего анализа являются конкретные реализации грамматической формы, ее функциональные варианты. Наибольшей многозначностью среди временных форм глагола обладает форма настоящего времени, способная к различным вариантам переносного употребления. В данном случае на первый план выходит анализ категории, которую в самом обобщенном виде можно назвать одним словом – «говорящий». Именно этот субъект речевой деятельности создает и речевую ситуацию, и контекст, позволяя реализовывать потенциальные возможности каждой грамматической формы.

Функциональный потенциал грамматической единицы, т. е. вся палитра ее возможных значений, проявляется и в художественном тексте, где в качестве говорящего выступает либо сам автор-рассказчик, либо действующие лица того или иного произведения. Одним из самых распространенных функциональных вариантов формы настоящего времени глагола является «настоящее историческое». В романе М.Ю. Лермонтова нами выделено восемьдесят восемь подобных употреблений. Большинство из них встречается в первой повести романа «Бэла», причем почти все эти формы отмечены в речи Максима Максимыча, в его живом, ярком, эмоциональном рассказе о жизни в крепости. В этом проявляется своеобразие его языка, в котором действие преобладает над описанием (отсюда большое количество глагольных форм в его речи). К тому же большое количество форм «настоящего исторического» в речи Максима Максимыча объясняется и его субъективным ощущением времени: все лучшее,

что у него было, он связывает с планом прошлого, от которого теперь остались только воспоминания. Эти воспоминания так дороги ему, живы в его душе и сердце, что он рассказывает о прошедшем так, как будто переживает все заново: *«Мне вздумалось завернуть под навес, где стояли наши лошади. **Пробираюсь** вдоль забора и **слышу** голоса, один голос я тотчас узнал: это был повеса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише»*. Очень часто форму «настоящего исторического» употребляет в своем «журнале» Печорин. Здесь между читателем и героем нет посредников, субъективное самосознание героя и его субъективное восприятие становится той призмой, сквозь которую так или иначе пропущен весь материал. Причину своего «живого» повествования объясняет сам Печорин: *«Нет в мире человека, над которым бы прошедшее (здесь и далее подчеркнуто нами) приобретало бы такую власть, как надо мною. Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю, ничего!»* И далее: *«Как же прошедшее ясно и резко отложилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время!»* («Княжна Мери»). Особо сценическое, зримое, конкретно ощущаемое описание получают у Печорина эпизоды, связанные с Верой: *«Сегодня я встал поздно; **прихожу** к колодцу – никого уже нет. Становилось жарко.... Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. **Смотрю**: в прохладной тени его свода, на каменной скамье **сидит** женщина, в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь»* («Княжна Мери»). Для Печорина Вера – это нечто большее, чем прежняя любовь, как он сам пишет, *«она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть»*, *«воспоминание о ней останется неприкосновенным в душе моей»*. Это единственная женщина, которая понимала его и любила таким, какой он есть. Вот почему Печорин с такой болью воспринимает потерю Веры, которая стала для него *«дороже всего на свете – дороже жизни, чести, счастья»*. Он мчится за ней, чтобы *«одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку...»* и загоняет коня насмерть: *«Я проворно соскочил, **хочу** поднять его, **дергаю** за повод – напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком – ноги мои подкосились, изнурен-*

ный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал». Формы «настоящего исторического» в приведенном отрывке наиболее точно передают врезавшиеся в память воспоминания.

Другой функциональный вариант формы настоящего времени – настоящее намеченного действия (синоним формы будущего времени) – используется в романе всего шесть раз и только в речи Печорина, что тоже является показательным: оттенок неизбежности, которым обладают данные формы, как нельзя лучше выражает мировоззрение героя, ведь его жизненное кредо: *«своей судьбы не минуешь»*. Решимость Печорина проявляется в самые кульминационные моменты его жизни. Вот, например, его разговор с доктором Вернером накануне дуэли: *«Доктор, я вас жду завтра в четыре часа; лошади будут готовы. Прощайте»*.

Рассмотренный нами материал еще раз подтверждает то факт, что функциональная грамматика – это грамматика выбора, где выбор и трактовка референтной ситуации, коммуникативное содержание высказывания определяется адресантом, его моделью мира.

Фаткулин Б.Г.
Челябинск

МЕТОДИКА АВТОМАТИЗАЦИИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ТЕКСТОВ В ОС UNIX.

Передача опыта от поколения к поколению происходит посредством языка. Язык, кодируя вещи, отношения между вещами, различные состояния, позволяет нам оперировать внешним миром в идеальном плане.

Контент-анализ является тем инструментом, который позволяет приоткрыть многие тайны, связанные с использованием языка. Сущность контент-анализа сводится к подсчету частотности употребления определенных слов в тексте, выявлению принадлежности этих слов к определенным, заранее заданным категориям и определению главной мысли текста, его эмоциональной окраски и направленности.

Ученые-лингвисты разрабатывают специальные компьютерные программы, которые помогают автоматизировать процесс контент-анализа ТЕКСТОВ.

В качестве примера подобных программ можно привести психолингвистическую экспертную систему ВААП (<http://www.vaa1.ru/>), которая работает в операционной системе WIN-

DOWS.

В операционной системе UNIX также предусмотрен ряд инструментов которые подходят для простейших операций контент-анализа. Подсчет количества слов в тексте производится путем использования языка awk. Руководство по awk можно найти в любом компьютере, на котором установлена операционная система UNIX в каталоге /usr/share/man/man1/gawk1.gz или набрав команду `man awk` или `info gawk`.

Алгоритм подсчета количества слов и их сортировки при работе с текстами в операционной системе UNIX таков:

- 1) создаем файл, к примеру, `wordfreq.awk`
- 2) включаем в него следующий скрипт (текст с программой):

```
# Print list of word frequencies
{
    $0 = tolower($0) # remove case distinctions
    gsub(/[^a-z0-9_ \t]/, "", $0) # remove punctuation
    for (i = 1; i <= NF; i++)
        freq[$i]++
}
END {
    sort = "sort +1 -nr"
    for (word in freq)
        printf "%s\t%d\n", word, freq[word] | sort
    close(sort)
}
for (word in freq)
    printf "%s\t%d\n", word, freq[word]
}
```

- 3) набираем в командной строке `awk -f wordfreq.awk file1>file2`, где `file1` – это файл, который подвергается обработке, а `file2` – это файл, в который выводятся результаты выполнения команды.

Для того, чтобы обработать файл на русском языке, вместо определителя регулярного выражения `^a-z0-9` необходимо набрать `^a-я0-9`. В файле `file2` мы обнаруживаем список слов, количество употреблений этого слова в тексте, причем список уже отсортирован по убыванию.

Преимущество данной методики заключается в том, что она позволяет оперировать с текстами в любых кодировках. В частности, данная методика позволила нам без использования спе-

циального программного обеспечения произвести подсчет количества употреблений слов в таких больших по объему текстах как Ветхий завет и Евангелие на арабском языке.

**Филиппова Л.В.
Стерлитамак**

КОНТЕКСТ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ

Особенность обучения речевому этикету (РЭ) в контексте культуры страны изучаемого языка состоит в том, что данный феномен присутствует в любом контексте, поэтому любая проблемная ситуация, творческое задание или ролевая игра, задаваемые и создаваемые на уроках, не обходятся без использования той или иной этикетной формулы. Реализуемые в коммуникации нормы, правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности образуют коммуникативное поведение данной общности.

Отражая социальный и культурный опыт говорящих, социокультурный контекст ситуации представляет собой в данном случае детерминированность содержания особенностей данной культурной общности как взаимосвязь языка и культуры, как обусловленность словесного контекста стилями языка и речи. Ситуация и контекст, по справедливому утверждению А.А. Вербицкого, связаны таким образом, что каждый учащийся в конкретной ситуации демонстрирует принятые в данном обществе нравственные принципы и нормы отношений людей [Вербицкий, 1994: 13]. Причем личность как субъект учебного процесса продолжает оставаться в общей системе общественных отношений, то есть в социальном контексте, представленном системой реальных отношений личности с внешним миром.

Создавая ситуации, максимально приближенные к реальным и способствуя «вхождению» студентов в атмосферу естественной речи носителей языка, преподаватель иностранного языка должен учитывать национально-культурную специфику речевого поведения представителя иной культуры. Отработка этикетных формул в коммуникативных упражнениях позволяет обучающимся осмыслить, запомнить и воспроизвести в памяти структуры, связанные с данными ситуациями (слушаю – понимаю – продуцирую).

Для носителя языка (в отличие от не-носителя) не существует проблемы «изолированного» слова. Он извлекает нужное в готовом виде, включая это слово в контекст предшествующего

опыта, во внутренний контекст разнообразных знаний и отношений, устоявшихся в соответствующей культуре в качестве оснований для взаимопонимания в ходе общения и взаимодействия [Larsen-Freeman D., 2000: 160].

Обратимся к примеру. Известно, что специфическими формами выражения просьбы в английском языке (по сравнению с русским) являются косвенный вопрос и императив с постпозиционным усложнением *Could you possibly do it for me?* (Ты не мог бы сделать это для меня), *Will you write to him for me?* (Напиши ему, пожалуйста). *Nick, please, don't go there, will you?* (Ник, не ходи туда, пожалуйста), поэтому обучающиеся с трудом осваивают эти формы. Кроме того, аналогичные в английском и русском языках формы выражения просьбы могут иметь различные прагматические характеристики. При вежливом обращении с просьбой в русском языке широко распространена конструкция *Не могли бы вы...?*. В то же время ее прямые эквиваленты *Won't you...?* *Can't you...?* не обладают такой же степенью вежливости и заменяются в соответствующей ситуации вопросительной формой *Will you...?* *Can you...?*

Следовательно, формирование навыков правильного оформления просьбы на английском языке целесообразно проводить в соответствующих ситуациях, учитывающих социокультурные факторы того или иного социума, язык которого изучается. Для этого обучающимся можно предложить контрольное задание: выразить одну и ту же просьбу разным лицам (товарищу по классу, близкому родственнику, старшему по положению и возрасту, малознакомому или незнакомому человеку и т.п.). Другими могут быть задания типа «Определи, кто является участником разговора; знают ли они друг друга; где происходит разговор и т.п.»

Таким образом, обучение речевому этикету должно рассматриваться как процесс социальной интеграции личности в иную культуру, как процесс межкультурного воспитания человека как личности в контексте языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкий А.А. Контекстное обучение: теория и практика: Межвуз. Сб. науч. трудов. Выпуск 1 / Под ред. А.А.Вербицкого, Т.Д.Дубовицкой. – М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А.Шолохова, 2004. – 144 с.

2. Larsen-Freeman, Diane, 2000, *Techniques and Principles in Language Teaching*, 2d ed., Oxford, University Press. - 189 p.

**РЕАЛИЗАЦИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ УВЕРЕННО-
СТИ/НЕУВЕРЕННОСТИ В ЖАНРЕ ОЧЕРКА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ).**

Очерк – сложная жанровая форма. Это объясняется прежде всего тем, что очерк находится на стыке художественного и публицистического начал.

Данный жанр публицистики основывается на отобранном жизненном материале. По мнению Е.И.Журбиной [Журбина Е.И], очерк, прежде всего, стремится в самой жизни найти такое явление, факт, человека, в которых были бы собраны интересные его черты.

В публицистике мы имеем дело «с вполне реальным лицом, т.е. с личностью журналиста» [Ким М.Н.], который в таком тексте выступает «конкретно-чувственным носителем речи». Очерк – это самый субъективный жанр публицистики, ибо «образ автора» в этом жанре является центральным компонентом, который становится «главным двигателем сюжетного развития» [Вакуров, 1978], а также способом установления контакта с читателем, делаясь близким ему по духу, умонастроению, взглядам, в конечном итоге, делая читателя своим соавтором.

Мы считаем, что средства выражения субъективной модальности на всех уровнях текста (фонетический, грамматический, лексический, синтаксический уровни и уровень текста) способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроения и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата. В целом, субъективная модальность выражает лишь ту оценку адекватности отражения данной ситуации, которая дается субъектом мысли, то есть указывает на степень достоверности содержания предложения с его точки зрения.

При исследовании категории модальности ученые столкнулись с такой проблемой соотношения в данной категории таких грамматических значений, как утверждение – отрицание, с одной стороны, и различные оттеночные проявления этих грамматических значений – с другой стороны.

Нас интересует прежде всего субъективное восприятие сообщаемого в плане уверенности и неуверенности самого говорящего относительно мнения о предмете речи. Значение уверенности возникает в том случае, если говорящий стопроцентно

уверен в том, что он обладает достаточными знаниями о событиях, фактах, имеющих место в жизни, и претендует на полное знание о предмете речи. Модальность уверенности составляют: 1) группа вводно-модальных слов, которую можно условно называть «обязательность» (*разумеется, само собой разумеется, правда, точно, конечно*), подтверждающие уверенность говорящего в том, что он говорит или слышит; 2) группа вводно-модальных слов «безальтернативность» (*безусловно, бесспорно, несомненно, без сомнения, вне всякого сомнения, вне сомнения*). Говорящий, употребляя эти вводно-модальные слова, претендует на полное знание о предмете речи, сомнений в выборе одного из возможных вариантов у него нет и не должно быть у его собеседника, точнее, возможность выбора у собеседника как раз отсутствует; 3) группа вводно-модальных слов «предсказуемость» (*естественно, натурально, естественно дело*), употребление которых предопределено естественным ходом вещей; 4) группа вводно-модальных слов «нормативность» (*действительно, в самом деле, подлинно, понятно, известно, понятное дело, известная вещь, вестимо (устар.), факт*) передают очевидность того, о чем говорится в высказывании, ясность данного факта для всех.

Значение неуверенности возникает тогда, когда говорящий не обладает достаточными знаниями о событиях и понимает, что его информация может оказаться недостоверной. Модальность неуверенности представлена следующими микрополями: 1) поле предположения, выраженное вводно-модальными словами (*очевидно, по-видимому, по всей видимости, скорее всего, похоже, явно*), модальными частицами (*якобы*), модальными фразами (*как предполагается, я предполагаю и др.*); 2) поле сомнения: вводно-модальные слова (*сомнительно, маловероятно, вроде бы, видимо, наверно, вероятно*), модальными частицами (*едва ли не, чуть ли не*); модальные фразы (*мне кажется, я сомневаюсь и др.*).

В современной лингвистике средствами выражения субъективной модальности принято считать: личные местоимения, вводно-модальные слова, частицы, вводные сочетания слов, вводные предложения, повторы, междометия, тропы, интонация, словопорядок, специальные синтаксические конструкции. Перечисленные средства модальности, функционирующие на всех уровнях текста, являются маркерами текста, ибо они способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, эмо-

ционального настроя и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата.

Анализ системы языковых средств выражения субъективной модальности уже на материале нескольких политических очерков показывает, что эта категория активно способствует созданию авторской концепции, которая реализуется через ту или иную «картину мира», задавая ее как действительную/недействительную. В известной степени модальность уверенности можно отнести к жанрообразующим факторам очерков, входящих в репертуар политических PR-а. Модальность же неуверенности выражена в очерках, посвященных политическим лицам прошлого.

Хаматова А. Р.
Екатеринбург

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ В ИРОНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И. ИРТЕНЬЕВА

Творчество Игоря Иртеньева относится к направлению иронической, шаржированно-гротесковой поэзии, обыгрывающей трафареты повседневного образа жизни, абсурдизм существования "типичного" человека в "образцовом" обществе (М. Эпштейн). В произведениях такого рода авторская позиция ярко выражена, но не прямо, а через подтекст, создаваемый разными языковыми средствами, в том числе функциональными омонимиями.

Под функциональной омонимией понимается реализация в языке и речи отношений между знаками, характеризующимися тождеством формы и различием в значениях (речь идет об омоформии, омофонии, омографии, синтаксической омонимии, то есть данное явление рассматривается в широком смысле). С помощью омонимической игры, основанной на сближении соответствующих единиц, создается неоднозначность высказывания, множественность его интерпретации. К явлениям неоднозначности относится прежде всего двусмысленность, что может быть интерпретировано в случае языковой игры как «использование говорящими конструктивного принципа ассоциативного наложения (восприятие одного ассоциата на фоне другого)» [Гридина, 1996: 20].

Для произведений И. Иртеньева характерно использование разных видов омонимических единиц, но самой продуктивной является синтаксическая омонимическая модель, предполагающая ассоциативное наложение свободных словосочетаний и

фразеологических единиц в пределах одного высказывания. Если на лексическом уровне контекст помогает правильному и однозначному пониманию сообщения, то здесь как раз наоборот: синтаксическая омонимия контекстуально обусловлена. Таким образом, с синтаксической омонимией мы сталкиваемся тогда, когда в одном словосочетании или предложении можем по-разному выделить члены предложения и установить синтаксические связи между ними. В результате наложения в одном контексте значений омонимических фразеологических единиц и свободных сочетаний слов такие конструкции считаются двойственными, воспринимаемыми одновременно в прямом и в переносном смыслах.

Приведем некоторые примеры:

Твоих стихов охульных звуки

До слуха чуткого дошли,

Была охота пачкать руки,

А то б наелся ты земли.

Фразема «пачкать руки», выступая в значении «связываться с кем-либо; быть причастным к чему-либо низкому, недостойному», в то же время в контексте последующей фразы *наелся б ты земли* актуализирует свою внутреннюю форму, буквальный смысл рассматриваемого словосочетания.

Ср.: *Проснулись дворников стада,*

К рукам приделали лопаты

И, жаждой действия объаты,

На скользкий встали путь труда.

Комический эффект в данном случае достигается за счет наложения разных значений слова «скользкий». Комизм усиливается путем столкновения функциональных омонимов в составе свободного словосочетания и устойчивого выражения для заострения оценочной стороны высказывания.

Функциональные омонимы в иронической поэзии И. Иртеньева используются для показа абсурдности действий, ситуаций, намек на что-либо недозволенное, запрещенное, выражения собственной оценки, двойного или множественного истолкования высказывания, когда первоначальный смысл утрачивается или меняется на прямо противоположный. Игра с формой и значениями одинаково звучащих слов приводит, с одной стороны, к емкости фразы, а с другой, к ее максимальной наполненности, информативности.

Хвостова Е.В.

**ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ИГРЫ
КАК СРЕДСТВО ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ
К НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ**

Игра наряду со словом, искусством религией и традицией является одним из основных средств народной педагогики. Подтверждение этому находим в работах Волкова В.С., Афанасьева, Науменко Г.М., Балашовой С.С., Шенталинской Т.С. и др. Игра для ребенка – способ постижения себя и мира. Народная педагогика содержит множество игровых жанров, способных помочь ему в этом сложном деле: пестушки, потешки, загадки, прибаутки, сказки и собственно игры.

В представлении современного человека игра прочно связана с детством. Но народные игры изначально возникли именно как ритуальные или магические действия взрослых. В далекие времена (а у некоторых народов и по сей день) игра была не развлечением, а особым ритуалом, который был направлен на организацию общественной, семейной и личной жизни человека, на выстраивание отношений с реальным и потусторонним миром. Например, известная народная игра «Сиди, сиди, Яша». Дети ходят, взявшись за руки, вокруг игрока, сидящего в центре, и поют: «Сиди, сиди, Яша, ты забава наша. Погрызи орехи для своей потехи». «Яша» делает вид, будто грызет орехи. При последнем слове дети останавливаются и хлопают в ладоши и припевают: «Свои руки наложи. Имя правильно скажи», а «Яша» с закрытыми глазами (завязанными в начале кона) кружится. По окончании песни «Яша» с закрытыми глазами подходит к кому-нибудь, дотрагивается, отгадывает, кто это. Если отгадает, тот становится водящим, то есть «Яшей», и игра продолжается. Этот вариант записан Л. Нисловской в 1982 году от Д.А. Хотемцовой, 1909 года рождения, в Смоленской области.

Эта старинная игра, по мнению фольклористов, является вариантом еще более старой игры «Ящур», о чем свидетельствуют имеющиеся варианты слов. Ящур или Яшчур (Пращур) означает предок-родоначальник, которого люди очень почитали. (Вполне возможно, что детская игра возникла из забытого или утратившего свою актуальность обряда, когда люди, вызывая дух ушедшего предка, пытались узнать что-то или прибегнуть к его помощи и защите.) С годами это слово забылось и стало не понятным. Тогда народ заменил его близким по звучанию мужским именем Яша. Со временем игра «Сиди, сиди, Яша» обрела

форму детской забавы.

У русского народа в старину было немало игр, наполненных ритуальным содержанием. Например, Святки – две недели от Рождества до Крещения, включая встречу Нового года (очевидно, уже после отказа от древнерусского земледельческого календаря, когда новогодье отмечалось первого марта – с началом земледельческих работ). До принятия русичами христианства этот праздник, возможно, имел иное название. По некоторым источникам – Перезимье (это название указанного периода упоминается в репертуарных сборниках по фольклору, а также в книге Г.М. Науменко «Народные праздники, обряды и времена года в сказках и песнях»), то есть зимний солнцеворот, когда «солнце – на лето, а зима – на мороз», день «на куриный шаг» прибавляет. По структуре святочно-новогодний цикл праздников напоминал слоеный пирог, где переплетались верхний слой, связанный с христианством (пение псалмов, кондака, службы в церкви, хождение с вертепом, трапеза: предшествовавший празднику Рождественский пост, сочиво и рыба на праздничном столе), средний слой (европейское язычество, карнавал, ряжение, елка, кесарецкий поросенок на столе, пение колядок), переходным к которому являлось славение Христа и хождение по домам со звездой, символизирующей Вифлеемскую, предсказавшую рождение Спасителя, и нижний, древнейший слой, связанный с культурой предков (поминальная еда: кутья, блины, овсяный кисель, гадание о будущем урожае и изобилии на блинах, хлебе и каше; поминовение умерших и оставление для них трапезы на столе на ночь; зажигание «живого огня», то есть с помощью деревянных палочек, на весь год; обычай греть покойников, разжигая костры из старой соломы и рухляди и так далее).

Святочные молодежные игрища были своеобразным средством присмотреть жениха или невесту, чтобы сладить свадьбу в ближайший мясоед. Святочные припевы, исполняемые приходящими в дом колядовщиками, содержали похвалы дому, хозяевам и домочадцам, величальные пожелания (от четырех до двадцати куплетов), рисовали идеализированную картину крестьянской жизни. После чего хозяева должны были одарить и угостить пришедших. Если же хозяева прогоняли колядовщиков, то последние, отбежав подальше, на всю деревню распевали обидные дразнилки.

Любое событие в жизни человека, семьи, рода сопровожда-

лось специальными обрядами, имеющими все игровые признаки: условность ситуации, принятие участниками действия на себя определенной роли, выполнение связанных с этой ролью действий. Все жанры устного народного творчества включают в себя игровые элементы: от простой песни, которая не просто пелась, а обязательно «игралась», до сложных обрядовых постановок с четким распределением ролей. Например, свадебный обряд представлял собой настоящее театрализованное представление, распределенное на несколько дней и предписывающее множеству действующих лиц правила поведения во время всех актов. Человек, принявший на себя какую-либо роль, должен был говорить и действовать в соответствии с правилами ритуальной игры.

Дети, сначала наблюдая за происходящим, по мере взросления и приобщались к обрядовой культуре взрослых. Детский игровой фольклор возвращался, складывался исподволь с традиционными играми взрослых, в чем-то подражая им, привнося нечто свое. В каждой игре содержалась модель семейных, общественных, иерархических отношений.

Через игру осваивалась обрядовая культура. Например, игра в «Березовые ворота», (игра записана Г.М. Науменко в деревне Федоровка Буйского района Костромской области, где исполнялась группой детей 13 – 15 человек [Букатов В.М., Ершова А.П., 2000]), ребенок постепенно узнавал и осваивал традиции и обычаи, связанные с весенне-летними троичко-семицкими праздниками, посвященными воспеванию расцветшей и пышной, но еще по-весеннему свежей окружающей природы, в яркости и красоте своей похожей на девушку-невесту. Центральной фигурой в эти дни становилась береза: девушки с ней кумятся, загадывают о судьбе, березками украшают дома, а в березовых рощах закупают венки из березовых ветвей. Здесь поют и играют хороводы до глубокой ночи.

Игра «Березовые ворота» предусматривала два варианта. Первый игрался детьми и подростками и не имел брачного подтекста, который неизменно связывался с культом березы. Это видно из текста припева:

- Березка девочек кричала,
К себе призывала:
- Идите, девочки на луг гулять,
Зеленые веночки завивать.
- Мы тебя, березка не согнем,

На тебе веночки не завьем.
- Я к вам, девочки, сама согнусь,
Сама в веночки повыюсь.
Завьете венки зеленые,
Станете весь год веселые.

Игра в этом варианте напоминает «Золотые ворота», но, проходя через воротца, держась за платки или березовые ветки, дети образуют хоровод – символ солнца. «Береза» здесь выступает как старшая девушка-наставница, обучающая младших подруг культуре обряда.

Второй вариант несет в себе брачный подтекст, которым пронизаны все действия и игры во время весенних молодежных праздников. И здесь уже каждое слово игрового припева наполнено обрядовым значением.

В чистом поле стояла береза,
А на той березе
Золотые росы.
Вдруг откуда взялись
Буйные ветры,
Побросали росы на землю.

В данном случае береза – девушка на выданье, золотые росы – краса девичья, буйны ветры – жених со свадебным поездом. Налетел, всю красу оборвал. Больше березке не красоваться, девушке в хороводах не веселиться. Лишь изредка, когда позволит муж, можно посидеть молодухе (молодушкой называли недавно вышедшую замуж девушку, еще не имеющую детей) с девушками.

Почти во всех детских играх, в подражание обрядовым заклипаниям взрослых, содержатся небольшие стихотворные или песенные припевы, считалки и заговоры. Так же как у взрослых они несут определенную игровую функцию: связь этапов или фрагментов игры в единое целое, определение порядка и правил игры и так далее. Например, определения водящего:

Шла кукушка мимо сети,
А за нею малы дети.
Кукушата просят пить,
Выходи, тебе водить [Рейли М.В., 2002: 200-214].

Если для игры нужны были две команды, то, чтобы все было по справедливости и без обид, проводилась жеребьевка. Два игрока, постарше и посильнее, становятся матками. Остальные в сторонке шепотом договариваются друг с другом, кто кем или

чем будет называться. Затем парами подходят к маткам и предлагают выбрать:

1. Конь вороной остался под горой.

Какого коня – сивого или златогривого?

2. Бочку с салом или казака с кинжалом?

1. 3. Цепи рвать или колокол ломать? [Раз, два, три, четыре, пять..., 1995: 178].

Количество игр, через которые, подрастая, проходил ребенок, неисчислимо. Становясь взрослым, он продолжал играть: обряды и ритуалы пронизывали всю его жизнь. И знакомя детей в современной школе со старинными обрядами, с историей жизни его предков, умолчать о фольклорных играх невозможно, потому что они неотъемлемая часть этой истории. Представления и программы выступлений, построенные на фольклорном материале, позволяя привлечь не только народные старинные игры, но и включать современные – авторские и адаптированные, дидактические, коррекционные, развивающие и т.д. Еще лучше, когда в основе игры лежит импровизация самих детей. Фольклорные игровые программы предоставляют для этого все условия.

ЛИТЕРАТУРА

2. Букатов В.М., Ершова А.П. Я иду на урок. Хрестоматия игровых приемов обучения. Книга для учителя. М.: Первое сентября, 2000.

3. Рейли М.В. Истоки жизни: русские обряды и традиции. С.-Пб.: Невский проспект, 2002.

4. Раз, два, три, четыре, пять... Русский детский игровой фольклор. Книга для учителя и учащихся. Сост. Новицкая М.Ю., Науменко Г.М. М.: Просвещение, 1995.

Чувакин А.А.

Барнаул

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОВ РИТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Возрождение риторики и ее развитие на современном этапе сопровождается, как правило, рассмотрением проблем, связанных с ее предметной областью. Другая же ее сторона, связанная с методами исследования, фактически до последнего времени оставалась в тени.

Однако решение конкретных теоретикориторических задач, прежде всего в диссертационных работах и сопутствующих им публикациях, стимулировало введение в научный обиход таких понятий, как метод риторического исследования, метод риторики, риторический метод и под., которые наполняются в разных

работах различным содержанием (что отчасти вполне естественно). Впрочем, в отдельных научных сочинениях по риторике их авторы, имея дело с риторическими объектами, пользуются методами других наук или научных дисциплин, в чем трудно усмотреть соблюдение науковедческого правила адекватности предмета и методов исследования; или, что еще более показательно, пользуются методами риторики, порою и не видя этого. Все сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшей теоретической разработки проблематики методов риторического исследования.

На рубеже XX-XXI вв к проблеме методов риторического исследования обратился ряд теоретиков риторики (Е.А. Яковлева, А.А. Ворожбитова и др.). В 2000 году автор, в русле осмысления объекта и предмета общей риторики, подчеркнул необходимость формулирования адекватной предмету риторики методики исследования (методический аспект) и разработки риторической техники (прикладной аспект); годом позже была продемонстрирована возможная реализация принципов соотношения предмета и метода риторики как науки.

В активных поисках в области методов риторического исследования существенно разграничение способов коммуникативно-риторической деятельности и методов риторического исследования; обусловленность понимания методов исследования трактовкой предмета и задач риторики как науки; признание факта тесной связи методов риторического исследования с методами исследования, имеющими место в других гуманитарных науках; обращение исследователей прежде всего к методу моделирования и др. Отметим также, что в настоящее время методы риторического исследования - это скорее область проблематических суждений, чем готовых решений.

Сложность проблемы методов риторического исследования обуславливается тем, что в риторике, как во всякой науке, функционируют общенаучные и специальнонаучные методы исследования, методы теоретического и прикладного исследования, методы решения собственных и пограничных, а также междисциплинарных задач, методы исследования одной науки «переносятся» в другие. И это в условиях, когда проблема метода риторического исследования является все еще слабо от-refлексированной. Более того, как показывают, например, международные конференции по риторике, которые проводятся Российской риторической ассоциацией, в настоящее время и в

области предмета риторики пока остается больше расхождений между исследователями, чем так называемых общепризнанных положений. Наконец, отметим, что в настоящее время все еще сохраняет свою актуальность проблема статуса риторики как науки.

Разумеется, тот или иной ответ на перечисленные вопросы влечет свое решение проблемы методов риторического исследования.

Мы исходим из того, что в отличие от традиционной риторики, входившей во времена Аристотеля в ряд дисциплин диалектика - риторика – поэтика, что и определило генезис и историю методов риторических исследований, современная риторика представляет собой науку филологическую, занимающую место в сфере филологической теории коммуникации, то есть междисциплинарной области филологии, которая существует в одном ряду с такими междисциплинарными областями, как гуманитарная семиотика и филологическая герменевтика. Главная задача филологической теории коммуникации видится в исследовании общего в разных видах коммуникации, которые составляют предмет изучения разных филологических наук и дисциплин, а потому филологическая теория коммуникации составляет по отношению к другим филологическим наукам и дисциплинам ядро, выступает интегрирующим началом. И основой такого положения выступает *Homo Loquens* как базисный объект гуманитарных наук.

Филологическая теория коммуникации имеет под собой лингвистическое основание, если учесть особую значимость языка как универсального средства коммуникации. Именно естественный язык является первичной семиотической системой, вовлекающей в коммуникацию параязык и «не-язык», вторичные семиотические системы и обеспечивающей психологическую, социальную, художественную, рекламную, словом, все виды коммуникации – в качестве средства, интегрирующего коммуникативное пространство человека и человека, человека и социума, социума и социума.

Итак, в совокупности дисциплин, входящих в филологическую теорию коммуникации, занимает свое место и риторика. Это определяет общий облик ее методов - как методов филологических, коммуникативистских по своей природе, их близость к методам других гуманитарных наук: они направлены на изучение деятельности человека по обмену информацией посредством

вом естественного языка и связанных с ним иных систем, а также продуктов этой деятельности (текстов); они способны вскрыть момент коммуникативного взаимодействия участников коммуникативно-речевого акта и его вписанность в акт социальной деятельности.

Говоря вообще, методы риторического исследования ориентируются на Homo Verbo Agens - как ключевую фигуру риторической деятельности и одну из ипостасей Homo Loquens – базового объекта гуманитарных наук.

Теперь обратимся к объекту и предмету риторики. Объектом риторики традиционно признается речь. Различия во взглядах на предмет риторики, в своей основе, определяются пониманием сущности риторического. Напомним в связи с этим свою позицию, сформулированную ранее. В работе «Основы общей риторики» (Барнаул, 2000) было заявлено, что в нашем представлении риторическое имеет комплексную (интегральную) природу. Данный взгляд позволяет вычлениить в речевой коммуникации риторическую как эффективную по результатам, оптимальную по своему характеру, целенаправленную в аспекте принципов взаимного действия коммуникантов.

Комплексный (интегральный) характер риторической коммуникации определяет и комплексность (интегральность) методов риторического исследования. Область методов риторического исследования формируется за счет общенаучных методов, которые наполняются риторическим содержанием, специальными методами; также в эту область «переносятся» методы других - гуманитарных и естественных наук, могущие быть приспособленными для решения задач риторического исследования. И здесь они вступают в новые взаимодействия, тем самым приобретая статус элементов новой целостности (методов риторических исследований). Интегральность же методов риторического исследования обеспечивается на основе того или иного понимания сущности риторического.

По-видимому, можно утверждать, что методы риторического исследования составляют принципиально открытую область, что определяется прежде всего природой «главного героя» риторики – Homo Verbo Agens.

**Чудакова Н. М.
Нижний Тагил**

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

В ДИСКУРСЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

По мнению сторонников когнитивного подхода, метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов, активно участвует в формировании личностной модели мира, играет важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия.

В процессе получения и осмысления нового знания человек выходит за рамки того, что опосредовано его опытом, прибегает к языку образов и символов. В основе процесса метафоризации лежат ассоциации, представляющие собой специфическое отражение концептуальной модели мира, имеющей антропоцентрическую и прагматическую направленность. Интерпретация субъектом окружающей действительности обязательно сопровождается определенной оценкой, так как «языковое отражение объектов и явлений есть процесс выбора и определения ценностей в соответствии с человеческими потребностями и интересами».

Как известно, политический дискурс, а следовательно, и дискурс средств массовой информации, актуализирует ценностные ориентации, которые в современном русском общественном сознании чаще всего представлены оппозициями.

Дискурсу СМИ характерно оценочное противопоставление концептов *воздух – вакуум, оттепель – заморозки, стоячая вода – текучая вода* и др.

Ассоциативное восприятие свободы в качестве *воздуха* объясняется «генетической памятью» подсознания, в которой воздух является «сферой божественного дыхания, символом одухотворенности»: *В серебряные годы перестройки демократическая печать начала дышать животворящим воздухом свободы* (А. Яковлев // Новое время. 2000. №15). *Очарованные плодами Запада и жадно желающие ими овладеть, наши скифские правители с высокомерным презрением отвергают корни западной цивилизации, ее воздух, ненавистный им воздух Свободы и Человеческого Достоинства* (А.Пионтовский // Новая газета. 2004. №23). Отсутствие жизни, пустота в духовной, интеллектуальной, правовой, политической и других областях метафорически характеризуется концептом *вакуум* (от лат. *vacuum* – *пустота*) – состояние газа при давлениях значительно ниже атмосферного, нередко его относят к газу, находящемуся в свободном пространстве: *Вакуум власти или мирный процесс?* (Б.

Кагарлицкий // Новая газета. 2002. №40). *Сейчас в нашей стране существует некий идеологический вакуум* (Л. Столяренко// Новая газета. 2002. №46). *Идейный и политический вакуум стал главной проблемой для Петербурга* (С. Шелин // Новое время. 2003. №39).

Прагматический смысл подобных метафорических употреблений можно сформулировать следующим образом: кризисные ситуации в стране неизбежны, даже в какой-то степени закономерны, однако человек может и должен влиять на них, ориентируясь на ценности свободы, права, порядка.

Таким образом, при помощи метафорического противопоставления концептов *воздух – вакуум* актуализируется особо значимая в современном русском общественном сознании ценностная бинарная оппозиция «свобода – несвобода».

Чудинова И.С.
Екатеринбург

РЕФОРМА СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Как известно, отечественная система образования в течение последнего столетия постоянно (с периодичностью в одно-два десятилетия) подвергается коренному преобразованию (реформированию, перестройке, модернизации и т.п.). Постоянные изменения касаются и преподавания русского языка – учебного предмета, который, казалось бы, не имеет прямого отношения к текущим политическим событиям. Иногда трудно понять, почему общество перманентно недовольно существующей системой образования и требует кардинальных перемен. В поисках ответа на этот вопрос следует обращаться как к собственно лингвометодическим проблемам, так и проблеме взаимосвязи между политической ситуацией в стране и требованиями к лингвистической образованности школьников.

Можно обнаружить множество параллелей между отечественной системой образования двадцатых годов прошлого века (по существу первого десятилетия после захвата власти коммунистами) и последнего десятилетия прошлого века (то есть первого десятилетия после утраты коммунистами политической власти). К числу объединяющих факторов относится принципиальный разрыв с прежними педагогическими теориями и особенно с предшествующей практикой работы школы, декларации о новой эпохе и полной свободе педагогов на фоне резкого ухудшения материального положения школы и заработной пла-

ты педагогов, отсутствие единых для страны программ и учебников.

Ведущие черты отечественной послереволюционной школы в сфере преподавания родного языка – это значительное сокращение учебного времени, отводимого на изучение словесности, вплоть до полной отмены уроков русского языка в соответствии с комплексными программами. Для этого периода характерны первостепенное внимание к развитию речи учащихся и значительное снижение интереса к формированию у школьников навыков правописания, а также стремление принести в школьную практику новейшие научные достижения в области лингвистики, психологии и педагогики. Однако укрепление тоталитарного государства и усиление внимания государства к образовательной системе привело к смене приоритетов. Началась первая реформа советской школы.

В начале тридцатых годов появился ряд постановлений ЦК ВКП(б), вызвавших колоссальные изменения в организации учебно-воспитательного процесса. В результате реформы школы, сохранив максимальную идеологизацию, отказалась от многих инноваций первых послереволюционных лет. Одновременно происходит возвращение в учебный процесс ряда традиций дореволюционной школы. Вновь используется классно-урочная система, автономное изучение отдельных учебных дисциплин, стабильное расписание занятий. На уроки русского языка снова приходят такие методы и приемы, как грамматический разбор, традиционные изложения и сочинения, разнообразные виды упражнений по правописанию, существенно перерабатываются и расширяются единые для всей страны школьные программы по русскому языку. Развертывается жесткая регламентация всего учебно-воспитательного процесса.

В предвоенное десятилетие изменилось само отношение к урокам русского языка в школе. Если в первые послереволюционные годы учебное время на изучение русского языка было значительно сокращено (были даже попытки вообще отказаться от специальных уроков словесности), то в тридцатые годы родной язык занял ведущее место в практике учебной работы. Усиление внимания к изучению русского языка выразилось прежде всего в том, что с 1931 по 1941 гг. количество недельных уроков русского языка и литературы увеличилось с 24 до 39. В 1935 году Наркомпрос обязал директоров школ проводить дополнительные занятия по русскому языку вне сетки учебных часов, а

также вместо предметов, по которым временно отсутствуют учителя или нет необходимой материальной базы.

В тридцатые годы значительно изменяется отношение и к содержанию уроков русского языка, к соотношению «трех китов» лингвистического образования – правописания, грамматики и развития речи. Советская методика двадцатых годов отличалась от дореволюционной снижением внимания к правописанию. При общем сокращении времени, отводимого на изучение русского языка, главным на уроках считалось формирование широкого спектра коммуникативных умений и навыков. В публикациях ведущих методистов нередко высказывалось мнение о том, что болезненная реакция на орфографические ошибки – типичный пережиток буржуазной системы образования с ее схоластизмом, муштрой и зубрежкой, что драгоценное учебное время необходимо использовать более рационально, тогда как «мелкая борьба с буквой недостойна новой школы» [Малаховский В.А., 1925: 105].

Негативное отношение к систематической работе над орфографией сохранялось до самого начала реформы. Так, один из наиболее авторитетных специалистов писал, что тратить время на упражнения в правописании – значит отрывать школьников от выполнения политически важных задач. Ученики должны писать лозунги, протоколы собраний, заметки в стенгазеты, готовить тезисы и конспекты своих выступлений на собраниях и митингах, планы бесед с населением. Все это по мысли автора и повышает грамотность, поскольку, если ученик понимает, что «каждая написанная им страница имеет общественный интерес, то и ошибок будет меньше» [Шацкий С.Г., 1931: 45]. Аргументируя это положение, автор ссылается на свой опыт, свидетельствующий о том, что в тетрадях школьников ошибок всегда больше, чем в написанных ими же объявлениях, лозунгах, заметках в стенную печать.

Отношение к ошибкам в правописании кардинальной изменилось с началом реформы школы. Для решения проблемы были проведены очень важные организационные мероприятия. В соответствии с программами 1933 года активная работа над правописанием предусматривалась с первого класса и до самого выпуска из школы, одновременно было увеличено количество изучаемых правил, учтена необходимость наличия соответствующей лингвистической основы для осознанного усвоения орфографии и пунктуации. В соответствии с приказом Наркомпро-

са от 3 марта 1936 года директора школ были обязаны освободить учителей русского языка от всех поручений, не связанных с их специальностью. Показательно, что в этот период о квалификации учителя-словесника судили прежде всего на основе степени грамотности его учеников. В руководящих документах постоянно подчеркивалась важность поддержания единого орфографического режима в школе.

Результаты систематической работы над повышением грамотности учащихся в предвоенное десятилетие оказался вполне предсказуемым: в письменных работах школьников резко сократилась количество нарушений норм орфографии и пунктуации. Повышение внимание к урокам русского языка положительно сказалось также на развитии речи школьников и на их знаниях в области грамматики и других разделов школьного курса словесности.

В целом сопоставление развития методики преподавания русского языка в тридцатые годы прошлого века и на современном этапе развития школы позволяет обнаружить как однотипные тенденции, так и существенные различия. К числу первых можно отнести реформу (модернизацию) системы образования, все более усиливающуюся регламентацию в использовании программ, учебников, методических пособий. Вместе с тем в практике современной школы не находят продолжения такие тенденции, как особое внимание государственных органов к обучению русскому языку, увеличение количества уроков русского языка, углубление программ по русскому языку, увеличение внимания к орфографической и пунктуационной грамотности.

**Шабалина Н.
Челябинск**

АУДИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИНФОРМАЦИОННЫХ РАДИОПЕРЕДАЧ

Информационный выпуск на радио можно представить в виде мозаики, где общая картина дня складывается из мелких разрозненных событий, происходящих в мире. Перед журналистом стоит задача не только выбрать материал для новостей, но и объединить всё многообразие событий, мероприятий в единый выпуск.

Информационная радиопередача представляет собой сложную систему. Это составной вторичный текст, который включает в себя первичные тексты. Структура этой системы

строится на основе многообразных связей первичных текстов. Следует отметить, что в распоряжении радио меньше средств межтекстового взаимодействия, чем у газеты или телевидения. Взаимодействие текстов данного вида средств массовой информации ограничено языковыми и аудиальными знаками: нет зрительного впечатления от материала.

К аудиальным знакам относятся постоянные позывные, джинглы, музыкальные отбивки, специально подобранная музыка, на фоне которой звучат выпуски. Совокупность всех этих элементов создает индивидуальный эфирный образ информационной программы радиоканала. Пример яркого эфирного образа – позывные новостного выпуска на радио «Маяк» - музыкальный отрывок из песни «Подмосковные вечера». Хотя это единственный случай, когда использована известная песня. Чаще всего звуковой материал – эксклюзивный продукт радиостанции.

Слушателю аудиальные знаки позволяют, с одной стороны, однозначно определять рамки информационной программы и выделять её из общего эфирного потока; с другой – формировать интерес к данному радиопродукту. Журналисту аудиальные знаки дают возможность сделать программу связанной, легко воспринимаемой на слух, последовательной, законченной.

К аудиальным знакам следует отнести и верстку новостей. Верстка – процесс, состоящий из отбора материалов и структурирования выпуска, то есть расстановки сообщений в определенной последовательности. Традиционный тип верстки для информационных программ выглядит следующим образом: Краткий анонс новостей в начале выпуска → Важнейшие российские события → Важнейшие международные события → События социо - культурной тематики → Новости спорта → Прогноз погоды. Этот порядок расположения новостей сложился давно и хорошо воспринимается аудиторией. Однако это не значит, что информационные программы всех радиоканалов имеют унифицированный вид. Новостная политика и формат радио делают конечный продукт – новости – непохожим на разных каналах.

Аудиальные знаки определяют индивидуальность не только радиостанции, но и отдельного выпуска. Это связано с личностными особенностями ведущего. Известно, что один и тот же текст звучит по-разному, если его читают разные люди. При этом не совпадает не только интонирование, но и акцентуация

отдельных частей текста. Это связано с психофизиологическими особенностями человека. Каждый индивид обладает собственным тембром, силой, тональностью голоса и... опытом, которые он использует для воспроизведения материала.

Не сходится также звучание определенного текста, прочитанного одним и тем же человеком, но в разное время. Это можно объяснить либо изменением эмоционального состояния индивидуума, либо изменением установки в подаче материала.

Персональные голосовые возможности журналиста – вспомогательные аудиальные знаки. Они не только определяют внешний звуковой вид радиопередачи, но и помогают слушателю воспринимать составной текст информационного выпуска как цельный локальный текст.

Таким образом, аудиальные знаки являются необходимым структурирующим элементом. Они обеспечивают связанность первичных текстов внутри выпуска новостей.

**Шарафутдинов Д.Р.
Екатеринбург**

ЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРОДУКТИВНОЙ ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Продуктивная грамматика организована принципиально иначе, нежели традиционная грамматика классификационного типа. В отличие от классификационной, продуктивная грамматика нацелена на решение не только сугубо исследовательских, теоретико-лингвистических задач. Продуктивная грамматика характеризуется сочетанием признаков лингвистической теории, нормативной грамматики и частнодидактической системы. Главная цель продуктивной грамматики — лингвистическое обеспечение практической коммуникативной деятельности продуцента (производителя) речи. Правила, инструкции, алгоритмические предписания продуктивной грамматики должны методически обеспечивать переход от возникающей в сознании продуцента речи идеи, мысли, семантической структуры к ее максимально точному, адекватному выражению средствами русского языка. Решая задачу такого перехода, продуцент речи “на входе” оперирует реально существующими в русском языке лексическими единицами. “На выходе” ему необходимо на основе заданных семантических модификаций этих лексических единиц получить другие вполне реальные русские лексические и/или синтаксические единицы, воплощающие его замысел. С этой целью продуцент

речи должен осуществить над выбранной им лексической единицей определенные продуктивно-грамматические операции: во-первых, определить саму возможность необходимого семантического преобразования заданной единицы; во-вторых, в случае положительного исхода первой операции выразить новую семантическую структуру наиболее точно; в-третьих, синтаксически “увязать” полученную единицу с другими компонентами в составе предложения (если это необходимо) в соответствии с сочетаемостными нормами русского языка. Состав и характер продуктивно-грамматических операций принципиально обусловлен сделанным продуцентом речи выбором лексической единицы. Продуктивная грамматика, как и грамматические описания других типов, “надстраивается” над словарем, опирается на существующее представление лексики, выполняя по отношению к нему своего рода “обслуживающую”, модифицирующую функцию. Специфика продуктивной грамматики заключается в том, что она направлена на “обработку” и преобразование исходной лексической единицы в интересах решения задач активной речевой деятельности. Продуктивная грамматика должна описывать всю цепочку действий продуцента речи при решении этих задач: от установления реальности необходимой семантической модификации до внешнего, формального выражения тем или иным способом результата этой модификации и его синтаксического оформления в составе словосочетания и предложения.

Таким образом, продуктивная грамматика строится на семантическом основании и предусматривает движение мысли как исследователя, так и продуцента речи в направлении от значения к форме, от содержания к выражению, конкретнее — от заданного слова (лексико-семантического варианта) на основе также заданной его семантической модификации к новому слову, словосочетанию, предложению, тексту.

Принципиально асимметричный характер отношений формы и семантики языкового знака, развитость в современном русском языке синонимии разноуровневых средств — лексических и различных грамматических — предопределяют важнейшую особенность продуктивной грамматики. Будучи в основе своей описанием “от значения”, продуктивная грамматика обеспечивает выражение и оформление заданного содержания при помощи единиц различных уровней языковой системы. Приоритетом продуктивной грамматики является адекватное нормативное языковое воплощение мысли говорящего (пишущего), и для

реализации этой цели уровневая принадлежность конкретной единицы оказывается принципиально нерелевантной. Релевантно другое: служит или нет данная единица безотносительно к ее уровневой «прикрепленности» решению задачи, стоящей перед продуцентом речи в процессе коммуникации. Для решения соответствующей задачи продуктивная грамматика использует все уместные языковые средства индифферентно к их распределению по уровням системы. В том числе продуктивная грамматика оперирует и лексическими средствами — единицами неграмматического (!) уровня.

Шехтман Н.Г.
Екатеринбург

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ПОЛИТИКИ

Мы рассматриваем фрейм «вид игры», являющийся частью метафорической модели «политика – это игра» в российском и американском политическом дискурсе. Теоретическая база нашего исследования – современная когнитивная лингвистика. Мы исходим из понимания метафоры как основного мыслительного процесса, как средства воздействия на сознание и эмоциональный мир адресата (М. Джонсон, Дж. Лакофф, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов и др.).

В данном фрейме мы выделяем слоты «игра вообще», «азартные игры», «шахматы», «детские игры», «другие виды игр». Спортивные игры здесь не рассматриваем.

Игры, наиболее часто упоминающиеся как в российских, так и в американских политических текстах, – это разного рода азартные игры (карты, скачки, пари). Метафорическое употребление лексики с исходной понятийной сферой «шахматы» встречается реже и более характерно для российского политического дискурса. Приведем теперь примеры некоторых слотов фрейма «политика – это игра»:

Слот «игра вообще»:

- For the sake of the '04 election, but more importantly for the sake of American democracy, the Bush campaign of fear, deception and manipulation needs to be challenged directly. No Democrat who *plays along with that game* should be given a chance in the primaries. (Dave Lindorff, CounterPunch, December 29, 2003) (Ради выборов 2004 года, и, что более важно, ради американской демократии, кампания Буша, полная страха, обмана и манипуляций, должна немедленно получить отпор. Ни один демократ, играющий в эту игру, не должен получить шанс на предварительных

выборах.).

- ... думское выступление можно рассматривать как элемент стратегии игры Глазьева. (Александр Мячин, Русский Журнал, www.russ.ru/politics/20030908-miach.html)

Слот «азартные игры»:

- There is debate on nearly every aspect of the crisis over Iraq – except the idea that, for better or for worse, the stakes have become very, very high. (David Von Drehle, Washington Post, 16.03.2003) (Идут дебаты почти по всем аспектам кризиса в Ираке, кроме той стороны, что ставки стали очень и очень высокими.) • Edwards also plays the class card against Bush, the son of a president and grandson of a senator. (Howard Kurtz, The Washington Post, 07.09.2003) (Эдвардс тоже разыгрывает расовую карту против Буша, сына президента и внука сенатора).

- ...его [Хабарова] явно раздражает благодушие и близорукость его знакомых из домов белого и желтого цвета, которые на мэрских выборах ставят явно не на тех «лошадок», то есть на кандидатов заведомо слабых в сравнении с Чернецким. (К. Заломов, «МК-Урал», 05.11.2003) • Но что является козырем для СПС, не годится для "Яблока". (Валерий Выжутович, "Российская газета" 26.04.2003)

Слот «шахматы»:

- The stalemate compelled Miguel A. Estrada, tapped for the U.S. Court of Appeals ..., to give up in September after Republicans failed in seven tries to cut off debate. Estrada's friends said that he felt like a pawn in a political shouting match that was going nowhere.... (Mike Allen, The Washington Post, 08.11.2003) Этот пam заставил Мигеля Эстраду, предполагаемого члена апелляционного суда Соединенных штатов, отказаться в сентябре, после того, как Республиканцы предприняли семь безуспешных попыток прекратить прения. Друзья Эстрады говорят, что он чувствовал себя пешкой в политическом состязании в ругани, которое ни к чему не приводит...)

- Отставка кабинета министров – безусловно, крупнейшая, но далеко не последняя в этом году рокировка в российской вертикали власти. (Екатерина Лыкова, ПРАВДА.Ру, 6.02.04)

Слот “детские игры”:

- Senator John Edwards returned to South Carolina, the state where he was born and where his aides say he has to win ..., before hopscotching across Oklahoma and Missouri. (David M. Halbfinger, The New York Times, 29.01.2004) Сенатор Эдвардс вернулся в

Южную Каролину, штат, в котором он родился и в котором ему, как говорят его помощники, обязательно нужно победить... перед посещением с кратковременными остановками [перед игрой в "классы"] Оклахомы и Миссури. • The leap-frog strategy is highly unusual because it presumes that Dr. Dean will not be able to win any of the 13 states that vote before Wisconsin. (Katharine Q. Seelye, "New Dean Campaign Strategy Leap-Frogs Over 13 States", The New York Times, January 31, 2004) (Стратегия чехарды очень необычна, потому что она предполагает, что доктор Дин не сможет победить ни в одном из 13 штатов, которые голосуют перед Висконсином.)

- Однако, заигравшись в казаки-разбойники, «яблочники» забыли самое главное – обозначить свою политическую платформу. (Михаил Светлов, «АиФ-Урал» № 36, 2003 г.)

- Другой вопрос, что если посмотреть на процесс не с точки зрения политики как детской игры в песочнице под присмотром строгого воспитателя, а с точки зрения реального социального бытия, то возникнет иная ситуация. (Борис Кагарлицкий в интервью Павлу Черноморскому. 12.10.2003 г.)

- Я не скрываю, что решение о продлении срока президентских полномочий мы специально принимали под Владимира Владимировича, он ведь, смотрите, как порядок наводит, и чтобы не было чехарды и всяких политических шоу. (Владислав Тихомиров, Известия.ru, 05.02.04)

В результате анализа и сравнения метафорических словоупотреблений с исходной понятийной сферой «игра», встречающихся в российском и американском политических дискурсах можно сделать вывод, что таких метафор больше в российских текстах, и метафоры эти разнообразнее, встречаются очень неожиданные, эмоционально окрашенные словоупотребления, что менее характерно для американских политических текстов. Очевидно, американцы воспринимают политику все-таки как серьезное занятие, а не как потеху, имитацию деятельности. Российской политической жизни, к сожалению, видимо еще далеко до той отлаженной, «разлинеенной» законами системы, которая функционирует в США.

Шинкаренкова М.Б.
Екатеринбург

«СОН БЫЛ СВОЙСТВЕННЫМ ЭТОМУ ВЕКУ»: МЕТАФОРА СНА В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Сон является одной из важнейших универсалий челове-

ской культуры, поэтому неудивительно, что в художественных системах всех времен и народов мотив «сна» играл существенную роль. В русской рок-поэзии метафора сна самая одна из самых частотных и наиболее продуктивных в рамках анализируемого поэтического дискурса.

«Сон был свойственным этому веку» (Аквариум) и потому сном скован весь художественный мир рок-поэзии. Лирический герой живет в *уснувшем* мире (ДДТ), в государстве *сна*, охраняющем его границы (Алиса), в городе, который *прилег, задремал* (Високосный год), *сонный* дом героя (Ночные снайперы), его *уснувший* дом (Бутузов) стоит на улице *снов* (Аквариум), героя окружают *сонные* люди (Стиль), люди *сонных* профессий, работники *сна* (Аквариум) он ведет с ними беседы на *сонных* кухнях (Алиса).

Метафора сна позволяет рок-авторами конструировать целостный художественный мир, она является некой общей характеристикой всех его элементов, неким связующим звеном. Сон в рамках дискурса русской рок-поэзии охватывает все стороны действительности: он распространяет свое влияние не только на отдельных людей, но и на целые города, государства и даже мир в целом.

Такая четкая иерархическая структура данного фрейма от отдельного человека к группе людей, к дому и улице, к городу и государству и в итоге к целому миру позволяет акцентировать такие прагматические смыслы как неизбежность, неминуемость сна.

СЛОТ «ХАРАКТЕРИСТИКИ СНА»

В мировой культуре метафора *сна* имеет двойственную семантику. С одной стороны, сон – это состояние покоя, отдыха души и тела: сон здоровый, крепкий, лечебный. Такое отношение ко сну нашло свое отражение, например, в русских пословицах: *головная боль сном проходит; кто больше спит, тот меньше грешит*. Так и в «Русском семантическом словаре» сон определяется, как «наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние *покоя и отдыха*, при котором почти полностью ослабляется работа сознания, снижается реакция на внешние раздражения» [Русский семантический словарь, 1998: 123]. В этом определении намечено и другое понимание сна, в котором желание "забыться и заснуть" воспринимается как отторжение человека не только от окружающего его мира, но и от индивидуального сознания, что равно уничто-

жению личности, самоуничтожению и, в конечном итоге, смерти. В русском народном творчестве сон часто воспринимается как некое болезненное состояние, как временная смерть: *сон смерти брат; хмельной да сонный не свою думу думает; уснуть вечным сном.*

И сон в художественном мире русской рок-поэзии предстает не как состояние покоя, успокоения, отдыха, в этом мире сон – это страшная, тяжелая болезнь, лишаящая человека сил, желаний, возможностей: *Ты видишь: я болею, / Объятия Морфея меня влекут в никуда.* (Агата Кристи. Шпала)

Метафора сон в анализируемом поэтическом дискурсе имеет ряд ярких характеристик. Человека, живущего в этом сонном мире, мучают, преследуют *ночные кошмары: Напрасно себя лечу / От этих снов, кошмарных снов.* (Агата Кристи. Канкан). Все, окружающее человека в художественном мире русской рок-поэзии, напоминает *страшные, тяжелые, дурные, странные и тревожные сны: Все происходит, как в страшном сне...* (Король и шут. Кукла колдуна.); *Я завесил окна тяжелым сном...* (ДДТ. Беда); ... *Это все мои дурные сны...* (Чайф. Дурные сны)

Актуальными в художественном мире русской рок-поэзии становятся такие прагматические смыслы как постоянное ощущение опасности, тревожности, угрозы: человеку опасно находиться в этом сонном мире. Сон – это болезнь, сковывающая человека, лишаящая его способности действовать, способности осознавать себя в этом мире, осознавать себя личностью: у лирического героя *«нет силы думать, нет силы, чтобы петь»* (Зоопарк. Странные дни), а значит сон лишает человека сил жить. Так сон становится смертью: граница между жизнью и смертью в анализируемом дискурсе стирается, ведь и в том и в другом мире герой не способен действовать, мыслить: *Ох, сижу, небритый очень, / То ли дрема, то ли смерть. / Ехать дальше нету мочи, / Нету силушки терпеть.* (ДДТ. Дорожная); *Здесь может спать только тот, кто мертв.* (Аквариум. -30)

Семантика опасности, смертельной опасности сна подчеркивается через взаимодействие с рядом метафорических моделей, обладающих агрессивно-прагматическим потенциалом. Связь сна с военной метафорой *плена*, подчеркивает прагматический смысл насильственной изоляции человека, лишения его свободы передвижения, свободы выбора: человек в художественном мире русской рок-поэзии живет в *плесу снов*, он *обезоружен и скован ими. Она в плену печальных снов...* (Король и

шут. Бедняжка); *В мыльный июльский зной / Обезоружить сном...* (Калинов Мост. Увидеть тебя)

Семантика опасности передается и через частотное в русской рок-культуре метафорическое выражение с агрессивно-прагматическим потенциалом – *омут снов*. Омут традиционно в мировой культуре символизирует нечто непонятное, непознанное, опасное, затягивающее: *в тихом омуте черти водятся. И не испугаться дрем-голосов, / И не захлебнуться в омуте снов...* (Калинов мост. Самим собой)

И все же смерть спящего человека в дискурсе рок-поэзии – это временное, внешнее явление. Рок-авторы верят, что придет время проснуться, встряхнуться от оков сна. *Я часто не верю Большому себе, / Когда замираю личинкою малой / Под пыльным стеклом в летаргическом сне, / Я часто не верю в слова одеяла.* (ДДТ. Фома.) В данном примере семантика метафоры летаргического сна, сна лишь внешне похожего на смерть, дополняется образом личинки, которая обязательно откроется, проснется и станет прекрасной бабочкой.

Сон в русской рок-поэзии вслед за традициями русской культуры тесно связан с метафорами времени года, которые актуализируют прагматические смыслы вечных метаморфоз, еще раз подчеркивают веру рок-авторов в пробуждение, спасение от смертельных объятий Морфея. В настоящем рок-мире зима – мертвое сонное время, когда жизнь в природе замирает, затихает. Данная связь метафор актуализирует прагматический смысл бездействия, царящего в этом мире. *Сон изведаль облаком грез./ Убаюкал / Пряжей вьюги* (Калинов Мост. Умолчали); *А было так – / Январский белый сон. / Зима закрыла, / Завалила двери. / И город вымер.* (Бутузов. Белый сон)

Но авторы верят и знают, что за зимой приходит весна – и мир пробуждается, сбрасывает с себя оковы белого сна, оживает. И хотя в мире русской рок-поэзии весна еще не пришла, герой её ждет, он знает, что она обязательно наступит. *Все ж растает, убежит к реке снег. / Я-то знаю будет всем не до сна, / Мне сказали: за зимой весна.* (Калинов Мост. Брату); *И через миг земля очнулась ото сна. / А на земле, как всегда, / То зима, то весна.* (Воскресенье. Романов)

СЛОТ «СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

Рассматривая структуру данного слота, необходимо отметить его полюсную основу, через которую выражена одна из антиномий художественного мира русской рок-поэзии [см. подроб-

нее: Нежданова, 2000]. Мир поделен на тех, кто спит, кто принимает правила этой игры, подчиняется законам реальности *«лжи и сна»* (Аквариум), кто хочет только покоя, даже подобного смерти и тех, кто лишен сна, не хочет больше спать, ищет иные пути, *«другую жизнь – не сон»* (Ария). *Удачи тем, кто ищет, / Покоя тем, кто спит.* (Аквариум. Замок).

Сон в данном дискурсе – это гарантированное право обывателя на состояние покоя, забвения. Не спят в этом сонном мире только дети и поэты: они лишены стереотипов мышления, они творят свой мир, они живут по своим правилам, не подчиняясь законам обывателей. *Ночь рассыпала сны, / Но дети не спят, / Дети ждут у окна, дети видят.* (Алиса. Для тех, кто свалился с Луны); *От напитка такого поэты не спят...* (Аквариум. Сталь). Образ бессонницы в художественном мире русских рок-авторов, вслед за традициями серебряного века, играет роль особого творческого состояния, в котором обостряется способность лирического героя к непосредственному восприятию действительности.

Не дает уснуть, пробуждает лирического героя от тяжелого сна и рок-н-ролл, как нечто живительное, будоражащее, возбуждающее, как нечто открывающее глаза, нечто способное показать истину. «Мужчины, играющие на электрогитарах» способны проснуться и встряхнуться от ночных кошмаров (Павел Кашин. Лето): *Попробуй заснуть, но никак не спится. / Эй, звезда рок-н-ролла! (Зоопарк. Звезда рок-н-ролла); Но ночью почему-то не шел ко мне сон, / Мне не давал уснуть их рок-н-ролл.* (Чайф. Рок-н-ролл этой ночи)

Но в целом позиция лирического героя в художественном мире русской рок-поэзии по отношению ко сну неоднозначна: в рамках данного дискурса нет четкого противопоставления рок-героя и человека из толпы, поэтому нередко герой рок-авторов осознает себя частью этого сонного общества: «я один из тех, кто давным-давно спит» (Стиль. Пляж). *Все хотят спать / Все уже уснули / Я не исключенье / Я тоже сплю* (Ночные снайперы. Колыбельная по-снайперски)

И несмотря на то, что лирический герой (я) рок-поэзии является частью толпы и осознает себя таковым, он все же пытается вырваться из неё и он один из немногих, кто видит и осознает ужас и смертельную опасность этого сонного мира. В отличие от серой спящей толпы, он «не хочет больше спать» (Воскресенье. Интродукция), он «боится спать» (Зоопарк. Пригородный

блюз). Он мечтает проснуться, действовать, двигаться, любить, жить: *Хочется подраться, хочется влюбиться, / Хочется остаться, хочется разжиться, / Хочется зажечься, хочется проснуться, / Хочется раздеться, в небо окунуться.* (Чайф. Тайный знак)

Лирический герой русской рок-поэзии не понимает «тех, кто устал..., тех, кто спит» (Алиса. Мы вместе!), он призывает – «смахни сон с век, страх сдай в багаж» (Алиса. Черная рок-н-ролла мама), он готов «будить округи ни за грош» (Калинов Мост. Гой), «по ночам бредить Луной да перечить сну» (Алиса. Пасынок звезд). Но лишь немногие готовы заявить: *Мы пробудились от долгого сна: / Слух режут звуки тревоги. / Кто охранял наш покой, / Кто нам строил берлоги?* (Калинов Мост. С боевыми глазами); *Я очнулся ото сна / И увидел свою жизнь из окна.* (Ария. Король дороги)

Но все рок-авторы сходятся в одном: «жизнь не для тех, кто любит сны» (Ария. Осколок льда). Спящие люди в этом сонном мире обречены: «спящий все равно не проснется» (Аквариум. Маша и медведи).

Итак, представленные в настоящей работе примеры свидетельствуют о широком распространении морбиальной метафоры сна в русской рок-культуре. Типовые прагматические смыслы, формируемые метафорами данной группы, можно описать следующим образом: сном скован весь мир, спит государство, город прилег, задремал, заснул и дом героя, стоящий на улице снов, где живут сонные люди, ведущие сонные беседы. Но сон их не спокойный, он тяжелый, странный, наполненный тревогами и кошмарами, он больше подобен смерти, так как лишает человека способности видеть окружающий мир, воспринимать его целиком, а значит и желания жить, .

Рок-герой пока один из тех, кто давным-давно спит, но он верит, что придет весна и мир проснется, стряхнет с себя оковы сна, он сам желает проснуться, но в настоящем лишь не многие пробудились от долгого сна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нежданова Н.К. Антиномичность как доминанта художественного мышления рок-поэтов. // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь 2000.

2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) – Екатеринбург. 2001.

3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1998.

4. Неганова О.Н. «Я пришел помешать тебе спать!» семантика сна в творчестве Константина Кинчева // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь 2001